

ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

11(3) 2025

16+

Сайт журнала:
rrhumanities.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal



НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС 77-67557 от 31 октября 2016 г.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate El. № FS 77-67557 of October 31, 2016

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission



Том 11. № 3. 2025

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-932X



Volume 11. № 3. 2025

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора по связям с зарубежными авторами: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Института сербского языка и коммуникаций Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Россия

Ответственный редактор: Новак М.В., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия

Ответственный секретарь: Чистякова Е.Ю., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН (Москва), Россия – **председатель редакционной коллегии**

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор кафедры славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагич С., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и коммуникации Факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Боянич Петар, доктор философии, профессор, директор Института философии и социальной теории, Белградский университет, Республика Сербия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, доцент педагогического факультета, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Пикардийский университет имени Ж. Верна (Амьен), директор Центра искусствознания и эстетики, Франция

Волкова О.А., доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва), Россия

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Deputy Chief Editor: VICTORIA N. RYAPUKHINA, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Institute of Serbian Language and Communications, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Russia

Managing Editor: MARGARITA V. NOVAK, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Executive secretary: EKATERINA YU. CHISTYAKOVA, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, PhD. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod National Research University, Russia

Boris I. Pruzhinin, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia – **Chairman**

Irina Antanasijević, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

Arkady A. Aronov, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

Siniša Atlagić, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Journalism and Communication, Faculty of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Russia

Sergey N. Borisov, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia

Petar Bojanic, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Republic of Serbia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

Sergey B. Bystryantsev, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Relations, Medialogy, Political Science and History, Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics, Russia

Nikolai N. Veresov, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, Associate Professor, Faculty of Pedagogy, The Monash University, Commonwealth of Australia

Lorenzo Vinciguerra, Professor of Philosophy and Aesthetics at Picardy University named after Jules Verne (Amiens), director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

Olga A. Volkova, Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia

Sunčica M. Denić (Mikhailovič), Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Language and Literature, Faculty of Education in Vranje, State University of Nis, Republic of Serbia

Mikhail S. Zhirov, Doctor of Education, Professor, Department of Folk Art, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языка и литературы Педагогического факультета во Вранье государственного Нишского университета, Республика Сербия

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, профессор, директор Центра развития научных компетенций Школы коммуникаций Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтинен Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Полонский А.В., доктор филологических наук, профессор, кафедра журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, Директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии Астраханского государственного университета, Россия

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шаповалов В.А., доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Педагогического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гутенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

Ilya F. Isaev, Doctor of Education, Professor, Department of Pedagogy, Belgorod National Research University, Russia

Vladimir M. Kapitsyn, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

Eugene A. Kozhemyakin, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Research Skills Centre, School of Communication, HSE University, Russia

Alexander P. Korochensky, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Andrey D. Maidansky, Doctor of Philosophy, Professor, the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Russia

Goran Maksimović, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Dejan Marković, Ph.D., Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Lyudmila A. Mikeschina, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of the Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

Vesa Oittinen, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

Elena A. Okladnikova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Sociology and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Vitaly V. Penskoy, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Russia

Andrey V. Polonskiy, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

Vladimir N. Porus, Doctor of Philosophy, Professor, School of Philosophy, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

Anna P. Romanova, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute for the Study of Southern Russia and the Caspian; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University, Russia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

Alexander A. Khamidov, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Vera K. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Department of Philology, Belgorod National Research University, Russia

Zhu Tszyangan, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History and Documentation, Belgorod National Research University, Russia

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Faculty of Education, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Tatiana G. Shchedrina, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

Annett Jubara, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.
Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University»
Publisher: Belgorod National Research University
Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ	RESEARCHES
Ольхов П.А., Человенко Т.Г., Человенко А.С. Новый патриотизм для новых людей (практические наблюдения и заметки) 5	Oikhov P. A., Chelovenko T. G., Chelovenko A. S. A New Patriotism for New People (Interdisciplinary Orientations) 5
Седанкина Т. Е. От герменевтики молчания к теологии тишины 17	Sedankina T. E. From the Hermeneutics of Silence to the Theology of Stillness 17
Михайлин В.Ю., Тихонова С.В. Воображаемая середина: случай сказителя (Одиссея. Песнь VIII) 34	Mikhaylin V. Yu., Tikhonova S. V. The Imaginary Middle: The Case of the Storyteller (Odyssey. Song 8) 34
Кислин К. Б. Мотив превращения человека в животное в средневековых комментариях на «Метаморфозы» Овидия 44	Kislin K. B. The Motif of Human Transformation into an Animal in Medieval Commentaries on Ovid's "Metamorphoses" 44
Окладникова Е. А. Китоврас на границе культурных миров: литературные и мифопоэтические интерпретации образа 53	Okladnikova E. A. Kitovras on the border of cultural worlds: literary and mythopoetic interpretations of the image 53
Фэн Инхун Контексты формирования образа Китая (на примере народной песни «Цветок жасмина») 70	Feng Yinghong Contexts of the formation of the image of China (based on the sample of the folk song "Jasmine Flower") 70
Портнова Т. В. Сценическая герменевтика балетов Дж. Кранко в постановках Штутгартского театра конца XX – начала XXI вв. 78	Portnova T. V. Stage hermeneutics of J. Cranko's ballets in Stuttgart Ballet productions, late 20th – early 21st centuries 78
Хайдарова Л. Международные стажировки: нормативные смыслы и эмоционально-смысловая адаптация в китайском контексте 93	Khaidarova L. R. Rethinking International Internships: Affective Subjectivation and Normative Friction in the Chinese Context 93
АРХИВ	ARCHIVE
Ивашина Р. А., Ткач В. А. Храм Вознесения Господня в заштатном городе Богатый (опыт микроисторической хроники) 103	Ivashina R. A., Tkach V. A. Church of the Ascension of the Lord in the provincial town of Bogaty (towards the methodological frontiers of ecclesiastical microhistory) 103

**MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ**

**MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS**

Карпенко И. И. Меринов В. Ю. Пути минимизации деструктивного влияния искусственного интеллекта на современную журналистику	116	Karpenko I. I., Merinov V. Yu How to Minimize the Destructive Influence of Artificial Intelligence on Modern Journalism	116
Калинин Д. М. Политогенез генеративных систем: концепция живого законодательства и адаптивной государственной архитектуры	125	Kalinin D. M. Politogenesis of generative systems: the concept of living legislation and adaptive state architecture	125
Шмаленко С. А. Глобальное внедрение искусственного интеллекта и его параллельное движение с человеческим сознанием как философская проблема эпохи	136	Shmalenko S. A. Global implementation of artificial intelligence and its parallel movement with human consciousness as a philosophical problem of the epoch	136

ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCHES

УДК 17:241.378

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-1

Ольхов П. А.¹,
Человенко Т. Г.²,
Человенко А. С.³

Новый патриотизм для новых людей
(междисциплинарные ориентации)

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
olkhov@bsuedu.ru

² Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
ул. Комсомольская, д. 95, г. Орёл, 302026, Россия;
Chelovenko@inbox.ru

³ Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
ул. Комсомольская, д. 95, г. Орёл, 302026, Россия;
4el0vek@inbox.ru

Аннотация. В статье актуализируется вопрос о патриотизме как смысловом познавательном настроении, его исторических установках и практиках присутствия в современной общественной жизни России. Уточняются этимологические ореолы и реалистические аспекты теологических (христианских) оснований патриотизма в перспективе его познавательно целостного понимания в современных междисциплинарных исследованиях, ориентированных интенсивно дидактически, в связи с установками и целями патриотического воспитания российской молодежи. Обосновывается, что возобновление практик патриотизма в их исторической сущности, при последовательной образовательной интеграции духовно-нравственных и гражданско-правовых ценностей («града небесного» и «града земного», по слову Бл. Августина) в жизненном околее исторических традиций русского мира («третьего града») позволит решить целый ряд противоречий, возникающих в мышлении, только привыкающем предметно запечатлевать абсолютные ценности, последовательно антропологически, фактично, ограничивая множество накопившихся образов патриотизма (их «полиментальность») реалистическими практиками рефлексии их смыслового единства.

Ключевые слова: патриотизм; междисциплинарные исследования; «двойное гражданство»; «Сын Отечества»; Блаженный Августин; Н.М. Карамзин; духовно-нравственное воспитание; гражданское воспитание

Для цитирования: Ольхов, П. А., Человенко, Т. Г. и Человенко, А. С. (2025), «Новый патриотизм для новых людей (междисциплинарные ориентации)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (3), 5-16, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-1

P. A. Olkhov¹,
T. G. Chelovenko²,
A. S. Chelovenko³

New Patriotism for New People (Interdisciplinary Orientations)

¹ Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
olkhov@bsuedu.ru

² I.S. Turgenev Oryol State University,
95 Komsomolskaya St., Oryol, 302026, Russia;
Chelovenko@inbox.ru

³ I.S. Turgenev Oryol State University,
95 Komsomolskaya St., Oryol, 302026, Russia;
4el0vek@inbox.ru

Abstract. This article addresses the question of patriotism as a meaningful cognitive state, its historical foundations, and the practices of its presence in contemporary Russian public life. In the context of contemporary interdisciplinary research focused on teaching, it clarifies the cognitive, holistic understanding of the theological (Christian) foundations of patriotism, as well as its etymological and realistic aspects. It also considers the attitudes and goals of patriotic education of Russian youth. It is substantiated that the renewal of patriotic practices in their historical essence involves the integration of spiritual, moral and legal values ("the heavenly city" and "the earthly city", in the words of Blessed Augustine) into the vital framework of the historical traditions of the Russian "third city", making it possible to resolve a number of contradictions arising from a mindset that is only just beginning to objectively capture absolute values. This factually limits the multitude of accumulated images of patriotism ("polym mentality") by providing realistic practices for reflecting on their semantic unity.

Keywords: patriotism; interdisciplinary research; "dual citizenship"; "Son of the Fatherland"; St. Augustine; N.M. Karamzin; spiritual and moral education; civic education

For citation: Olkhov, P. A., Chelovenko, T. G. and Chelovenko A. S. (2025), "A New Patriotism for New People (Interdisciplinary Orientations)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (3), 5-16, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-1

Λέγει αὐτῷ Ἰούδας, οὐχ ὁ Ἰσκαριώτης, Κύριε, καὶ τί γέγονεν ὅτι ἡμῖν μέλλεις ἐμφανίζειν σεαυτὸν καὶ οὐχὶ τῷ κόσμῳ;

...Господи! что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру?

[...и как произошло, что нам собираешься воссиять, и совсем не миру?]

Ин 14: 22

Они стремились к лучшему, то есть к небесному; посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом.

Евр. 11:16

Основания патриотизма (проблема «двойного гражданства»)

Исследования патриотизма как некоторого смыслового, практического настроения, пульсирующего в общественной жизни России и ее ближайших культур-собеседников, нельзя назвать многочисленными¹. Древнейшее в своем индоевропейском смысловом корне, неотрывное исторически от речи древних, в которой существовало слово «отечество» (ἡ πατρίς, patria), это настроение, между тем, оформилось довольно поздно. Распространившись как новое, популярное слово в XVIII столетии, в эпоху деятельного рационализма, «патриотизм» прежде всего побуждал к познавательной искренности. В рассуждении тогда влиятельного Ж.-Ж. Руссо, «любовь к человечеству наделяет людей множеством добродетелей, например, кротостью, справедливостью, умеренностью, милосердием, снисходительностью, но отнюдь не внушает им мужества, твердости и т. д.; и не наделяет их также той силой, которую сообщает им любовь к родине, возвышающая их до героизма» (Руссо, 1968: 449). Образцы такого патриотизма находили в истории древнеримского государства, и он становился последним аргументом в социальном мышлении (вплоть до радикальных, нравственно восхищенных «друзей народа» Французской революции, или иронических социальных критиков, замечавших «*Le Patrouillotisme chassant le Patriotisme*» (Carlyle, 1896: 243)); – некоей пламенной инстанцией общественного или нравственного оправдания. Являясь ценностно насыщенным, патриотизм оказывался риторически привлекателен и, вместе с тем, дискурсивно некомфортен, несводим к некоему вещному референту, ускользая от власти рассудочного мышления в некоторые фигуры речи, стилистические тропы и т. д.

В однажды явившемся неологизме было, надо полагать, немало религиозной взволнованности и, между тем, забывчивости. Как будто проримская любовь к отечеству, нравственно высветлена была все же в политической теологии Блаженного Августина: Рим наилучшим образом мыслился как исторический пример практической любви к отечеству именно в христианской перспективе града небесного, именно как «третий град», разновидность второго, «земного». Эта перспектива теологического реализма, в которой патриотизм может усматриваться в некотором историческом единстве религиозного и гражданско-политического настроений, – ориентированный на предельную добротность любви, теологичный и морально сложный, далекий от того, чтобы вносить раскол в социальное мышление, склонять его к пренебрежению земным в пользу небесного. Напротив, как показывают исследования, град небесной любви в Августиновом социальном понимании тем ближе, чем сдержаннее и сосредоточеннее порыв к нему; попытки сжиться с этим градом вопреки земному и руководствоваться небесной любовью как условием государственного управления ведут град земной, Рим, не к преображению, а к деградации (Милбанк, 2023: 297-319). Корысть в отношении любви оказывается куда более опасной для дела положительного градостроения, нежели стремление к чести и славе, которые неосуществимы без первичных практик любви как дружбы и содружества, внятных и Петру, ученику Христову прежде понимания глубины Христовой любви. Знаменитое место в последней главе Евангелия от Иоанна (Ин.21:15–17): «ὅτε οὖν ἡρίστησαν λέγει τῷ Σίμωνι Πέτρῳ ὁ Ἰησοῦς Σίμων Ἰωάννου ἀγαπᾷς με πλέον τούτων λέγει αὐτῷ ναί κύριε σὺ οἶδας ὅτι φιλῶ σε λέγει αὐτῷ βόσκε τὰ ἀρνία μου» – «λέγει αὐτῷ πάλιν δεύτερον Σίμων Ἰωάννου ἀγαπᾷς με λέγει αὐτῷ ναί κύριε σὺ οἶδας ὅτι φιλῶ σε λέγει αὐτῷ ποιμαίνει τὰ πρόβατά μου» – «λέγει αὐτῷ τὸ τρίτον Σίμων Ἰωάννου φιλεῖς με ἐλυπήθη ὁ Πέτρος ὅτι εἶπεν αὐτῷ τὸ τρίτον φιλεῖς με καὶ λέγει αὐτῷ κύριε πάντα σὺ οἶδας σὺ γινώσκεις ὅτι φιλῶ σε λέγει αὐτῷ ὁ Ἰησοῦς βόσκε τὰ πρόβατά μου» (подчеркнуто

¹ Следует назвать работы (Павлов, 2024: 46-62; Чикаева, 2024; Антонова, 2023; Барциц, 2018; Козлов, 2016; Лутовинов, 2013; Либеров и Щеглов, 2011; Валлерстайн, 2006; Нуссбаум, 2006; Тейлор, 2006; MacIntyre, 2002; Müller, 2007; Nathanson, 2002; Haar, 2002; Viroli, 1995) и др.

нами. – П.О., Т.Ч., А.Ч.). Иисус дважды обращается к Петру, вопрошая о любви небесной: «Σίμων Ἰωάννου ἀγαπᾷς με...», и дважды, недоумевая, отвечает Ему Петр словом любви земной, именно дружественной: «ναί κύριε σὺ οἶδας ὅτι φιλῶ σε»; третье вопрошание будет примером Богочеловеческого реализма, ответного реализму Петра: «Σίμων Ἰωάννου φιλεῖς με...» – «κύριε πάντα σὺ οἶδας σὺ γινώσκεις ὅτι φιλῶ σε...».

При исследовании оснований патриотизма трудным оказывается учесть именно внутренний контекст тех патриотичных евангельских суждений, которые оказываются не суждениями о вражде граждан града небесного против граждан града земного, но о высвобождении любви в содружестве со Христом и теми, в которых нудится дело Христово в некотором реальном здесь и теперь воцерковлении государств, его движении во славе от полиса к космополису как еkkлeсии. Притчево просты и ошеломительны в этом отношении запрещение служить двум Господам (Мф.6:24), призывы собирать сокровища на небесах (Мф.6:19-21), избегать двойственности в мышлении о граде земном и граде небесном («Человек с двоящимися мыслями нетверд во всех путях своих» (Иак.1:8), быть странниками и пришельцами на земле (Евр.11:13) и т. д.

Размышляя на страницах «Вестника Европы» «о любви к Отечеству и народной гордости» – на грани исторических эпох – Н.М. Карамзин связывает любовь к Отечеству с понятием человеческого счастья, вполне трудного: «Патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует рассуждения – и потому не все люди имеют его» (Карамзин, 1964, web). В этом рассуждении проясняются не столько отвлеченные смыслы патриотизма, сколько неповторимые, жизненно прообразуемые начала его именно русского понимания. «Мы никогда не будем умны чужим умом и славны чужою славою: французские, английские авторы могут обойтись без нашей похвалы; но русским нужно по крайней мере внимание русских» (там же). Пусть в некотором тусклом зеркале посторонних русское самопонимание сомнительно: «Завистники русских говорят, что мы имеем только в высшей степени *переимчивость*; но разве она не есть знак превосходного образования души? Сказывают, что учителя Лейбница находили в нем также одну *переимчивость*». Важнее иное: «Не говорю, чтобы любовь к отечеству долженствовала ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русский должен по крайней мере знать цену свою» (там же), усмотреть свое достоинство и свой патриотизм в истории русской жизни и русской речи, поскольку «язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой, живописной поэзии, но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности. Он богаче гармониею, нежели французский; способнее для излияния души в тонах; представляет более аналогических слов, то есть сообразных с выражаемым действием» (там же). Русская тяга к образованности и речь, «твердый русский характер», русское «рыцарского добродушия» и деятельные особенности русского ума... Понятие любви к родине, по Н.М. Карамзину, не бесплотно; рассуждение о патриотизме нельзя свести только к некоторому абстрактному порыву самоотверженности ради родины. Напротив, этот порыв становится естественным и как бы вторичным чести: патриотизм есть жизненный символ для русских, в том числе и прежде всего понимающих себя «пылких юношей»: «Символ наш есть пылкий юноша: сердце его, полное жизни, любит деятельность; девиз его есть: *труды и надежда!*» (там же).

За плотными карамзинскими характеристиками патриотизма и после них – различные сполохи патриотических настроений русской социальной мысли, апологетических или критических; карамзинское же слово в этой череде, пожалуй, наиболее мерное,

парадигмальное². Практическая философия патриотизма Н.М. Карамзина имеет ясный смысловой, христианский горизонт. За любовью к родине для христианина Карамзина – не только экзистенциальная тревога или политико-прагматический расчет на покойную жизнь в некотором домашнем, физическом или морально-политическом окоме, не отрешенный от реализма призыв к личному бескорыстию и жертвенности, но более, сильнее всего – тяготение к той небесной родине, понять которую и приникнуть к которой невозможно, отвернувшись от родины земной, не работая в «винограднике земном» и в том «стремясь к лучшему, то есть к небесному», возвращаясь от чтения его трудов к трудам Блаженного Августина и прообразующим евангельским смыслам любви Христовой, обращенной ко всем языкам, но отнюдь не вне и не поверх них.

«Сыны Отечества»:

коллизии духовно-нравственного и гражданского воспитания

В России первой четверти XXI в. исследовательское внимание к патриотизму имело значительным образом педагогический характер – воспитания, по слову А.Н. Радищева, «сынов Отечества» (Радищев, 2019, web)³. В этом практически ориентированном исследовательском направлении актуальным представляется обращение к «исторически сложившемуся государственному единству» России (Конституция РФ, Преамбула). Это единство часто осмысливается как межнациональное как межпоколенное; между тем, открытым остается вопрос о ценностно-мировоззренческих основаниях этого единства, обеспечивавших целостность России на протяжении всей ее истории (подробно об этом: (Человенко, 2024)). Исторический опыт России в схематическом представлении таков, что «модель достижения цели через включение внутренних духовных ресурсов (цивилизационный ресурс) и объединения людей на основе идеи преображения человека проявили себя в ситуациях прямого противоборства с западной моделью как более успешная» (Сулакшин и др., 2016: 489). Такое обобщение, имея в своем основании некоторое предельное гармоническое условие, «тайну общества», уточнение которого связано с умозерцанием и раскрытием «тайны личности» (Иустин (Попович), 2004), предполагает и деятельное, неотложное и всемерное собирание сил общественной жизни, общественного саморазвития и сосредоточенной практической работы над сохранением этого единства.

Органически уместно современным исследованиям в области патриотизма возобновление и прояснение некоторой познавательной «лестницы» этого единства – динамики установок и умонастроений, которые давали себя знать в истории русского патриотизма, которая еще всерьез не написана и предстает больше во множестве ярких событий. Даже если берется во внимание только та часть истории, которая уже связана самим понятием «патриотизм», хронологически довольно молодым, активно действующим в русской речи с XIX столетия, в ней находится немало проясняющих, глубинных смыслов нашего единства; многое еще пребывает в забвении и только начинает возвращается, восстанавливается в нашей общественной памяти. Работа над историей русского патриотизма открывает новую практико-методологическую перспективу понимания русского единства, переход от новейшего патриотического неопитства к тому, что можно с некоторой

² См., например: (Горский, 1994: 6–15; Кром, 1994: 16–30; Агеева, 1994: 38–58; Черная, 1989: 28–43). Среди жарких литературно-философских споров о патриотизме в русском обществе «большого» XIX столетия заметны своим трезвомыслием, особо преемствующим Н.М. Карамзину, размышления Н.Н. Страхова и всех русских сторонников герменевтической традиции, «понимающей» философии (вплоть до М.М. Бахтина), которые требуют отдельного исследования.

³ См. также вполне характерные современные исследования: (Выршиков, 2006; Климов, Музяков, 2012; Орлов, 2019; Карпунин, 2000; Колябина, 2006; Кублицкая, 2020; Пискунова, 2007; Мельниченко, 2004; Волчкова, 2003; Гарбузова, 2003) и др.

предварительной условностью назвать патриотическим богословием истории наших предков, в котором неперменной, обдумываемой и фактичной была любовь к Отечеству. Жизнь образованного русского общества была проникнута настроением заботы о достойном сохранении единства России, и это настроение деятельно и фактически разделяли самые разные участники и организаторы русской жизни, политики и экономисты, поэты и художники, историки и педагоги.

Эта органическая динамика заботы о России переходит из нашего прошлого в наше будущее. Современное же состояние этой заботы находится в положении энергичного устройства; доминируют, без сомнения, властные инициативы. Новый политический дискурс законодательно соединяет религиозные и государственные ценности в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (Указ Президента РФ № 809)⁴, что проецируется на Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, где под традиционными базисными ценностями понимаются духовно-нравственные ценности (п. 91)⁵, и на Концепцию внешней политики Российской Федерации, где впервые Россия обозначена как «самобытное государство-цивилизация», сплотившая русский народ и другие народы в «культурно-цивилизационную общность Русского мира»⁶. Данный подход нашел свое воплощение в Основах государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения (Указ Президента РФ № 314)⁷, а также в Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» (постановление Правительства Российской Федерации № 1642)⁸. Новая политика означает, что государство обязуется защищать идеи светского гуманизма в связи с религиозными ценностями нравственного порядка (Кравчук, Козлов, 2024).

Практики политической заботы о государственно-историческом единстве России опережают практики культурно-творческие, образовательные? Во всяком случае, есть всевозрастающий запрос: в целом ряде исследований указывается на обостренный интерес молодежи к морально-нравственной оценке общественно-политических событий в мире и в стране (Русские ценности..., 2024: 643-654); с понятной исторической интенсивностью идут процессы личностного взросления, самоопределение в актуальных ценностях и смыслах. Узловой здесь, как представляется, оказывается проблема некоторого абстрактного педагогического неопитства: историчные духовно-нравственные ценности, их живая творческая реальность, судя по всему, не рассматриваются как условие патриотического воспитания, хотя очевидно, что именно они формируют мотивационную сферу личности. Духовно-нравственное и патриотическое воспитание являются разными разделами не только воспитательной теории, но и практики. Первое из них сфокусировано на формировании морали, гражданско-патриотическое воспитание – на формировании гражданина как патриота своей страны. Но в культурно-цивилизационном и историческом измерении это разделение не носит и не может носить явного характера. Напротив, их конкретное единство и есть

⁴ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Рос. Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/acts/news/69810>.

⁵ Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/47046>

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586>.

⁷ Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения: Указ Президента Рос. Федерации от 8 мая 2024 г. № 314. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

⁸ Развитие образования: Государственная программа Российской Федерации. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

уникальный способ воспитания человека русской культуры и российской государственности (Русские ценности..., 2024: 394-395); именно способ, а не готовый перечень правил. Современные исследования истории «русского мира», их духовно-ценностных смыслов и структур (веры как особого духовного состояния, Отечества, государства, суверенитета, народовластия, единой истории, правды, справедливости и др.) свидетельствуют о том, что в русской традиции «единым на потребу» оказывалось взаимопроникновение духовного и общественно-гражданского начал; до всяких теорий – их экзистенциально-почвенное, творческое измерение. Предполагалось, по слову Ф.М. Достоевского, «стать русскими во-первых и прежде всего. Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой... перестать презирать народ свой, и тогда с первого шагу всё изменится» (Достоевский, 2010, web).

Известная теория «общей пользы», которая, по сути, и положила конец традиционной Европе, встраивалась в менталитет и культуру России нетипичным образом. Следуя особенностям русского религиозного самосознания, идея «общей пользы» трансформировалась в сознании русского человека в идею «пользы Отечества». Это объясняется тем, что на протяжении столетий складывался уникальный государственно-исторический смысл понятия «Отечество», основанный на единстве его рационального и сверхрационального восприятия, как единства земного и Небесного бытия. Именно поэтому понятие «Отечество» в русской традиции гораздо шире понятия «государства», что позволяло в различные исторические периоды всенародно вставать на защиту Отечества, независимо от того или иного государственного строя или той или иной власти. Нераздельность временного и вечного в сознании русского человека сформировало и личностную его включенность в судьбу страны: появляются такие сверхрациональные смыслы этого понятия, как «любовь к Отечеству» (Русские ценности..., 2024: 426), спланирующая самые различные устроения русских людей. Об этом свидетельствуют письменные источники, богословские и религиозно-философские трактаты русских мыслителей, государственные документы, – вся практика российской жизни, особенно наша военная история. В период Северной войны появляется слово «патриот» в значении не просто «земляк», а «сын Отечества», то есть «человек, любящий свое Отечество» (Русские ценности..., 2024: 427), способный жертвенным образом связать собственную жизнь с исторической судьбой России. Весь последующий XIX век общественное сознание российского общества пронизывала идея личной ответственности русского человека за судьбу своей Родины. Мера этой ответственности была настолько высока, что ни у кого не вызывал сомнения приоритет ценности государства Российского перед жизнью и судьбой отдельных его «сынов», что уже в XX веке, при Советской власти, плавно перерастёт в известный приоритет общественного перед личным.

Подобные, характерные для нашей культуры, смыслы воспроизводятся в сознании нашего народа от столетия к столетию. Осмысление исторического опыта здесь позволяет наметить и перспективу современных решений, откликов на историческое беспокойство современной молодежи (Русские ценности..., 2024: 642-643), преодолеть неустроенную множественность, «полиментальность» (Семенов, 2008) общественных установок и настроений, экзистенциальной тревоги по поводу государственно-исторического единства страны: гармонизировать, в соответствии с традицией, отношение общественных и частных интересов молодого человека, охваченного прагматическим недоумением. Возникает, тем самым, и возможность решить проблему ситуативного отчуждения молодых людей от целого ряда областей государственной жизни, и, как следствие, их выборочного участия в практиках социальной активности. Наконец, в связи с этим оказывается возможным преодолеть ситуативный характер влияния этических норм на поведение молодого человека, упрочить тот здравый смысл, который не в силах опровергнуть конкретный поведенческий универсализм ценностей и мировоззренческих установок. Актуальными при этом являются эффективные

технологии и практики взаимодействия с молодежью, адекватные культурно-историческому и социально-политическому контексту, а также возрастным и психологическим особенностям новых российских поколений.

Обстоятельная история русского патриотизма как некоторого практического, смыслового настроения, которым проникнуты самые области отечественной культуры, еще не написана. Но такова судьба едва ли не всех исторических понятий, запечатлевающих свободу человека стремиться к ценностям, аналитически несводимым к некоей смысловой автономии, нетривиально фактичным. В ситуации нашего времени нового патриотизма для новых, молодых, прежде всего, людей, хорошо бы писать эту историю с нравственного *ab ovo*, с той познавательной искренностью и теологической дотошностью, которые вполне могут образовывать основные междисциплинарные ориентиры современных исследований российского патриотизма. Важно учесть почвенное патриотическое трезвомыслие, которое знало свой расцвет в русской «понимающей» философии, от Н.М. Карамзина до Н.Н. Страхова, или М.М. Бахтина. Но почему не утверждаться там, где стоим? Исследуя патриотизм, его абсолютные смыслы, мы свидетельствуем о нем из некоторого фактического избытка опыта – на границах любви к Отечеству и стойкого, охранительного дружелюбия и взаимной надежды на единство патриотических настроений – в перспективе чести и славы России.

Литература

- Агеева, О. Г. (1994), «К вопросу о патриотическом сознании в России первой четверти XVIII века», *Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.): Сб. ст.*, ИРИ, Москва, 38-58.
- Антонова, И. Б. (2023), «Патриотизм “свой” и “чужой”: к постановке проблемы», *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, 3, 141-159.
- Барциц, И. Н. (2018), *Конституционный патриотизм: четыре европейские реинкарнации и российская версия*, Дело; РАНХиГС, Москва.
- Валлерстайн, И. (2006), «Ни патриотизм, ни космополитизм», *Логос*, 2, 126-127.
- Волчкова, А. А. (2003), *Патриотизм и патриотическое воспитание в общественном мнении провинции и столицы*, Изд-во МГПУ, Москва; НТЦ, Самара.
- Выршиков, А. Н. (2006), *Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе*, Колибри плюс, Волгоград.
- Гарбузова, В. В. (2003), «Анализ проблемы патриотизма в молодежной среде российского общества», *Ломоносовские чтения*, 1, 68–72.
- Горский, А. А. (1994), «Представления о защите отечества в средневековой Руси», *Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.): Сб. ст.*, ИРИ, Москва, 6-15.
- Достоевский, Ф. М. (2010), «Дневник писателя (1877, 1880, 1881)», *Азбука веры* [Электронный ресурс], URL: <https://azbyka.ru/fiction/dnevnik-pisatelya-1877-1880-1881/5/> (дата обращения: 21.08.2025).
- Иустин (Попович), преп. (2004), *Философские пропасти*, пер. с серб., под ред. Якушкиной, Е. И., Издательский совет Русской Православной Церкви, Москва.
- Карамзин, Н. М. «О любви к отечеству и народной гордости», [Карамзин, Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2: Публицистика, Художественная литература, Москва, Ленинград, 280-287], *Lib.ru/Классика* [Электронный ресурс], URL: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0330.shtml (дата обращения: 01.05.2024).
- Карпухин, О. И. (2000), «Молодежь России: особенности социализации и самоопределения», *СОЦИС: Социологические исследования*, 3, 124-128.
- Климов, С. Н. и Музяков, С. И. (2012), «Творчество выдающихся философов России как фактор формирования патриотизма в вузе», *Вестник Военного университета*, 1, 42-50.
- Козлов, А. А. (2016), «Страсти по патриотизму», *Челябинский гуманитарий*, 2, 138-141.

Колябина, Т. С. (2006), «Патриотизм и гражданственность как комплекс социокультурных и духовных ценностей: динамика формирования у современных россиян», Дис. ... канд. социол. наук. Краснодар.

Кравчук, Н. С. и Козлов, М. В. (2024), «Философско-аксиологические аспекты веры и защиты религиозных ценностей», *Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение*, 48, 123-132.

Кром, М. М. (1994), «К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России», *Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.): Сб. ст.*, ИРИ, Москва, 16-30.

Кублицкая, Е. А. (2020), Феномен патриотизма в преодолении кризиса российской идентичности, Экон-Информ, Москва, 80-104.

Левашов, В. К., Великая, Н. М., Шушпанова, И. С., Гребняк, О. В. и Новоженкина, О. П. (2024), *Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024*, ФНИСЦ РАН, Москва, DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024.

Либеров, Ю. А. и Щеглов, А. Ф. (2011), «Патриотизм: предельные основания и оценка. Теологический (христианский) аспект», *Омский научный вестник*, 1, 60-63.

Лутовинов, В. И. (2013), «Современный российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления», *Studia Humanitatis*, 2 [Электронный ресурс], URL: <http://st-hum.ru/en/node/97> (дата обращения: 10.01.2021).

Мельниченко, И. И. (2004), *Развитие патриотизма в России XXI века: концепция, программа и практика патриотического воспитания молодых граждан России*, Светотон, Москва.

Милбанк, Дж. (2023), *По ту сторону секулярного порядка: репрезентация бытия и репрезентация народа*, пер. Кырлежева, А., под ред. Гагинского, А., Издательство ББИ, Теоэстетика, Москва, 297-319.

Нуссбаум, М. (2006), «Патриотизм и космополитизм», *Логос*, 2, 110-119.

Орлов, И. Б. (2019), «Патриотическое воспитание в системе высшего образования Российской Федерации: достижения и перспективы развития», *Kilinson.com* [Электронный ресурс], URL: <https://kilinson.com/story/2019/12/17/patriotichyeskoye-vozpitanie-v-sistyemyevyshshego-obrazovaniya-rossiyskoy-fyedyeratsii-dostizheniya-i-pyerspyspektivy-razvitiya> (дата обращения: 11.12.2019).

Павлов, А. В. (2024), «Патриотизм как практическая философия», *Философия и практика*, отв. ред. Гусейнов, А. А., сост. Афанасов, Н. Б., Центр гуманитарных инициатив, Москва; Санкт-Петербург, 46-62.

Радищев, А. Н. (2019), «Беседа о том, что есть сын Отечества», *Kilinson.com* [Электронный ресурс], URL: <https://kilinson.com/story/2019/07/05/byesyeda-o-tomchto-yest-syn-otyechyestva> (дата обращения: 11.02.2020).

Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи (2024), под ред. Перевезенцева, С. В., Селезневой, А. В., Квадрига, Москва.

Руссо, Ж.-Ж. (1968), [«О родине»], *Руссо Ж.-Ж. Трактаты*, Наука, Москва, 447-449.

Семенов, В. Е. (2008), *Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох: Избран. научные труды (1971–2007 гг.)*, Изд-во С.-Петерб. ун-та, Санкт-Петербург.

Сулакшин, С. С., Багдасарян, В. Э., Балмасов, С. С., Безруков, А. Э. и др. (2016), *Россия и мир. Российский мировой проект. В 2 т. Т. I*, под общей ред. Сулакшина, С. С. Наука и политика, Москва.

Тейлор, Ч. (2006), «Почему демократия нуждается в патриотизме», *Логос*, 2, 130-131.

Человенко, Т. Г. (2024), «Особенности русской духовной традиции как формирующего начала отечественной культуры», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 10 (4), 5-18, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-1.

Черная, Л. А. (1989), «От идеи “служения государю” к идее “служения Отечеству” в русской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII века», *Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. I*, Наука, Москва, 28-43.

Чикаева, Т. А. (2024), «Эстетико-этактический патриотизм Н.В. Устрялова», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 10 (2), 90-99, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-2-0-8.

Carlyle, Th. (1896), “Chapter I. Patrollotism”, *The French Revolution: a History. Vol. I. Book seventh. The Insurrection of Women*, C. Scribner's sons, New York, 239–289.

MacIntyre, A. (2002), “Is Patriotism a Virtue?”, *Patriotism*, in Primoratz, I. (ed.), Humanity Books, Amherst, 43-58.

- Müller, J.-W. (2007), *Constitutional patriotism*, Princeton University Press, Princeton; Oxford.
- Nathanson, S. (2002), "In Defense of 'Moderate Patriotism'", *Patriotism*, in Primoratz, I. (ed.), Humanity Books, Amherst, 87-104.
- Shaar, J. H. (2002), "The Case for Covenanted Patriotism", *Patriotism*, in Primoratz, I. (ed.), Humanity Books, Amherst, 233-258.
- Viroli, M. (1995), *For Love of Country. An essay on patriotism and nationalism*, Oxford University Press, Oxford.

References

- Ageeva, O. G. (1994), "On the issue of patriotic consciousness in Russia in the first quarter of the 18th century", *Mirovospriyatiye i samosoznaniye russkogo obshchestva (XI–XX vv.): Sb. st.* [Worldview and self-awareness of Russian society (11th–20th centuries): Collection of articles], Publishing House of the Institute of Russian History, Moscow, 38-58 (in Russ.).
- Antonova, I. B. (2023), "Patriotism of 'ours' and 'others': towards the formulation of the problem", *RSUH/RGGU BULLETIN "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, 3, 141-159 (in Russ.).
- Bartsits, I. N. (2018), *Konstitutsionnyy patriotizm: chetyre yevropeyskiye reinkarnatsii i rossiyskaya versiya* [Constitutional Patriotism: Four European Reincarnations and a Russian Version], Delo, Publishing House of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (in Russ.).
- Carlyle, Th. (1896), "Chapter I. Patrollotism", *The French Revolution: a History. Vol. I. Book seventh. The Insurrection of Women*, C. Scribner's sons, New York, 239-289.
- Chelovenko, T. G. (2024), "Characteristics of the Russian spiritual tradition as a formative source of national culture", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (4), 5-18 (in Russ.), DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-1.
- Chikaeva, T. A. (2024), "N. V. Ustryalov's aesthetic and statist patriotism", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (2), 90-99 (in Russ.), DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-2-0-8.
- Chyornaya, L. A. (1989), "From the idea of 'serving the sovereign' to the idea of 'serving the Fatherland' in Russian social thought of the second half of the 17th – early 18th centuries", *Obshchestvennaya mysl': issledovaniya i publikatsii. Vyp. 1* [Social Thought: Research and Publications. Issue 1], Nauka, Moscow, 28-43 (in Russ.).
- Dostoyevskiy, F. M. (2010), "A Writer's Diary (1877, 1880, 1881)", *Azbuka very* [Online], available at: <https://azbyka.ru/fiction/dnevnik-pisatelya-1877-1880-1881/5/> (Accessed 21 August 2025) (in Russ.).
- Garbuzova, V. V. (2003), "Analysis of the problem of patriotism in the youth environment of Russian society", *Lomonosov Readings*, 1, 68–72 (in Russ.).
- Gorskiy, A. A. (1994), "Ideas about the defense of the fatherland in medieval Rus", *Mirovospriyatiye i samosoznaniye russkogo obshchestva (XI–XX vv.): Sb. st.* [Worldview and self-awareness of Russian society (11th–20th centuries): Collection of articles], Publishing House of the Institute of Russian History, Moscow, 6-15 (in Russ.).
- Iustin (Popovich), The Reverend (2004), *Filosofskiye propasti* [Philosophical abysses], in Yakushkina, E. I. (ed.), Publishing Council of the Russian Orthodox Church, Moscow, Russia (in Russ.).
- Karamzin, N. M. (1964), "About love for the fatherland and national pride", [in Karamzin, N. M. Selected Works: In 2 volumes. Volume 2: Publicism], *Lib.ru/Классика* [Online], available at: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0330.shtml (Accessed 01 May 2024) (in Russ.).
- Karpukhin, O. I. (2000), "Youth of Russia: Features of Socialization and Self-Determination", *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 3, 124-128 (in Russ.).
- Klimov, S. N. and Muzyakov, S. I. (2012), "The work of outstanding Russian philosophers as a factor in the formation of patriotism in universities", *Vestnik Voennoy universiteta* [Bulletin of the Military University], 1, 42-50 (in Russ.).
- Kolyabina, T. S. (2006), "Patriotism and civic consciousness as a complex of socio-cultural and spiritual values: the dynamics of formation among modern Russians", Ph.D. Thesis, Krasnodar, Russia (in Russ.).
- Kozlov, A. A. (2016), "Passion for patriotism", *Chelyabinskij Gumanitarij* [Chelyabinsk humanities scholar], 2, 138-141 (in Russ.).

Kravchuk, N. S. and Kozlov, M. V. (2024), "Philosophical and axiological aspects of faith and the protection of religious values", *The Bulletin of Irkutsk State University. Series «Political Science and Religion Studies»*, 48, 123-132 (in Russ.).

Krom, M. M. (1994), "On the Question of the Time of the Origin of the Idea of Patriotism in Russia", *Mirovospriyatiye i samosoznaniye russkogo obshchestva (XI–XX vv.): Sb. st.* [Worldview and self-awareness of Russian society (11th–20th centuries): Collection of articles], Publishing House of the Institute of Russian History, Moscow, 16-30 (in Russ.).

Kublitskaya, E. A. (2020), *Fenomen patriotizma v preodolenii krizisa rossiyskoy identichnosti* [The Phenomenon of Patriotism in Overcoming the Crisis of Russian Identity], Ekon-Inform, Moscow, 80-104 (in Russ.).

Levashov, V. K., Velikaya, N. M., Shushpanova, I. S., Grebnyak, O. V. and Novozhenina, O. P. *Kak zhivesh', Rossiya? Ekspress-informatsiya. 54 etap sotsiologicheskogo monitoringa, aprel' 2024*, Publishing House of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (in Russ.), DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024

Liberov, Yu. A. and Shcheglov, A. F. (2011), "Patriotism: Ultimate Foundations and Evaluation. Theological (Christian) Aspect", *Omsk Scientific Bulletin*, 1, 60-63 (in Russ.).

Lutovinov, V. I. (2013), "Modern Russian patriotism: essence, characteristics, main directions", *Studia Humanitatis*, 2 [Online], available at: <http://st-hum.ru/en/node/97> (Accessed 10 January 2021) (in Russ.).

MacIntyre, A. (2002), "Is Patriotism a Virtue?", *Patriotism*, in Primoratz, I. (ed.), Humanity Books, Amherst, 43-58.

Melnichenko, I. I. (2004), *Razvitiye patriotizma v Rossii XXI veka: kontseptsiya, programma i praktika patrioticheskogo vospitaniya molodykh grazhdan Rossii* [Development of patriotism in Russia in the 21st century: concept, program and practice of patriotic education of young citizens of Russia], Svetoton, Moscow, Russia.

Milbank, J. (2023), *Po tu storonu sekulyarnogo poryadka: reprezentatsiya bytiya i reprezentatsiya naroda* [Beyond the Secular Order: Representation of Being and Representation of the People], Transl. by Kyrlezhev, A., in Gaginskiy, A. (ed.), Publishing House of the Biblical and Theological Institute, Teoestetika, Moscow, 297-319 (in Russ.).

Müller, J.-W. (2007), *Constitutional patriotism*, Princeton University Press, Princeton; Oxford.

Nathanson, S. (2002), "In Defense of 'Moderate Patriotism'", *Patriotism*, in Primoratz, I. (ed.), Humanity Books, Amherst, 87-104.

Nussbaum, M. (2006), "Patriotism and cosmopolitanism", *Logos*, 2, 110-119 (in Russ.).

Orlov, I. B. (2019), "Patriotic education in the higher education system of the Russian Federation: achievements and development prospects", *Kilinson.com* [Online], available at: <https://kilinson.com/story/2019/12/17/patrioticheskiye-vospitaniye-v-sistemyevysshye-obrazovaniya-rossiyskoy-fyederatsii-dostizheniya-i-perspektivy-razvitiya> (Accessed 11 December 2019) (in Russ.).

Pavlov, A. V. (2024), "Patriotism as a practical philosophy", *Filosofiya i praktika* [Philosophy and Practice], in Guseynov, A. A. (ed.), Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, St. Petersburg, 46-62 (in Russ.).

Radishchev, A. N. (2019), "A conversation about what a son of the Fatherland is", *Kilinson.com* [Online], available at: <https://kilinson.com/story/2019/07/05/byesyeda-o-tomchto-yest-syn-otyechyestva> (Accessed 11 February 2020) (in Russ.).

Rousseau, J.-J. (1968), ["About the homeland"], *Rousseau, J.-J. Treatises*, Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Russkie tsennosti: Traditsionnye smysly i ikh otrazhenie v soznanii sovremennoy molodezhi (2024) [Russian values: Traditional meanings and their reflection in the minds of modern youth], in Perevezentseva, S. V. and Selezneva, A. V. (eds), Kvadriga, Moscow, Russia (in Russ.).

Semyonov, V. E. (2008), *Rossiyskaya polimental'nost' i sotsial'no-psikhologicheskaya dinamika na pereput'ye epokh: Izbrannye nauchnye trudy (1971–2007 gg.)* [Russian polymentality and socio-psychological dynamics at the crossroads of epochs: Selected scientific papers (1971–2007)], St. Petersburg University Press, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Shaar, J. H. (2002), "The Case for Covenanted Patriotism", *Patriotism*, in Primoratz, I. (ed.), Humanity Books, Amherst, 233-258.

Sulakshin, S. S., Bagdasaryan, V. E., Balmasov, S. S., Bezrukov, A. E. et al. (2016), *Rossiya i mir. Rossiyskiy mirovoy proekt: V 2 t. T. I* [Russia and the world. The Russian world project: In 2 vols. Vol. I], in Sulakshin, S. S. (ed.), Nauka i politika, Moscow, Russia (in Russ.).

Taylor, Ch. (2006), "Why Democracy Needs Patriotism", *Logos*, 2, 130-131 (in Russ.).

Vallerstain, I. (2006), "Neither patriotism nor cosmopolitanism", *Logos*, 2, 126-127 (in Russ.).

Viroli, M. (1995), *For Love of Country. An essay on patriotism and nationalism*, Oxford University Press, Oxford.

Volchkova, A. A. (2003), *Patriotizm i patrioticheskoye vospitaniye v obshchestvennom mnenii provintsii i stolitsy* [Patriotism and patriotic education in public opinion in the provinces and the capital], MGPU Publishing House, Moscow; Scientific and Technical Center, Samara.

Vyrshchikov, A. N. (2006), *Patrioticheskoye vospitaniye molodezhi v sovremennom rossiyskom obshchestve* [Patriotic education of youth in modern Russian society], Kolibris plus, Volgograd, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.
Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Ольхов Павел Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии, институт общественных науки массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; olkhov@bsuedu.ru
SPIN: 5557-7244

Человенко Татьяна Григорьевна, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой теологии, религиоведения и культурных аспектов национальной безопасности, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, ул. Комсомольская, д. 95, г. Орёл, 302026, Россия; Chelovenko@inbox.ru

Человенко Алексей Сергеевич, старший преподаватель кафедры теологии, религиоведения и культурных аспектов национальной безопасности, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, ул. Комсомольская, д. 95, г. Орёл, 302026, Россия; 4el0vek@inbox.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Pavel A. Olkhov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Science and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; olkhov@bsuedu.ru
SPIN: 5557-7244

Tatyana G. Chelovenko, Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department of Theology, Religious Studies and Cultural Aspects of National Security, I.S. Turgenev Oryol State University, 95 Komsomolskaya St., Oryol, 302026, Russia; Chelovenko@inbox.ru

Alexey S. Chelovenko, Senior Lecturer, Department of Theology, Religious Studies and Cultural Aspects of National Security, I.S. Turgenev Oryol State University, 95 Komsomolskaya St., Oryol, 302026, Russia; 4el0vek@inbox.ru

УДК: 141.412; 297.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-2

Седанкина Т. Е. | От герменевтики молчания к теологии тишины

Российский исламский институт,
ул. Газовая, д. 19, г. Казань, 420079, Российская Федерация;
tatiana-svetlaya@mail.ru

Аннотация. Философско-теологическое исследование этического аспекта тишины, молчания и слушания актуально не только в контексте развития межрелигиозного диалога христианства и ислама, но и приобретает дополнительную остроту в современных реалиях вследствие появления новейших феноменов голосовой реальности в виде цифровых голосов-симулякров, что порождает опасную тенденцию виртуализацией духовно-нравственных ценностей. В работе привлекаются познавательные ресурсы классических, а также различных современных герменевтических, феноменологических и постмодернистских подходов, направленных на осмысление слушания, молчания и безмолвия в их этическом и апофатическом аспектах для анализа и рефлексии над диалектикой безмолвия и звука. Затем, во второй части статьи предпринята попытка формулировки пролегоменов к исламской теологии тишины, опирающихся на систематизацию сведений из исламской традиции, касающихся важности слушания, речи и безмолвия. Рассматриваются этический и апофатический аспекты слуха и молчания с приведением теоретической классификации и специфических религиозно обоснованных практик соблюдения баланса между ними. В результате сформулированы почти утраченные глубинные (апофатические) смыслы данных феноменов.

Ключевые слова: герменевтика и феноменология слушания; понимающее вслушивание; апофатическое молчание; сосредоточенное безмолвие; возвещающее молчание Другого; вынужденное молчание; молчание свободной воли; теология тишины

Для цитирования: Седанкина, Т. Е. (2025), «От герменевтики молчания к теологии тишины», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (3), 17-33, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-2

T. E. Sedankina | From the Hermeneutics of Silence to the Theology of Stillness

Russian Islamic Institute,
19 Gazovaya St., Kazan, 420079, Russian Federation;
tatiana-svetlaya@mail.ru

Abstract. This philosophical and theological study of the ethical aspects of silence and listening is not only relevant in the context of interreligious dialogue between Christianity and Islam, but also in contemporary society due to the emergence of digital voice simulacra. This gives rise to a dangerous trend of virtualising spiritual and moral values. Drawing on the cognitive resources of classical and contemporary

hermeneutic, phenomenological and postmodernist approaches, the work aims to understand listening, silence and muteness in their ethical and apophatic aspects, and to analyse and reflect on the dialectic of silence and sound. In the second part of the article, an attempt is made to formulate prolegomena to an Islamic theology of silence based on the systematisation of information from the Islamic tradition regarding the importance of listening, speech, and silence. The ethical and apophatic aspects of hearing and silence are examined, along with a theoretical classification of specific, religion-based practices for maintaining a balance between them. As a result, the deeper (apophatic) meanings of these phenomena, which were almost lost, are formulated.

Keywords: hermeneutics and phenomenology of listening; understanding listening; apophatic silence; concentrated silence; proclaiming the silence of the Other; forced silence; the silence of free will; theology of stillness

For citation: Sedankina, T. E. (2025), "From the hermeneutics of silence to the theology of stillness", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (3), 17-33, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-2

Введение

Начиная с глубокой древности феномены тишины, молчания и безмолвия привлекают внимание исследователей разных направлений мысли (богословов и философов, религиоведов и культурологов, педагогов и психологов, поэтов и писателей, музыкантов и художников) ввиду безграничных возможностей смысловых интерпретаций концептов, которые невозможно свести к какому-либо одному основанию. Тишина является не только *изначальным состоянием бытия*, но и *потенциальностью*, из которой рождаются смыслы, а также «символом присутствия в нем человека, который способен воспринимать и переживать тишину» (Логинова, Прокаева, 2023: 13). В настоящее время в бытии становится заметным также присутствие особых неантропологических форм – ««цифровых голосов», парадоксальным образом вторгающихся в сферу антропологии тишины и молчания, подменяя ее различными симулякрами, формирующими новые обертоны голосовой реальности», на что обращает внимание С.А. Колесников, который небезосновательно бьет тревогу: цифровые голоса, заполняющие своими шумами пространство человека, упраздняют «опыт вслушивания в тишину» мира (*бытийную тишину, отологическое умолкание*), подменяя его опытом анти-тишины и «треском» пустых голосов. «Обесчеловечивание молчания» [курсив мой. – Т.С.], выведение его из человеческого мировосприятия грозит «исчезновением человека» (Колесников, 2024: 139-140). Данное обстоятельство не только подчеркивает актуальность рассмотрения онтологических, герменевтических и феноменологических подходов, направленных на осмысление феноменов тишины и молчания, но также указывает на важность теологического осмысления значимости подлинной тишины, несущей в своем основании глубокие апофатические¹ смыслы. «Тишина начинает звучать смыслами в своем переливчатом единстве земного и небесного, человеческого и Божественного» (Румянцев, 2003: 62), – отмечал в «Книге тишины» писатель, историк культуры и музыковед С.Ю. Румянцев. Французский историк и этнограф А. Корбен в предисловии к своей книге пишет: «Тишина – это не просто отсутствие звуков. Она есть не что иное, как разновидность

¹ Под апофатическим в данной работе понимается более глубокий (внутренний, скрытый) аспект рассматриваемых феноменов, отличающийся от этического аспекта невозможностью его окончательного постижения человеческим умом.

слова, которое мир обращает к нам с начала времен. Абсолютная тишина – это “безмолвное слово Бога”» (Корбен, 2020: 3, 80).

Название герменевтики как науки истолкования этимологически связано с легендарной фигурой Гермеса Трисмегиста, считающегося рядом исследователей «первым богословом», возвещающим людям волю богов, а также «покровителем проницательного интеллекта грамматиков и метафизиков», которые силой рассудка обращают ум к небесным вещам (Февр, 2024: 56). В иудейской традиции он почитается как ветхозаветный патриарх Енох, основатель письменности (Февр, 2024: 233). В исламской традиции Гермесу также отводится значительное место, и несмотря на то, что его имя не встречается в Коране, начиная с IX века агиографы и историки первых веков хиджры отождествили его с *Идрисом* – допотопным пророком (*наби*'), откровения которого легли в основу научного знания, а также с тем, кто наряду с Исой, Ильясом и Хизром является бессмертным живым пророком. Идриса, дважды упоминающегося в Коране (19:56-57; 21:85) как того, кого Бог «возвысил до высокого положения», арабы также отождествляют с библейским Енохом (Бытие, 5:18-24) (Февр, 2024: 35-36). Согласно рассказу Абу Ма'шара, известному также как Джа'фар ибн Мухуммада аль-Балхи (787–886), переданному ибн Джульджулю из Кордовы (944–994), Гермесу (Идрису) Аллах послал тридцать свитков (*сухуфов*), содержащих сорок имен Всевышнего, составленные в молитву (ду'а Идриса), известную как «*Касыда Ар'бауна Идрисийя*», популярность которой среди различных исламских мистических и эзотерически ориентированных кругов, будь то сунниты или шииты, довольно высока (Бладел, 2022: 40, 212, 387).

Согласно преданиям, Гермес (Енох, Идрис) является не только «богом красноречия, но также молчания и созерцания» (Февр, 2024: 45, 163, 283), на что указывают не только его изречения, одно из которых гласит: «Часто на разговоры лучше всего отвечать молчанием»², но также и образы, запечатленные в произведениях изобразительного искусства XV–XVI вв. В *Книге эмблем* (Achillis Bocchii Bonon, 1555) итальянского гуманиста-символиста Ахилла Бокки на одной из эмблем, представляющих собой «немые говорящие образы, на которых представляются все универсальные знания: физика, метафизика, теология, диалектика, Любовь, Жизнь и Смерть» (Символы и эмблематы..., 2020), сочетающие изображение и короткий текст, призванный вдохновить читателя к размышлению, над текстом, гласящим: «Гермес как символ красноречия», мы видим изображение Гермеса-Меркурия с канделябром для семи свечей, указывающих на эти знания, который прижимает к губам указательный палец. Тот же жест молчания представлен на иллюстрации из серии “*De aetatibus mundi imagines*” («Изображение мировых эпох») португальского художника и гуманиста Франциско де Оланда (1517–1585), изображающей Гермеса Трисмегиста. Современный исследователь герметической традиции А. Февр³ отмечает, что «для бога красноречия жест молчания выглядит как странный оксюморон» (Февр, 2024: 46). На что же указывает этот жест Гермеса? На какое размышление вдохновляет? О чем говорит? Призывает молчать с целью неразглашения узанного или не говорить о том, о чем недостает знания? Молчать, чтобы расслышать произносимое или вслушиваться в невысказанное? На важность хранить молчание или слушать?

² Приведем одно из изречений Гермеса, обнаруженное в рукописях, написанных на арабском языке, на котором с конца VIII века осуществлялось знакомство арабов с идеей Гермеса. «Часто на разговоры лучше всего отвечать молчанием. Часто от действий лучше воздерживаться» (Rubba kalāmin gawabuhu s-sukutu wa-rubba 'amalini l-kaffu 'anhu afdalu). Перевод среднеперсидского языка, сделанный Шакедом, звучит так: «Есть слова, на которые отсутствие ответа – это ответ, и есть действия, в которых бездействие – это победа» (Бладел, 2022: 43, 324-325).

³ А. Февр (1934–2021) является отцом академических исследований эзотеризма, сочетающим глубокое мистическое восприятие со строгим академизмом, принадлежа сразу к двум мирам – миру эзотерических орденов и миру академии (Петрухин, 2024: 7, 9).

Можем заметить, что в этих вопросах наличествует два аспекта, этический и апофатический, касающихся как собственно молчания, так и слушания, оба из которых предполагают наличие тишины (в этическом ключе) и безмолвия (в апофатическом). Эти аспекты довольно тесно связаны друг с другом, так как апофатический включает в себя этический, а этический не исключает апофатический, а потому разделить эти понятия крайне непросто, что и не является нашей целью.

Для погружения в предмет нашего исследования вначале будут рассмотрены герменевтический, феноменологический и постмодернистские (деконструктивистский и теологический) подходы. Далее особое внимание будет уделено идеям классиков исламской мысли, а также суфийской традиции.

1. От молчания Гермеса к живому Слову Всевышнего

Герменевтика и феноменология слушания. Этический аспект (слушание как послушание) и апофатический аспект (понимающее вслушивание в бытие)

Один из ярких представителей *феноменологической герменевтики*, рассматривающий религиозный текст как источник моральных и этических ценностей, П. Рикёр уделяет особое внимание понятиям «слушание» и «вслушивание», а также осуществляет дистинкцию между *наличным слушанием* как ощущением звука и восприятием шума – и актом слушания («*понимающим вслушиванием*»), рассматриваемым им в качестве изначального экзистенциального знания-слушания (Рикёр, 1969: 20), опираясь на идею М. Хайдеггера о «*принужденности к слушанию*» (Хайдеггер, 2013: 216, 219), а также о том, что «подлинное бытие не может говорить иначе, чем через тишину, понимаемую не как отсутствие звука, а как “*вслушивание*” в бытие, которое требует от человека предельного внимания к тому, что не приметно, незаметно – к “существу”» (Логинава, Прокаева, 2023: 14). Рикёр убежден, что вслушивание, неотступно следуя за дискурсом, наделяет слушающего «экзистенциальной возможностью обнаруживать саму сущность дискурса» (Рикёр, 1969: 19). В качестве примера Рикёр приводит слова Гераклита: «*Слушайте не мои слова, а логос*», указывающие на то, что в словах говорящего есть больше произнесенного, а именно их суть. *Понимающее слушание* должно быть направлено именно на сущность услышанного. А если учесть закономерность, обнаруженную М. Хайдеггером, что «в большинстве языков слово “слушание” семантически близко к слову “послушание” (повиновение), между которыми все время осуществляется циркуляция смысла» (Рикёр, 1969: 20), то цитата Гераклита указывает на важность *понимающего вслушивания в Другого*⁴, которое предполагает сохранение тишины через «*молчание, как способ говорения, приближающее к пониманию бытия во всей его ясности...* к горизонту, связанному с отношением к Богу как к слову» (Рикёр, 1969: 22, 285).

Вслед за Рикёром представитель (пост)феноменологической мысли, современный православный теолог Дж. П. Мануссакис, осуществляющий *феноменологический анализ слуха* с целью поиска ответа на вопрос о возможности говорить о Боге, также проводит демаркационную линию между *пассивным слушанием* – слуховым восприятием, в ходе которого субъект берет в плен воспринимаемое, превращая его в объект своего восприятия, тем самым проявляя собственную уязвимость, и процессом *активного слушания*, в котором субъект оказывается сам пленен «вещью», испускающей звук, над которым у него нет никакой власти, так как не субъект обращается к услышанному, а сам звук вторгается в восприятие субъекта, сотрясая самые основы существа, пронзая его слышанием голоса Другого (Мануссакис, 2014: 286, 288). Удерживая свой язык в молчании, предоставляя Другому свое ухо, «*активно слушающий*», проявляет *послушание*, принадлежа не себе, а Другому, позволяя

⁴ В данном исследовании под Другим подразумевается Бог.

Ему стать частью себя, а значит, и самому стать другим. Благодаря непроизнесенному-услышанному слову Другого (благовещению) в сознании «слушающего, проявляющего послушание», может произойти «зачатие» смысла. *Диалектика безмолвия и звука*, рассматриваемая Дж. П. Мануссакисом, заключается в акте *безмолвного активного слушания и слышания непроизнесенного звучания тишины* (Мануссакис, 2014: 290), где «слух является одним из горизонтов, в которых феномен Бога дается нашему сознанию <...> *Феноменология слушания и молчания* обнаруживает децентрированное Я, окликнутое слышанием, оказавшееся в ситуации смиренного принятия, становится зачатом “от слушания и послушания”» (Коначева, 2025: 104, 106).

Герменевтика и феноменология молчания: этика и апофатика.

Молчание постмодерна. Диалектика безмолвия и звука

Слушание (вслушивание) предполагает сохранение слушающим *тишины*, а следовательно и *молчания*, которое, так же как и слушание, может быть «наличным», не предполагающим остановки диалога с самим собой, и «подлинным», дающим возможность услышать внутри самого себя «подлинный дискурс», звучащий во внутренней тишине, раскрывая перед слушающим целый мир. «*Хранить молчание* – значит одновременно слушать и позволять вещам самим высказываться о себе. Тот, кто в диалоге хранит молчание, может “заставить себя понимать” более подлинным образом. Молчание развивает понимание, в отличие от многословия, которое ведет к обманчивой ясности» (Рикёр, 1969: 22). Подобное экзистенциальное отношение к молчанию П. Рикёр рассматривает как основу для построения «особого рода этики – *до-этическое повиновение*, где молчание и сохранение тишины становятся источником слушания и послушания, приближающего к Божественному» (Рикёр, 1969: 286). *Феномен апофатического молчания*, связанного с невыразимостью «совсем Другого» (Бога), «обозначающего пределы языка, границу, которую не позволено переходить» (Мануссакис, 2014: 238), дает возможность сделать шаг от «невыразимости возвышенного к его интерпретации» (Солонченко, 2020: 63), т. е. к герменевтике.

Однако не только герменевтики, феноменологи и теологи посвящают свои исследования вопросам молчания. Так, разработчик деконструктивной стратегии, легшей в основу нескольких направлений постмодернистского теологического дискурса, Ж. Деррида в своих работах также уделяет внимание идее «высшего» (верховного) молчания, которая, являясь «скольжением между одновременно дискурсом и недискурсом» (Деррида, 2020б: 332), при озвучивании уже нарушается говорением, а потому обезоруживает исследователя с самого начала попытки ее схватить. Философ отсылает нас к безмолвному, бессловесному, беззвучному, изначально афоничному «*голосу бытия*» Хайдеггера: «Первоисточный глас “голоса бытия” не внят слуху. Это разрыв между первосмыслом бытия и словом, между смыслом и голосом, между “призывом бытия” и членораздельным звуком. Это безмолвный язык одновременно первописьма и “последнего письма”, обезоруживающий нас (Деррида: 2020а: 138). «Тайна молчит, потому что остается чуждой словам» (Деррида, 2020б: 49). В данной связи следует упомянуть также *аналитическое молчание Л. Витгенштейна* с его крылатой формулировкой: «О чем нельзя сказать, следует обойти молчанием» (ЛФТ, 7) (Витгенштейн, 2018: 9).

После анализа герменевтических, феноменологических, теологических и деконструктивистских подходов к вопросу тишины, молчания и слушания, рассмотрим подходы современных философствующих интеллектуалов.

Вопрос о молчании является одним из основных в работах мусульманского интеллектуала Г. Джемаль, автора радикальной теологии, рассматриваемой им не как учение о конкретном конфессиональном понимании Бога, а как «метод и дисциплина мысли, ориентированные на рассуждение о невозможном и утверждение непостижимого – мысли Бога о нас» (Джемаль,

2020: 399). В своих размышлениях Джемаль пытается проникнуть в пространство, названное им «небо без звезд», пространство, «не дающее никакого контакта, никакого проявления, которое “молчит” о том, чего нет, или о том, что есть неким особым образом вне восприятия и вне всякой реальности. Это пространство невозможного может описываться только молчанием» (Джемаль, 2021: 112-113). По убеждению автора, *интеллектуальная интуиция*, сопровождаемая *сосредоточенным безмолвием*, является способом возвращения к истинному мышлению (Джемаль, 2022: 437-438), направленному на постижение «неба без звезд», той точки финальной реальности, в которой человек может обнаружить в себе онтологическое, бытийное Я (Джемаль, 2020: 77-78).

Продолжая идею Джемалья, Д. Миржакып характеризует эту реальность как «дологосную», предшествующую логосу. «Это чистое Бытие. Оно не трансцендентно, оно *апофатично* – оно неопределимо, но оно Есть, так как оно духовно представимо, о нем можно сказать, и оно интеллигибельно. Это апофатичное “всё” (чистое бытие)» (Миржакып, 2022: 254). Т. Даими, также опираясь на идеи Джемалья, пишет о том, что «любое внешнее, сенсорное ощущение становится возможным только благодаря вечно пульсирующему в темной непроявленной тишине центру» (Даими, 2023: 71). Разрабатывая методологию прорыва в иные измерения мысли, автор размышляет о точке Абсолютного Предела, находящейся «по ту сторону вечности», в которой мысль только рождается или готова родиться из небытия. «В этой точке наша мысль соприкасается с Мыслью Не-дефинируемого (ноумена), происходит столкновение “наших” мыслей со сверхмыслительной энергией откровения и случается невозможное – *начинает звучать молчание*. Это и есть многовекторное эсхатологическое мышление, направленное к своему пределу <...> При нейтрализации всех шумов этого мира и достижении необходимого уровня безмолвия в этой точке начинают проявляться мета-перцептивные формы иного, незнакомой нам реальности. Сердечный ответ на безмолвный, но неотвратимо жгучий зов (не)бытия внутри самого человека <...> Сингулярное откровение, как результат непосредственного контакта с ноуменальным (с нечеловеческим) содержит в себе “артикуляцию молчания”, которое начинает звучать шепотом сердца» (Даими, 2023: 153-154, 155-156).

Г. Темнов, развивая идеи Джемалья, говорит о двух видах молчания: *возвещающем молчании Другого*, возносящем над любыми звуками и их отсутствием, и *молчании-молитве*, превращающей все звуковые потоки в безмолвное звучание, вопрошающее о Невозможном, направляемое к Последнему Чертогу (Темнов, 2020: 85, 92). Автор призывает своих читателей к практике священного молчания: «Быть молчанием среди болтовни, тишиной среди грохота, немотой среди криков» (Темнов, 2020: 30), видя в самых авангардных и прозорливых квазинаучных способах мысли возможность продвижения человека от *антропологического молчания* к пределу артикуляции вне-мира – молчанию апофатическому (Темнов, 2020: 40, 84).

Единственно возможным ответом на вопрос о Боге является *возвещающее молчание* (Солонченко, 2020: 220), которое не следует воспринимать как отсутствие ответа. «Тайна – это то, что в речи чуждается слов» (Деррида, 1998: 49). Так же как Бог отвечает нам своим Молчанием, изначально содержащим в себе все ответы на все вопросы, для слышания которых необходимо вслушивание и послушание, так же и «к Богу возможно обращаться лишь молчанием» (Мануссакис, 2014: 190). Приводя своей инаковостью язык к онемению, Бог являет собой пример великого слушающего – Всеслышащего – качества (*сифата*), приписываемого мусульманами Всевышнему Аллаху, о чем и пойдет речь далее.

2. Прологомены к исламской теологии тишины: анализ феноменов молчания и слушания в исламской мысли

Атрибуты (сыфаты) Аллаха, касающиеся молчания и слушания

Одним из фундаментальных вопросов исламского вероучения ('акиды) является вопрос о том, каким образом Всевышний воспринимает созданный Им мир и как взаимодействует с ним. Изучение атрибутов (*сыфатов*) Аллаха приоткрывает тайну ответа на данный вопрос. Рассмотрим две пары сыфатов: «Слух» (*ас-Сам'*) – «Всеслышащий» (*ас-Сами'*), «Речь» (*аль-Калям*) – «Говорящий» (*аль-Мутакаллим*), касающиеся непосредственно темы нашего исследования, опираясь на недавно вышедшую книгу магистра исламской теологии И.М. Садыкова (Садыков, 2025), основывающегося в своих исследованиях на классических трудах по суннитскому исламскому вероучению.

Размышляя над аксиоматическим атрибутом «Слух»⁵ (*ас-Сам'*), входящим в группу личностно-сущностных атрибутов Всевышнего (*ас-сыфат аль-ма'ани*), человеческий рассудок автоматически ассоциирует свойство слуха с необходимостью наличия звука, поскольку слуховое восприятие человека зависит от присутствия звучащего слова. Однако Слух Всевышнего отличен от физического свойства слуха и не зависит от существования звуков, так как не ограничен физическими характеристиками мира, а распространяется на все Сущее. Слух Аллаха не зависит от каких-либо органов, так как Всевышний Аллах не нуждается в средствах, чтобы слышать. Слух (Аллаха) – это извечное свойство, представляющее собой форму восприятия, заключающуюся в «моментировании» всего происходящего, т. е. Всевышний воспринимает как внешний, так и внутренний фокус происходящего в тот самый момент времени, когда это происходящее случается (Садыков, 2025: 165-168). Атрибут «Всеслышащий»⁶, являющийся описательным (прилагательным) *сыфатом* аксиоматического атрибута «Слух», указывает на то, что Всевышний слышит не только обращение к Себе внутри каждого человека (*ду'а*), но и все его невысказанные помыслы, что указывает на восприятие Им как акустической, так и неакустической сфер в их целостном единстве. Таким образом, Всеслышание – это способ максимального сближения духа человека и его Создателя (Садыков, 2025: 228-231).

Атрибут Аллаха «Речь» (*аль-Калям*) является извечным свойством, несотворенным и вневременным, присущим Всевышнему, представляющим собой бесконечный акт смыслопридания. Наглядным фактом деятельности Речи Всевышнего для человека является Коран, по-другому именуемый «*Калямullaх*» (Речь Аллаха). Речь Всевышнего неподвластна в полной мере пониманию человека, так как не отождествляется исключительно с ее тварными формами, а потому не исчерпывается постижением лишь разумом и прочтением только буквы. Соответствующим аксиоматическому атрибуту «Речь» является описательный атрибут «Говорящий» (*аль-Мутакаллим*) – извечное свойство, присущее Всевышнему, не отождествляемое исключительно с тварными формами речи, а рассматриваемое в качестве нескончаемого акта творения, поскольку сама природа тварного является результатом Его речи. Приближение к постижению Речи Говорящего, «которая не состоит из звуков и букв» (*ас-Сунани*, 2012: 50), предполагает внутреннюю духовную работу человека, приобщающую

⁵ Приведем аяты Корана, в которых представлен данный атрибут, а также некоторые другие: «Воистину, Он – слышащий, видящий» (Коран, 17:1); «Он ведь – слышащий, знающий» (Коран, 2:137); «Нет ничего, подобного Ему, Он – Слышащий, Видящий» (Коран, 42:11).

⁶ И. Садыков указывает на то, что в арабском оригинале данного сыфата Аллаха приставка “все-” отсутствует, однако использование определенного артикля, однозначно указывающего на принадлежность Всевышнему, подчеркивает, что функция атрибутов с данной приставкой не сводима исключительно к восприятию сотворенного. Для русскоязычной традиции использование приставки “все-” в описательных (прилагательных) сыфатах представляется обоснованным (Садыков, 2025: 198).

его к духу ислама (Садыков, 2025: 171-184, 234-241). К этому виду делания следует отнести слушание и молчание, которые в исламской традиции, уделяющей данным процессам большое внимание, рассматриваются как в прямом (этическом), так и в более глубоком (апофатическом) значениях.

Слух и духовная глухота: этический и апофатический аспекты

В арабском языке понятие слух обозначается словом *сам*’, и понимается как способность воспринимать звуки. Производные от этого слова в Коране встречаются 185 раз в двух значениях: прямом, указывающем на дарованную Аллахом способность слышать (внимать): «Он – Тот, Кто сотворил для вас слух, зрение и сердца (*сами’ан ва-ль-басара ва-аф’ида*)» (Коран, 23:78); и обратном, как неспособность слышать, проявляющуюся в духовной (сердечной) глухоте: «...даровали им слух, зрение и сердца (*джа’альна ляхум сам’ан ва-абсаран ва-аф’ида*). Но ни их слух, ни их зрение, ни их сердца нисколько не помогли им, поскольку они отвергали знамения Аллаха...» (Коран, 46:26); «...ты не заставишь слышать мертвецов (*иннакя ля тусми’у аль-маута*) и не заставишь глухих [сердцем] услышать призыв (*ва-ля тусми’у аль-сумма аль-ду’а*)» (Коран, 30:52). Как можно заметить, в представленных аятах слух (*сам*’) упоминается перед зрением (*басар*), указывая на превосходство первого над вторым в отношении приобретения знания. Одним из аргументов в пользу превосходства *сам*’ над *басар* является то, что во многих аятах слух (*сам*’) сочетается с разумом (*’акль*), в отличие от зрения (*басар*), которое ни в одном аяте с разумом (*’акль*) не сочетается (‘Абд ал-Карим, 2022: 101). В тех же аятах Корана, где зрение (*басар*) упоминается перед слухом (*сам*’), парные сочетания *басар* и *сам*’ обычно ассоциируются либо с осуждением людей, у которых есть «глаза, которые не видят, и уши, которые не слышат» (Коран, 7:179), либо с повреждением человеческой натуры: «...подобны слепому и глухому, и зрячему и слышащему. Разве можно их сравнить друг с другом?» (Коран, 11:24), либо с наказанием духовно глухих и слепых: «В День воскрешения Мы соберем их лежащими ничком, слепыми, немymi, глухими. Их пристанищем будет Геенна» (Коран, 17:97) (‘Абд ал-Карим, 2022: 201). Такой обратный порядок не отменяет превосходства слуха, а напротив, подтверждает его. К слышанию также следует отнести понятие *аль-узун*, формирующееся из двух корней, первый из них обозначает ухо (*аль-узун*), а другой – знания (*изн*), что указывает на взаимосвязь слышания с обретением знания. При употреблении данного слова в Коране есть примеры, указывающие на духовную глухоту: «...Мы лишили их способности размышлять и слушать, наложили на их умы и сердца покровы, чтобы они не поняли, а их уши закрыли глухотой, которая мешает им слушать аяты Корана» (Коран, 6:25). Аллах предупреждает: «...Воистину, слух, зрение и сердце – все они будут призваны к ответу» (Коран, 17:36). Приведенные примеры из Священной Книги мусульман указывают на место процесса слушания в его этическом ключе.

Особое апофатическое понимание *сам*’ представлено в *суфийской традиции*, ставящей своей целью приближение к постижению духовной реальности через размышление над эзотерическим смыслом Откровения посредством внерациональных способов познания. Одним из таких способов является *практика сама*’, представляющая собой «гораздо больше, нежели простой акт слушания, становясь особой практикой богопоклонения, пищей души, позволяющей достичь непосредственной связи с Божественной реальностью (*ваджд*), посредством снятия завес (*кашф*), скрывающих истинную сущность бытия. Теоретиками суфизма выделяется три вида слушания: *сама’ низменной души* (*сама’ ан-нафси аль-аммара*) – поверхностное слушание, благодаря которому воспринимаются внешние звуки и голоса, без какого-либо стремления к их глубинному пониманию, с целью получения мирских удовольствий; *сама’ сердца* (*сама’ аль-кальби*) – углубленное слушание, осуществляемое не только посредством слуховых рецепторов, но также благодаря сердцу направленное на саморефлексию и размышление о Боге; *сама’ духа* (*сама’ ар-рухи*) – наивысший уровень

духовного слушания, реализуемый в процессе переживания личного опыта соприкосновения с божественным, имеющий целью достижение безграничной любви к Аллаху. Первый вид слушания как практики *сама* считается неприемлемым и богохульным, два других большинством ученых признаются «законными», хотя существуют и другие мнения. Следует понимать, что «практика *сама*» является лишь средством достижения духовной чистоты, умиротворения, близости к Божественному Возлюбленному и постижению его Речи, а не самоцелью» (Кныш, 2004: 374, 377-378).

Приведем несколько цитат средневековых мусульманских мыслителей о «дозволенном» слушании. *Абу Хамид аль-Газали* (1058–1111), посвятивший размышлению о практике *сама* целую главу в своей книге, пишет: «Слушание (*сама*) приводит сердце в состояние трепета, возникающего помимо воли человека, по причине духовной взаимосвязи сути человеческого сердца с высшим миром» (аль-Газали, 2018: 241-270). *Джалал ад-Дин Руми* (1207–1273) дает поэтическое определение данной практике: «*Сама* – это ветер, вызывающий цветение ветвей разума, звук, раскрывающий поры существования... *Сама* стал окном, открытым в твой розарий, уши и сердца возлюбленного высунулись в окно. <...> Ты не видишь, но они [суфии] способны слышать, как листья на деревьях тоже хлопают. Ты не можешь ощутить хлопанье листьев – для этого тебе нужно ухо сердца, а не телесное ухо... Во время *сама* суфии слышат иной звук – с Престола Господня» (Читтик, 2022: 112). *Абу Бакр Каландар Руми*, который, по мнению исследователей, был одним из приближенных богословов хана Узбека (1283–1341), в поэме «Каландар-наме», «главной особенностью которой является ее предназначение для суфийского ритуала слушания» (Бородовская, 2024: 523), разъясняет его суть: «Слух (*сам*) [значит] слышать, [а] радение (*сама*) – это состояние, милость – душе, а телу – затруднение. Благодаря радению – знай! – все это орудием является, а не радением, ликованием и состоянием. Духовным застольем радение является, несомненно, соединением с Возлюбленным является радение влюбленных» (Каландар Руми, 2017: 268).

Очевидно, что приближение к постижению Речи Всевышнего через практику *сама* возможно лишь в состоянии молчания, которому в исламе придается особое значение, как в контексте нравственности (*ахляк*), так и для духовной реализации.

Этика и апофатика молчания. «Вынужденное молчание-онемение» и «молчание свободной воли»

В «Энциклопедии исламской этики» (Ахляк аль-исламия: 44-50) довольно подробно показана разница между двумя арабскими словами, обозначающими молчание, – *самт* (صَمْتُ) и *сукут* (سَكُوت), которые, как в обыденной речи, так и в первых арабско-русских словарях к Корану российских арабистов-востоковедов И.Ф. Готвальда и В.Ф. Гиргаса рассматриваются как синонимы (Готвальд, 1863: 216, 262; Гиргас, 2006: 368, 450), однако при более детальном рассмотрении между ними обнаруживаются значительные смысловые нюансы. То же касается отглагольных существительных, образованных от этих же корней. «Молчащий» также может обладать двумя разными свойствами – *сāмит* (صَامِت) и *сāкит* (سَاكِت), отличающимися природой молчания. «Молчание» (*сукут*) принято ассоциировать с временной немой – неспособностью говорить, приостановкой речи, вызванной застенчивостью, страхом или другими причинами, чаще всего указывающими на слабость или подчинение (послушание) молчащего (*сāкит*). «Молчание» (*самт*) понимается как сознательное воздержание от речи на какой-то период времени при возможности говорить, что может свидетельствовать о силе характера и самоконтроле человека, а также о выражении вежливости или проявлении благоразумия. *Самт* является намеренным воздержанием от высказываний, вызванным либо нежеланием участвовать в споре во избежание конфликта, что является проявлением нравственности (*ахляка*), либо говорит о склонности молчащего (*сāмит*) к размышлению, саморефлексии, о стремлении к постижению Божественных тайн, что, в свою очередь,

указывает на апофатический аспект данного вида молчания. Как видим, молчание (*самт*) является более общим и всеобъемлющим состоянием, включающим, помимо собственно этического молчания, также молчание, находящееся за пределами этических значений. В связи с вышеизложенным очевидно, что *самт* преобладает над *сукут*, так же как и *молчащий-с̣амит*, имеющий возможность говорения, но остающийся безмолвным⁷, предпочтительнее *молчащего-с̣акит*, который молчит, потому что возможности говорить временно лишен. На основании рассмотрения смысловых нюансов двух арабских слов можно заключить, что *сукут* является «вынужденным молчанием» и следовательно *с̣акит* – «вынужденно молчащим», а *самт* – «свободным молчанием», или «молчанием свободной воли», и тогда *с̣амит* – это тот, для кого молчание является осознанным свободным выбором.

Диалектика речи, молчания и слушания

Отдельное внимание в исламской этике уделено преимуществу молчания над речью. Здесь подчеркивается, что говорить, так же как и молчать, не запрещено, однако лучше молчать, пока не появится необходимость в произнесении слов, и лучше молчать, чем говорить по ошибке. Несмотря на то, что *молчание* само по себе не является добродетелью, оно нейтрально, а *говорение* само по себе добродетельно, но по разным причинам может стать пороком (многословие, пустословие, разговор о том, что причиняет зло, ложь, ересь), поэтому молчание считается предпочтительнее говорения. Шариат призывает к молчанию, потому что оно спасает человека от злословия и отрицательных слов, а также избавляет его от необходимости извиняться перед другими. В «Энциклопедии» (Энциклопедия исламской этики, 2020) приводятся хадисы и изречения мудрецов, подтверждающие эту мысль: «Молчать о зле лучше, чем говорить о нем, а говорить о добре лучше, чем о нем молчать, поскольку постоянное молчание – это ересь, которая запрещена» (Ибн Таймия); «Только четыре вещи поражают воображение: молчание, которое является первым поклонением, смирение, поминание Аллаха, отсутствие чего-либо» (Анас ибн Малик); «Было сказано: Мудрость состоит из десяти частей: девять из них – в молчании, а десятая – в уединении от людей» (Вахиб Ибн аль-Вард).

В Коране производные от слова «*самт*» встречаются два раза в суре «аль-Араф» (Ограды), в аятах 204 и 193, а слово «*сукут*» один раз в той же суре в 154 аяте⁸. При

⁷ Говоря о молчании, нельзя не упомянуть два исмаилитских понятия: «*натык*» (говорящий) и «*с̣амит*» (молчащий), отсутствующие в суннитской богословской мысли и категорически не разделяемые ее представителями. Ирано-британский исламовед Ф. Дафтар, специализирующийся на шиитской (исмаилитской) традиции, разъясняет эти понятия следующим образом: «*натык*» (глаголющий, провозглашающий) относится к пророку, вербализующему явные внешние, экзотерические (*захир*) аспекты каждого Откровения с их ритуалами, заповедями и запретами, без особой детализации и объяснения их внутреннего значения. «*С̣амит*» (молчащий, безмолвствующий), относится к помощнику пророка (*в̣аси*), толкующему и открывающему внутренний, эзотерический (*батын*) смысл послания своей эпохи. Согласно исмаилитскому учению, *натык* первых эпох в истории человечества были Адам, Ной (Нух), Авраам (Ибрахим), Моисей (Муса), Иисус (Иса) и Мухаммад; первыми шестью *с̣амит* (васи) были: Сиф (Шис), Сим (Сам), Исма'ил (Исма'йл), Аарон (Харун), Симон Петр (Шам'ун ас-Сафа') и 'Али б. Аби Талиб (Дафтари, 2004: 48). Французский исламовед, специалист по иранской суфийской традиции А. Корбен, изучая средневековый трактат Джабира ибн Хайана (721–815) «*Китаб аль-Маджид*», находит в нем «идею “взвешивания” трех символических букв, имеющую место в исмаилитской эзотерической доктрине, где: «буква “*айн*” символизирует молчаливого имама Али (*с̣амит*), “*мим*” – пророка Мухаммада (*натык*); “*син*” – Ходжата Салмана». В зависимости от деноминаций шиитского учения и степеней их радикализации, порядок этих букв разнится. Так, если в фатимидском исмаилизме на первом месте стоит буква “*мим*”, то в низаритском исмаилизме эта буква занимает третью позицию, что, несомненно, в корне противоречит убеждениям суннитской вероучительной традиции (Корбен, 2010: 68).

⁸ Несмотря на то что слово «молчание» в Коране употребляется довольно редко, тем не менее, косвенное указание на необходимость молчать встречается довольно часто, примером чему являются фразы: «не говорите», «не должны говорить», «меньше говорите», «дала обет хранить молчание» (Коран, 19:26); например, «ты будешь три дня разговаривать с людьми только знаками» (Коран, 3:41).

рассмотрении данных аятов еще раз обратим внимание на указание важности слушания. В 154 аяте, в котором повествуется о молчании Мусы (Моисея), употребляется слово «*саката*», которое разными переводчиками представлено по-разному, причем в некоторых переводах глагол «молчать» вообще отсутствует, будучи заменен другими оборотами⁹: «И когда Моисей *промолчал* в гневе (*когда гнев спал, когда успокоился*)...». На основании этих размышлений можно предположить, что употребление глагола «*саката*» указывает на то, что благодаря молчанию-онемению (вынужденному молчанию) Моисей усмирил свой гнев. Что касается 193 аята, то практически все муфассиры слово «*сāмитун*» переводят как «молчать, молчащие». Что касается аятов 204–205, то здесь замечено еще большее разнообразие: «204. Когда читается Коран, то *слушайте* его (*слушайте внимательно, слушайте безмолвно, прислушивайтесь*) и *храните молчание* (*молчите, слушайте молча*)... 205. <...> Поминай Аллаха про себя, *не говори громко* (*говоря негромко, без громких слов, без открытого оглашения высказывания*)...». В тафсире ас-Са‘ади¹⁰ дается следующее разъяснение выбранных для рассмотрения слов и словосочетаний. Под фразой «хранить молчание» подразумевается оставление разговоров и всех других действий, отвлекающих от процесса слушания. А под слушанием подразумевается внимательное выслушивание и размышление над аятами. Что касается указания «говорить не громко», то для разъяснения данного аята следует вспомнить хадис: «О люди, пожалейте себя, ведь вы взываете не к глухому и не к отсутствующему, поистине, Он находится с вами, поистине, Он – Слышащий, Близкий!» (аль-Бухари 6384, Муслим 2704).

Значимость молчания подчеркивается мусульманскими богословами, одним из которых является Абу Хамид аль-Газали, уделяющий в своих трудах значительное место важности слушания и молчания. Молчание рассматривается им в качестве необходимого нравственного компонента практической жизни мусульман, способствующего минимизации споров и упразднению упрямства, что ведет к улучшению межличностных отношений, а также проявляет богобоязненность (аль-Газали, 2007: 264, 341). В другой книге данному вопросу посвящена глава «Разъяснение награды за молчание», в которой приводятся хадисы, высказывания мусульманских мыслителей, а также примеры из жизни выдающихся мусульманских личностей. Рассматривая молчание как признак Богопоминания, в качестве примера аль-Газали приводит одно из ключевых правил совершения поминания Аллаха (зикра), в котором можно проследить этапы погружения в состояние безмолвия. Начиная с совершения громкого зикра (*зикр-и-джахри*) громким голосом, переходя к тихому зикру (*зикр-и-хафи*), в котором слова произносятся чуть слышно, и завершая молчаливым зикром – зикром сердца (*зикр-и-кальби*). «Говори: “Аллах-Аллах!” постоянно, про себя и вслух, пока язык не будет молчать, а говорить начнет сердце. Потом сердце также прекратит говорить, и смысл слова овладеет сердцем – тот смысл, в котором нет букв... Этот смысл должен обосноваться в сердце, завладеть им и утвердиться в нем, так что не надо будет заниматься самопринуждением (*такаллюф*)...» (аль-Газали, 2018: 50-51). Аль-Газали заключает, что «ничто не требует столько силы, сколько молчание, являющееся достоинством и духовным борением (*муджахадат*)» (аль-Газали, 2018: 50-51). В уже упомянутом нами ранее книге Абу Бакра Каландара Руми, по большей части посвященной практике *Сама*’, две главы (93 и 189)

⁹ В различных тафсирах интересующие нас моменты, касающиеся молчания и слушания, представлены по-разному, что заслуживает отдельного исследования. В данной работе ограничимся лишь указанием в скобках вариантов перевода Э. Кулиева, И. Крачковского, В. Пороховой, тафсира аль-Мунтахаб и перевода образов Корана под ред. А. Бахтиярова.

¹⁰ ‘Абд-ар-Рахман ибн Насыр ас-Са‘ади (1889–1957) принадлежал к ваххабитскому течению ислама. Мы позволяем себе цитировать его комментарии, так как рассматриваемые нами вопросы касаются общемусульманской тематики, в которой отсутствует влияние принадлежности к той или иной деноминации в исламе (ас-Са‘ади, 2012).

уделены «разъяснению того, что человеку предпочтительнее молчать, хотя он и является говорящим» и «разъяснению того, что молчание есть великое наставление» (Каландар Руми, 2017: 896, 1028).

В суфизме имеется специальный термин «*кыллят аль-калям*» (досл. араб. «малость, незначительность слов»), указывающий на важность минимизации речи и говорения только в случае крайней необходимости. Практика *кыллят аль-калям* защищает мюрида как от чрезмерного молчания, так и от излишней болтовни, будучи направлена на соблюдение баланса между говорением и молчанием, так как любая чрезмерность вредна. Если человек склонен к многословию, то ему следует проявлять усердие в молчании, если чрезмерно молчалив, то важно учиться излагать свои мысли вслух. Задача приведения к балансу говорения-молчания имеет этические основания. Рассматривая апофатические основания, следует отметить, что практики «*кыллят аль-калям*» и молчание (*самт* и *сукут*) в суфийской традиции считаются вратами к установлению связи с Всевышним Аллахом и началу диалога с Его живым Словом (*Калямумуллах*)¹¹. В качестве доказательства теоретиками суфизма приводятся аят из суры «Та ха», который также разными переводчиками и комментаторами представлен в разных вариантах. «В тот день (День воскрешения) они последуют за глашатаем (призывающим), и им не удастся уклониться от этого. Их голоса перед Милостивым будут смиренны (*стихнут голоса*), и ты услышишь только тихие звуки (*шорох, шепот*); (не услышишь ты ничего, кроме *шороха, шороха, шепота*)» (Коран, 20:108).

Заключение

В ходе анализа герменевтического, феноменологического и постмодернистских подходов, представленных трудами классиков философии и теологии, в работах современных философствующих интеллектуалов, в статьях и монографиях исследователей, а также в заслуживающих внимания художественных произведениях нам удалось выявить:

виды слушания: «*наличное*» как ощущение звука и восприятие шума, и «*понимающее*», направленное на обнаружение сущности услышанного (П. Рикёр); «*пассивное*», берущее в плен объект слухового восприятия и «*активное*» – безмолвное окликнутое слушание, пленяющее самого субъекта вторгающимся в его голосом Другого посредством слышания непроизнесенного звучания тишины (П. Мануссакис);

виды молчания: «*наличное*» – молчание без остановки внутреннего диалога, «*подлинное*» – молчание, позволяющее услышать во внутренней тишине сущность неизреченного Слова (П. Рикёр); молчание как «*зов голоса бытия*» (М. Хайдеггер), «*высшее молчание*», находящееся в пространстве между дискурсом и его отсутствием (Ж. Деррида); молчание как «*сосредоточенное безмолвие*», возвращающее к подлинному (изначальному) мышлению о Боге (Г. Джемаль); «*безмолвие чистого бытия*», в котором мысль только зарождается из небытия, проявляясь в жгучем внутреннем зове (Т. Даими) в ответ на «*возвещающее молчание Другого*», изначально содержащее в себе все ответы на все вопросы (Г. Темнов).

В процессе разработки пролегоменов к исламской теологии тишины, включающей систематизацию информации, касающейся важности слушания (*сама'*) и сохранения молчания (*сукут* и *самт*), содержащейся в исламской традиции, были изучены труды по исламскому вероучению (*акыде*), исламской этике (*ахляк*) и тасаввуфу; аяты Корана, касающиеся темы исследования, в различных переводах; памятники литературы и работы известных исламоведов специалистов в анализе коранических терминов, по исламскому мистицизму исламскому вероучению и рациональной теологии. На основании изученного:

¹¹ Данный аспект подробно представлен в статье: (Седанкина, 2022)

Рассмотрены аксиоматические атрибуты (*сифаты*) Аллаха – «Слух» (*ас-Сам'*) и «Речь» (*аль-Калям*) и соответствующие им описательные атрибуты – «Всеслышащий» (*ас-Сами'*) и «Говорящий» (*аль-Мутакаллим*), являющиеся извечными несотворенными и вневременными свойствами, присущими Всевышнему, не отождествляемыми исключительно с тварными формами и приоткрывающими тайну ответа на вопрос, каким образом Бог воспринимает Свое Творение и взаимодействует с ним, что является одним из фундаментальных вопросов исламского вероучения (*'акиды*).

Представлена классификация (иерархия) видов слушания (*сама'*), свойственных человеку, начиная с повседневного *сама'* как способности воспринимать звуки, через *сама'* низменной души (*сама' ан-нафси аль-аммара*), направленного на получение мирских удовольствий, к *сама'* сердца (*сама' аль-кальби*) и *сама'* духа (*сама' ар-рухи*), целью которых является стремление услышать невысказанное, но вечно живое Слово Всевышнего.

Проанализированы две взаимосвязанные суфийские практики богопоклонения («*сама'*», «*кыллят аль-калям*»), способствующие постижению Речи Всевышнего (*Калямудлах*) и выстраиванию диалога с Его живым Словом, посредством соблюдения баланса между слушанием, говорением и молчанием.

На основе рассмотрения различных нюансов смысла двух арабских слов, обозначающих «молчание», введены два новых понятия: «*вынужденное молчание-онемение*» (*сукут*), имеющее в своей основе этическую составляющую, и «*молчание свободной воли*» (*самт*), включающее в себя как этический, так и апофатический аспекты, являющееся как проявлением богобоязненности, так и признаком молчаливого погружения в тайны Божественного Слова.

Анализ идей мыслителей, представленных в работе, осуществляемый нами в тишине, молчании и понимающем вслушивании, привел нас к убеждению о взаимопроникновении герменевтических, феноменологических, философско-эзотерических и теологических дискурсов, последний из которых предполагает особый язык и фигуры речи. На одну из таких особенностей обращает внимание американский теолог Г.Р. Осборн, называя ее «*фигурой умолчания*», заключающейся в намеренном опущении автором части информации с целью усиления риторического эффекта, возникающего из-за «*смещения в ожидании*» (Осборн, 2009: 174) слушающего (читающего), из-за чего подлинное (полное) значение «сущности божественного дискурса будет раскрыто только в конце времен» (Осборн, 2009: 63-64). Пока же, несмотря на имеющиеся Священные Тексты, истина остается сокрытой. Но из-за того же «смещения в ожидании», вызванного «умалчиванием сущности», век за веком искатели истины не перестают отправляться на ее поиски, проявляя послушание и вслушивание в тишину, устремляясь «от шума бытия к молчанию безусловного призыва» (Caputo, 2006: 12).

Я пришел, чтобы обучить тебя языку молчания, и чтобы слушать твоё молчание. Ты должен понимать, что те, кто красиво говорит, произносит прекрасные речи, обычно молчат очень скверно. Но действительно важно именно молчание, потому что оно – подготовка к Великому безмолвию.

Мигель Серрано, *Змей Рая* (Серрано, 2012: 191).

Литература

‘Абд ал-Карим, Б. (2022), *Терминология Корана: лингвистический и семантический анализ*, пер. с англ. Коваленко, С. М., Петербургское Востоковедение, Санкт-Петербург.

Абу Бакр Каландар Руми (2017), *Каландар-наме: избранное*, пер. с перс. Гибадуллина, И. Р. и Шамсимухаметовой, М. Р., общая и науч. ред. предисл., комм. Гибадуллина, И. Р., Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань.

Абу Хамид Аль-Газали (2007), *Возрождение религиозных наук (Ихйа' ‘улум Ад-дин). Том I*, пер. с араб. Насырова, И. Р. и Ацаева, А. С., ИД «Нуруль Иршад», Москва.

Абу Хамид Аль-Газали (2018), *Эликсир счастья (Кимийа са'адат)*. Том 3. Раздел 3: *О губительном*, пер. с перс., и вступ. ст. Гибадуллина, И. Р., Петербургское Востоковедение, СПб.; Казань.

Акыда ас-Санусийя с комментариями шейха Абу Адама ан-Наруиджи (2012), 1-е издание, Махачкала.

Ас-Са'ади Абд ар-Рахман бин Насир (2012), *Толкование Священного Корана «Облегчение от Великодушиного и Милостивого»*. Смысловой перевод Корана на русский язык с комментариями Абд ар-Рахмана ас-Саади. В 3 т. Т. 1, 2-е изд., испр., пер. Кулиева, Э. Умма, Москва.

Бладел, К. ван. (2022), *Арабский Гермес: от языческого мудреца до пророка науки*, пер. с англ. и араб. Розова, В. А. и Хасанова, М. М., науч. ред. Розова, В. А., науч. ред., вступ. ст. и коммент. Двинянинова, Б. К., под общ. ред. Двинянинова, Б. К., Академия исследований культуры, Санкт-Петербург.

Бородовская, Л. З. (2024), «Поэма Абу Бакра Каландара Руми “Каландар-наме” как источник сведений по суфийской ритуальной музыке», *Золотоордынское обозрение*, 12 (3), 512-528, DOI: 10.22378/2313-6197.2024-12-3.512-528, EDN: AVKGDF

Витгенштейн, Л. (2018), *Логико-философский трактат*, пер. с нем. Добросельского, Л., Издательство АСТ, Москва.

Гиргас, В. Ф. (2006), *Арабско-русский словарь к Корану и хадисам [Казань. Типография имперского университета, 1881]*, Диля, Санкт-Петербург.

Готвальд, И. Ф. (1863), *Опыт арабско-русского словаря на Коран, семь моаллакат и стихотворения Имрулькейса*, Университетская типография, Казань.

Даими, Т. (2023), *От Культа к Культуре. Введение в визуальную антропологическую практику*, JekoPrint, Баку.

Дафтари, Ф. (2004), *Краткая история исма'илизма: Традиции мусульманской общины*, пер. с англ. Додыхудоевой, Л. Р., Додхудоевой, Л. Н., АСТ; Ладомир, Москва.

Деррида, Ж. (1998), *Эссе об имени*, пер. с фр. Шматко, Н. А., Алетеия, Санкт-Петербург.

Деррида, Ж. (2000a), *О грамматологии*, пер. с франц. и вступ. ст. Автономовой, Н. С. Ad Marginem, Москва.

Деррида, Ж. (2000b), *Письмо и различие*, пер. с франц. Лапицкого, В., Гараджи, А. и Фокина, С., Академический проект, Санкт-Петербург.

Джемаль, Г. Д. (2020), *Новая теология. Избранные лекции*, Эксмо, Москва.

Кныш, А. Д. (2004), *Мусульманский мистицизм: краткая история*, пер. с англ. Романова, М. Г., Диля, Санкт-Петербург.

Колесников, С. А. (2024), «Метафизика и апофатика цифровых голосов: возможности философско-религиозного осмысления», *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии*, 3, 129-142, DOI: 10.47132/2541-9587_2024_3_129, EDN: QHNBWVT

Коначева, С. А. (2025), «О возможности христианской онтологии после Хайдеггера: феноменология как путь переосмысления восточно-христианской традиции», *Horizon. Феноменологические исследования*, 14 (1), 93-114.

Корбен, Анри (2010), *История исламской философии*, пер. с франц. и примеч. Кузнецова, А., Прогресс-Традиция, Москва.

Корбен, Ален (2020), *История тишины: от эпохи Возрождения до наших дней*, пер. с франц. Поляк, О., Текст, Москва.

Логинова, М. В., Прокаева, О. Н. (2023), «Звуковой код культуры: феномен тишины», *Сфера культуры*, 2 (12), 13-19, DOI: 10.48164/2713-301X_2023_12_13, EDN: EGIPLU

Мануссакис, Дж. П. (2014), *Бог после метафизики. Богословская эстетика*, ДУХ І. ЛІТЕРА, Киев.

Миржакып, Д. (2022), «Разве Мы не раскрыли тебе твою грудь?», *По ту сторону неба без звезд: памяти Гейдара Джемала*, сост. Жигалкина, С. А., ЯСК; Гнозис, Москва, 247-283.

Осборн, Г. Р. (2009), *Герменевтическая спираль. Общее введение в библейское толкование*, пер. с англ. Сериковой, Н., Евро-Азиатская Аккредитационная Ассоциация, Одесса.

Петрухин, С. С. (2024), «Антуан Февр. Искусство прохождения границ», *Февр, А. Вечный Гермес: от греческого бога до алхимического мага*, пер. с англ. и коммент. Никулиной, А. С., науч. ред., ст. и коммент. Двинянинова, Б. К., АИК, Санкт-Петербург, 7-25.

- Рикёр, П. (1969), *Герменевтика и психоанализ. Религия и вера*, пер. с фр. Вдовиной, И. С., Искусство, Москва.
- Румянцев, С. Ю. (2003), *Книга тишины. Звуковой образ города*, Институт русской литературы, Санкт-Петербург.
- Садыков, И. М. (2025), *Сумма рационального богословия. Акыда: общие основания вероубеждения*, Ислам Нуры, Набережные Челны.
- Седанкина, Т. Е. (2022), «Священная книга (Коран) как речевое событие: герменевтические подходы», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 8 (3), 58-76, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-5, EDN: WSKSWG
- Серрано, М. (2012), *Змей Рая*, Ex Nord Lux, Тамбов.
- «Символы и эмблематы от Джулио Бонасоне» (2020), *Аукционный дом «Литфонд»*, [Электронный ресурс], 26.12.2020, URL: <https://www.litfund.ru/news/7830/> (дата обращения: 01.08.2025).
- Солонченко, А. А. (2020), «Православная мысль в условиях постмодерна и богословско-философский контекст ее формирования», Дисс. ... канд. богословия, Сергиев Посад, DOI: 10.31802/GB.2020.39.4.004, EDN: GXTGYT
- Тафсир аль-Коран. Аль-Мунтахаб* (2003), Умма, Москва.
- Темнов, Г. (2020), «Воззвание к Бездне», *Темнов, Г., Синенко, Г. Последний чертог*, б. и., Москва, 11-64.
- Февр, А. (2024), *Вечный Гермес: от греческого бога до алхимического мага*, пер. с англ. и коммент. Никулиной, А. С., науч. ред., ст. и коммент. Двинянинова, Б. К., вст. ст. Петрухина, С. С., под общ ред. Двинянинова, Б. К., АИК, Санкт-Петербург.
- Хайдеггер, М. (2013), *Что такое метафизика?*, пер. с нем. Бибихина, В. В., Академический проект, Москва.
- Читтик, У. К. (1995), *В поисках скрытого смысла. Духовное учение Руми*, пер. с англ., араб. Смирнова, А. В., сост., предисл. Степанянц, М., Ладомир, Москва.
- Энциклопедия исламской этики* (2020), Часть 1. Введение (Мусу аль-ахляк аль-ислямийя. Джуз аль-авваль. Мукаддиат фи аль-ахляк – аль-ихсан – аль-альф). Т. 8, 44-50 [Электронный ресурс], URL: <https://archive.org/details/akhlaq01> (дата обращения: 10.08.25).
- Achillis Bocchii Bonon (1555), *Symbolicarum quaestionum de universo genere quas serio ludebat libri quinque Italy* (1555) [Электронный ресурс], URL: <https://archive.org/details/bocchiibononsymb00bocc/page/132/mode/2up/> (дата обращения: 01.08.25).
- Caputo, J. D. (2006), *The Weakness of God: a theology of event*, Indiana University Press, Bloomington, DOI: 10.2979/4159.0

References

- ‘Abd al-Karim, B. (2022), *Terminologiya Korana: lingvisticheskiy i semanticheskiy analiz* [Terminology of the Quran: linguistic and semantic analysis], Transl. by Kovalenko, S. M., Peterburgskoe Vostokovedeniye, St. Petersburg, Russia (in Russ.).
- Abu Bakr Kalandar Rumi (2017), *Kalandar-name: izbrannoe* [Qalandar-name: favorites], Transl. by Gibadullin, I. R., Shamsimuhametova, M. R., in Gibadullin, I. R. (ed.), Publishing House of the Sh. Maryani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia (in Russ.).
- Abu Hamid al-Gazali (2007), *Vozrozhdenie religioznyh nauk. Vol. 1* [Revival of religious sciences. Vol. 1], Transl. by Nasyrov, I. R. Atsaev, A. S., Nurul Irshad, Moscow, Russia (in Russ.).
- Abu Hamid al-Gazali (2018), *Eleksir schastya. Vol. 3* [The Elixir of Happiness. Vol. 3], Transl. by Gibadullin, I. R., Peterburgskoe Vostokovedenie, Saint Petersburg; Kazan, Russia (in Russ.).
- Achillis Bocchii Bonon (1555), *Symbolicarum quaestionum de universo genere quas serio ludebat libri quinque Italy* (1555), [Online], available at: <https://archive.org/details/bocchiibononsymb00bocc/page/132/mode/2up/> (Accessed 1 August 2025) (in Lat.).
- Akyda as-Sanusiya s kommentariyami sheikha Abu Adama an-Naruidzhi* (2012) [Akida al-Sanusiyah with commentary by Sheikh Abu Adam al-Naruiji], 1st edition, Makhachkala, Russia (in Russ.).
- As-Saadi Abd ar-Rakhman bin Nasir (2012), *Tolkovanie Svyashchennogo Korana “Oblegcheniye ot Velikodushnogo i Milostivogo”. Smyslovoy perevod Korana na russkiy yazyk s kommentariyami Abd ar-Rakhmana as-Saadi: V 3 t. Vol. 1* [Interpretation of the Holy Quran “Relief from the Magnanimous and

Merciful”: Semantic translation of the Quran into Russian with comments by ‘Abd al-Rahman al-Sa’di: In 3 vols. Vol. 1.], Transl. by Kuliev, E., 2nd ed., Umma Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Bladel, K. van (2022), *Arabskiy Germes: ot yazycheskogo mudretsa do proroka nauki* [Arabic Hermes: From Pagan Sage to Prophet of Science], Transl. by Rozov, V. A. and Khasanov, M. M., in Rozov, V. A. and Dvinyaninov, B. K. (eds), *Akademiya issledovaniy kul'tury*, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Borodovskaya, L. Z. (2024), “Abu Bakr Qalandar Rumi's poem ‘Qalandar-nameh’ as a source of information on Sufi ritual music”, *Golden Horde Review*, 12 (3), 512-528 (in Russ.), DOI: 10.22378/2313-6197.2024-12-3.512-528, EDN: AVKGDF

Caputo, J. D. (2006), *The Weakness of God: a theology of event*, Indiana University Press, Bloomington.

Chittik, U. K. (1995), *V poiskakh skrytogo smysla. Dukhovnoye ucheniye Rumi* [In Search of the Hidden Meaning. Rumi's Spiritual Teachings], Transl. by Smirnov, A. V., Lodomir, Moscow, Russia (in Russ.).

Corbin, Henry (2010), *Istoriya islamskoy filosofii* [The History of Islamic Philosophy (Histoire de la philosophie islamique)], Transl. from French by Kuznetsov, A., Progress-Traditsiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Corbin, Alain (2020), *Istoriya tishiny: ot epokhi Vozrozhdeniya do nashikh dnei* [The History of Silence: from the Renaissance to the present day (Histoire du silence de la Renaissance à nos jours)], Transl. from French by Polyak, O., Tekst, Moscow, Russia (in Russ.).

Daftari, F. (2004), *Kratkaya istoriya ismailizma: Traditsii musulmanskoy obshchiny* [A brief history of Islamism: Traditions of the Muslim community], Transl. by. Dodykhudoeva, L. R., Dodhudoeva, L. N., AST, Lodomir, Moscow, Russia (in Russ.).

Daimi, T. (2023), *Ot Kul'ta k Kul'ture. Vvedenie v vizualnuyu antropologicheskuyu praktiku* [From Cult to Culture. Introduction to visual anthropological practice], EkoPrint, Baku, Azerbaijan (in Russ.).

Derrida, J. (1998), *Esse ob imeni* [Essays on Name], Transl. by Shmatko, N. A., Aleteya, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Derrida, J. (2000a), *O grammatologii* [On Grammatology], Transl. by. Avtonomova, N. S., Ad Marginem, Moscow, Russia (in Russ.).

Derrida, J. (2000b), *Pismo i razlichie* [Writing and Difference], Transl. by Lapitskiy, V., Garadzhi, A. and Fokin, S., Akademicheskii proekt, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Dzhemal, H. D. (2020), *Novaya teologiya. Izbrannye lektsii*. [The New Theology. Selected Lectures], Eksmo, Moscow, Russia (in Russ.).

Entsiklopediya islamskoy etiki. (2020), Chast 1. Vvedenie. Vol. 8. [Encyclopedia of Islamic Ethics. Part 1. Introduction. Vol. 8], 44-50. [Online], available at: <https://archive.org/details/akhlaq01> (Accessed 1 August 2025) (in Arab.).

Fevr, A. (2024), *Vechnyy Germes: ot grecheskogo boga do alkhimicheskogo maga* [Eternal Hermes: from the Greek God to the Alchemical Magician], Transl. by Nikulina, A. S., in Dvinyaninov, B. K. (ed.), AIK, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Girgas, V. F. (2006), *Arabsko-russkiy slovar k Koranu i khadisam (Kazan. Tipografiya imperskogo universiteta, 1881)* [Arabic-Russian Dictionary to the Quran and Hadith (Kazan. Imperial University Press, 1881)], Dilya Press, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Gottwald, I. F. (1863), *Opyt arabsko-russkogo slovary na Koran, sem moallakat i stikhotvoreniya Imrulkeysa* [The experience of the Arabic-Russian dictionary on the Quran, seven Mu‘allaqat and poems by Imru al-Qays], University Press, Kazan, Russia (in Russ.).

Heidegger, M. (2013), *Chto takoe metafizika?* [What is metaphysics?], Transl. by Bibikhin, V. V., Akademicheskii Proyekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Knysh, A. D. (2004), *Musulmanskiy mistitsizm. Kratkaya istoriya* [Muslim mysticism. Short story], Transl. by Romanov, M. G., Dilya Press, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Kolesnikov, S. A. (2024), “Metaphysics and Apophatics of digital voices: possibilities of philosophical and religious understanding”, *Proceedings of the Department of Theology*, 3 (23), 129-142 (in Russ.), DOI: 10.47132/2541-9587_2024_3_129, EDN: QHBWVT

Konacheva, S. A. (2025), “On the Possibility of Christian Ontology after Heidegger: Phenomenology as a Way of Rethinking the Eastern Christian Tradition”, *Horizon. Studies in Phenomenology*, 14 (1), 93-114 (in Russ.).

Loginova, M. V. and Prokaeva, O. N. (2023), “Culture's Sound code: the phenomenon of silence”, *Sphere of culture*, 2 (12), 13-19, DOI: 10.48164/2713-301X_2023_12_13, EDN: EGIPLU

Manussakis, J. P. (2014), *Bog posle metafiziki. Bogoslovskaya estetika* [God after metaphysics. Theological aesthetics], DUKH I LITERA, Kiev, Ukraine (in Russ.).

Mirzhakyp, D. (2022), “Didn't We open your chest to you?”, *Po tu storonu neba bez zvezd: pamyati Geydara Dzhemalya* [Beyond the sky without stars: in memory of Heydar Dzhemal], YASK, Gnozis, Moscow, Russia, 247-283 (in Russ.).

Osborn, G. R. (2009), *Germenevticheskaya spiral: obshcheye vvedeniye v bibleyskoye tolkovaniye* [The Hermeneutic Spiral: A General Introduction to Biblical Interpretation], Transl. by Serikova, N., Publishing House of the Euro-Asian Accreditation Association, Odessa, Ukraine (in Russ.).

Petrukhin, S. S. (2024), “Antuan Fevr. Iskustvo prohozheniya granic”, *Fevr A. Vechnyy Germes: ot grecheskogo boga do alkhimicheskogo maga*, Transl. by. Nikulina, A. S., in Dvinyaninov, B. K. (ed.), AIK, St. Petersburg, Russia, 7-25 (in Russ.).

Ricoeur, P. (1969), *Germenevtika i psikhoanaliz. Religiya i vera* [Hermeneutics and psychoanalysis. Religion and Faith], Transl., afterword and note by Vdovina, I. S., Iskustvo, Moscow, Russia (in Russ.).

Rumyantsev, S. Yu. (2003), *Kniga tishiny. Zvukovoy obraz goroda* [The Book of Silence. The sound image of the city], Publishing House of the Institute of Russian Literature, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Sadykov, I. M. (2025), *Summa ratsionalnogo bogosloviya. Akida: obshchiye osnovaniya veroubezheniya* [The sum of rational theology. Akida: common grounds for religious beliefs], Islam Nury, Naberezhnye Chelny, Russia (in Russ.).

Sedankina, T. E. (2022), *Svyashchennaya kniga (Koran) kak rechevoe sobytie: germenevticheskiye podkhody* [The Holy Book (the Quran) as a speech event: hermeneutic approaches], *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (3), 58-76 (in Russ.), DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-3-0-5, EDN: WSKSWG

Serrano, M. (2012), *Zmey Raya* [Snakes of Paradise], Ex Nord Lux, Tambov, Russia (in Russ.).

“Simvoly i emblematy ot Dzhulio Bonasone” (2020), *Litfond*, Auction house [Online], available at: <https://www.litfund.ru/news/7830/> (Accessed 1 August 2025) (in Russ.).

Solonchenko, A. A. (2020), “Orthodox thought in postmodern conditions and the theological and philosophical context of its formation”, Ph.D. Thesis, Sergiev Posad, Russia (in Russ.).

Tafsir al-Koran. Al-Muntakhab (2003) [al-Quran. Al Muntahab], Umma Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Temnov, G. (2020), “An Appeal to the Abyss”, Temnov, G. and Sinenko, G., *Posledniy chertog* [The Last Hall], Moscow, Russia (in Russ.).

Wittgenstein, L. (2018), *Tractatus Logico-Philosophicus*, transl. from German by Dobroselsky, L., AST Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Седанкина Татьяна Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой систематической теологии, Российский исламский институт, ул. Газовая, д. 19, г. Казань, 420079, Российская Федерация; tatianavetlaya@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Tatyana E. Sedankina, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Systematic Theology, Russian Islamic Institute, 19 Gazovaya St., Kazan, 420079, Russian Federation; tatiana-svetlaya@mail.ru

УДК 130.2:392.86

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-3

Михайлин В. Ю.¹,
Тихонова С. В.²

Воображаемая середина: случай сказителя (Одиссея. Песнь VIII)

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия; vmikhailin@yandex.ru

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия; segedasv@yandex.ru

Аннотация. Внимание в статье сфокусировано на более глубоком понимании механизмов, посредством которых архаические общества обеспечивали социальное единство и идентичность в ситуациях, когда традиционные формы коммуникации не могли полноценно выполнять свои функции. В современном медиальном пространстве изучение таких протомедиальных механизмов становится особенно актуальным, так как позволяет прояснить глубинные процессы формирования коллективного сознания и социальной идентичности, лежащие в основе современных коммуникационных практик. Новизна подхода состоит в том, что авторы вводят и раскрывают концепцию «воображаемой середины», показывая ее ключевую роль в организации социальной коммуникации и символической идентификации архаических групп. На основе структурного подхода парижской культурно-антропологической школы детально анализируется деятельность сказителя на примере восьмой книги «Одиссеи» Гомера. Впервые роль сказителя рассматривается не только как транслятора мифологических сюжетов, но и как фигуры, запускающей механизмы эмоционального и эстетического воздействия, необходимые для идентификации героя и социальной «перезагрузки» сообщества. Предложен оригинальный подход к анализу социальных пространств, где сказитель совместно с царем обеспечивает управление символическими ресурсами группы. Сказитель использует систему эмоциональных триггеров для активизации коллективной памяти и идентичности, при этом эффективность воображаемой середины существенно зависит от конкретного социального и символического контекста. Авторы приходят к выводу о том, что воображаемая середина представляет собой фундаментальный механизм социальной коммуникации, протомедиальный по своей природе, так как она структурирует коллективные представления и смыслы аналогично тому, как это делают современные медиа, создавая основу для общего понимания и социальной интеграции.

Ключевые слова: история медиа; протомедиальность; воображаемая середина; Гомер; Одиссея; мастера истины; сказитель

Для цитирования: Михайлин, В. Ю. и Тихонова, С. В. (2025), «Воображаемая середина: случай сказителя (Одиссея. Песнь VIII)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (3), 34-43, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-3

V. Yu. Mikhaylin¹,
S. V. Tikhonova²

The Imaginary Middle: The Case of the Storyteller (Odyssey. Song 8)

¹ Chernyshevsky Saratov National Research State University,
83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia;
vmikhailin@yandex.ru

² Chernyshevsky Saratov National Research State University,
83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia;
segedasv@yandex.ru

Abstract. The authors strive to open the way to deeper understanding of the mechanisms by which archaic societies ensured social unity and identity in situations where traditional forms of communication could not fully perform their functions. Studying such proto-media mechanisms is becoming particularly relevant in today's media space, as it enables us to understand the underlying processes of collective consciousness and social identity formation that underpin contemporary communication practices. The novelty of the approach lies in the authors' introduction and revelation of the concept of the 'imaginary middle', demonstrating its pivotal role in the organisation of social communication and the symbolic identification of archaic social milieus. Based on the structural approach of the Parisian Cultural and Anthropological school, the article analyzes in detail the storyteller's activities using the example of the eighth book of Homer's Odyssey. For the first time, the storyteller is considered not only a translator of mythological plots, but also a figure triggering the mechanisms of emotional and aesthetic impact necessary for the identification of the hero and the social "reboot" of the community. The novelty also lies in the approach proposed by the author to the analysis of socially marked spaces, where the narrator, together with the king, provides management of the symbolic resources of the group. The storyteller uses a system of emotional triggers to activate collective memory and identity, while the effectiveness of the imaginary middle ground depends significantly on the specific social and symbolic context. The authors conclude that the imaginary middle is a fundamental mechanism of social communication, protomedial in nature, as it structures collective representations and meanings in the same way as modern media do, creating the basis for common understanding and social integration.

Keywords: history of media; protomediality; imaginary middle; Homer; Odyssey; masters of truth; storyteller

For citation: Mikhaylin V. Yu. and Tikhonova, S. V. (2025), "The Imaginary Middle: The Case of the Storyteller (Odyssey, VIII)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (3), 34-43, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-3-0-3

Введение

В последнее годы в медиатеории все более востребованным становится термин «медиакоммуникация». Нередко под этим термином понимают все коммуникации, лежащие в основе медиаиндустрии (Дугин, 2024), в этом качестве медиакоммуникация фигурирует в названии образовательных программ (Распопова, 2023). Тем не менее, встречается устойчивое употребление этого понятия, связанное с анализом цифровых коммуникаций, когда к медиакоммуникации относятся в первую очередь новые или социальные медиа

(Тыщепская, 2023). Во многом обращение к медиакommunikации является симптомом продолжающегося масштабного переустройства медиа, вызванного цифровой коммуникационной революцией. В ее условиях происходит постоянное обновление цифровых сервисов и платформ и их перераспределение в процессе передачи социальной информации, необходимой для общественного воспроизводства.

Массовизация исследовательского интереса к этим процессам закономерна, но исторический контекст его оформления создает иллюзию, что новизна и социальность являются характеристиками каналов сегодняшнего дня. Конечно, синкретизм индивидуального, группового, массового форматов является их атрибутом, но абсолютно все медиа социальны по своей природе, и каждый из каналов переживает в своем развитии этап «новизны». Противопоставление медиа и коммуникации, снимаемое в термине «медиакommunikация», тоже является побочным продуктом институционализации исследовательских практик, в которых лингвисты и психологи концентрировались на общении как межличностном процессе, философы, антропологи, социологи – на коммуникации, формирующей коллективные идентичности, а теория коммуникации сосредотачивалась на технической стороне этих процессов. Между тем, в ситуации постнеклассической рациональности, рутинизирующей транс- и междисциплинарность, очевидна методологическая природа противопоставления медиа и коммуникации, сводимая к работе дисциплинарного схематизма. Эмпирическая сторона исследований легко обнажает искусственность этого разделения. Нельзя сказать, что социально-онтологические ракурсы не проявляются в научном медиадискурсе (Радионцева, 2024), но серьезная работа с ними невозможна без фундаментальных исследований по истории медиа, обнажающих универсальные механизмы медиальности, связывающие социообразующую коммуникацию и технические каналы в единое целое. Наиболее наглядны они на протомедальном материале, где массовая коммуникация находится в зачаточном состоянии, а медиа и коммуникация пребывают в очевидном синкретизме.

В рамках данной статьи мы сосредоточимся на гомеровском материале, опираясь на методологию структурализма парижской культурно-антропологической школы, ориентированной на исследование древнегреческой мифологии как символической формы, функционально детерминирующей социальные и политические практики. Ее основатели, М. Детьен, Ж.-П. Вернан и П. Видаль-Наке, расширяли возможности классического структурного метода Леви-Стросса для изучения классической и архаической Греции, трансформируя мифологию Древней Греции в полноценный культурно-антропологический источник. Принципиальное методологическое значение для понимания гомеровских текстов имеют работы М. Детьена (Detienne, 1996) и Ж.-П. Вернана (Vernant, 2006). Отправной точкой для нас будут персонажи, обозначенные Детьеном как «мастера/хозяева истины»; в этом концепте автор фиксирует социально-функциональные роли специфических для архаической Греции трех фигур – прорицателя, сказителя и царя. Все они разделяют привилегию раздавать истину в силу религиозной силы божественной памяти, которая дает им знание, как пророческое, так и вдохновенное, о настоящем, прошлом и будущем (Detienne, 1996), и эта привилегия по факту оказывается социообразующей коммуникацией. В выбранном ракурсе возможно взаимодействие теоретико-методологических полей, позволяющее раскрыть коммуникационную специфику культурно маркируемого пространства (Polignac, de, 1984). Источниковой базой являются «Иллиада» и «Одиссея» (Όμηρου, 1920; Homer, 1932; Όμηρου, 1954; Гомер, 1990; Гомер, Гомер, 2000).

Протомедиальность и концепция воображаемой середины

Протомедиальный феномен «воображаемой середины» был описан в одной из недавних публикаций как механизм социального взаимодействия, обеспечивающий производство

проективных реальностей «второго уровня», то есть ориентированных на создание ситуативно значимой карты наличного бытия, общей для той или иной человеческой группы (Михайлин, 2025). Исходным «местом производства» с неизбежностью остается индивидуальное человеческое сознание, однако проекции в этом случае потенциально значимы для всех полноправных членов группы, и доступ к ним, предположительно, должен быть у каждого из них. Задача, которую мы ставим перед собой в этой статье – равно как и в серии других, с ней связанных, – в общем и целом сводится к попытке выявить способы функционирования этого механизма применительно к конкретным социальным практикам, базовым для тех или иных (архаических) культурных традиций и зафиксированным как таковые в доступных нам нарративных и/или материальных памятниках.

Воображаемая середина не является постоянно действующим механизмом и воссоздается всякий раз, когда воссоздается сама группа как субъект коллективного действия. Что, в свою очередь, предполагает существование триггеров, «запускающих» механизм в нужный момент, а также процедур, сопровождающих перенастройку индивидуального сознания на коллективно значимую проективную реальность, и специфических ролей, носители которых «хранят» необходимые сценарии и обеспечивают их действенность применительно к конкретной ситуации. Одной из таких ролей является роль сказителя, чей *modus operandi* мы и рассмотрим на материале восьмой книги «Одиссеи», самого информативного в интересующем нас смысле текста из всей архаической греческой традиции.

Восьмая книга занимает в «Одиссее» позицию по-своему уникальную. С точки зрения внешнего сюжета, призванного удерживать внимание читателя¹, она дает очевидную задержку. Одиссей, уже выбравшийся из нимфолептического царства Калипсо и выброшенный на ничуть не менее странный берег Схерии, получает от царя феаков Алкиноя обещание, согласно которому завтра же его отправят на корабле туда, куда он сам укажет. Цель его пути очевидна – это Итака, на которую он не может попасть уже двадцать с лишним лет. Так что по завершении предыдущей, седьмой книги читатель имеет все основания ожидать, что действие вскоре переместится на родину протагониста и что повествователь вернется к тамошним драматическим событиям, о которых шла речь в первых четырех книгах. Однако этого не происходит. Происходит же нечто совершенно обратное: Афина, взявшаяся в самом начале поэмы помогать Одиссею всерьез, принимает облик царского глашатая и обходит город, приглашая «каждого мужа» (ἐκάστω φῶτι, VIII, 10)² прийти на площадь перед домом Алкиноя, чтобы посмотреть на прибывшего вчера иноземца. Феаки собираются на площади, и, после того как «они сошлись и образовалось собрание» (αὐτὰρ ἔπει ῥ' ἦγερθεν ὀμῆγερέες τ' ἐγένοντο, VIII, 24), начинается последовательность событий, которая, мягко говоря, откладывает отправку Одиссея на родину.

Прагматические и символические аспекты этой нелогичной на первый взгляд задержки одному из нас уже доводилось анализировать достаточно подробно (Михайлин, 2014): Афина и в самом деле помогает Одиссею, но совсем иначе, нежели того ждет читатель. Она замедляет действие и растягивает последовательность событий, но взамен дает герою возможность прибыть на родину не скитальцем, успевшим лишиться за долгие годы странствий и всех награбленных на Троянской войне богатств, и даже собственного имени, которое он после эпизода с Полифемом предпочитает держать в тайне. Вернуться он должен царем, законным претендентом на то, чтобы очистить собственный дом от поселившейся там скверны. А для этого ему нужны не только громкое, незапятнанное неудачами имя; не только κλέος ἄφθιτον, «немеркнущая слава» – но и внешние, материальные знаки царского статуса: богатства, предметы престижного потребления, причем, в идеале, не «кровавые», добытые на войне, а

¹ Именно читателя – хотя бы в силу того, что гипотетический слушатель «аутентичной» устной «Одиссеи» понятия не имел о членении текста на книги.

² Здесь и далее перевод иноязычных текстов мой. – В.М.

«чистые», совместимые с престижным пространством царского дома и способные утвердить его статус благого царя и правдоговорителя. За десять лет скитаний по чужим морям и землям, теряя в каждом эпизоде корабли и спутников, Одиссей не просто лишился своего прежнего символического капитала: он «инвестировал» его в волшебные, мифологически емкие сюжеты. Теперь настала пора обратной конвертации. Афина руками феаков выстраивает систему испытаний, пройдя которые Одиссей как раз и обретет все необходимое для полноправного *vóτος*, возвращения домой.

Фигура сказителя и механизм идентификации героя

Внешний сюжет VIII песни «Одиссеи» связан с постепенным разоблачением инкогнито и восстановлением высокого социального статуса протагониста. В начале книги он предстает читателю в роли беспомощного *íkētēs*, «просителя», умоляющего о помощи³; уже в середине все диететические персонажи отдают себе отчет в том, что имеют дело с *ῥίστος*, «наилучшим» из людей, наделенным не только благородным происхождением, но и выдающейся доблестью; в конце Одиссей окончательно снимает маску. Но Афина организует для него еще и параллельный внутренний сюжет, связанный с обретением права на доступ к воображаемой середине как к ресурсу, который даст возможность «пересобрать» символический капитал.

Два эти сюжета идут рука об руку. Сперва Афина «перекодирует» безымянного чужестранца из частной фигуры в фигуру, представляющую публичный интерес: явочным порядком, просто собрав у дома царя заинтересованную публику. Тем самым она выполняет роль триггера, запускающего процесс создания воображаемой середины. Царь Алкиной, носитель одной из ключевых необходимых для этого ролей (Roth, 1976), принимает уже сложившуюся ситуацию как данность и приглашает всех на пир, «оформляя» таким образом собрание отдельных и объединенных только общим интересом к «новости» феаков в конкретную – праздничную⁴ – форму групповой деятельности. Одновременно он предпринимает необходимые действия по созданию воображаемой середины, которая должна стать центром ситуативно образовавшегося сообщества. Он посылает за слепым певцом, Демодокком, носителем еще одной значимой роли – это профессиональный «открыватель каналов», и его слепота в посюсторонней реальности является четко выраженным символическим маркером права на доступ к реальностям иного порядка. Именно этим объясняется «божественность» певца: характеристика, устойчивая в обоих гомеровских текстах (Teubner, 2006; Segal, 1994: 129). Сказителя усаживают у центральной опорной колонны царского дома, повесив на ту же колонну принесенную им с собой формингу (VIII, 67): необходимая для формирования воображаемой середины разметка пространства с одновременной расстановкой символических сигналов запущена. Сперва все гости, включая певца, насыщаются вином и мясом: в социально-символическом плане это означает оформление группы как «сообщества равных», которое при этом строго иерархизировано. Вино уравнивает пирующих, поскольку разливается всем из одного кратера; мясо, напротив, выстраивает в группе очевидную для всех участников иерархию, поскольку каждому достается конкретный кусок, а части приготовленной туши существенно разнятся по вкусовым и символическим характеристикам. После этого «Муза внушила певцу воспеть славу мужей» (*μοῦσ' ἄρ' αἰοιδὸν ἀνῆκεν ἀειδέμεναι κλέα ἀνδρῶν* (VIII, 73)): Демодок исполняет песню о ссоре на пиру между Ахиллом и Одиссеем и о том, как радовался хозяин пира, Агамемнон, глядя на конфликт «лучших из ахейцев».

³ Роль, которая в последующих книгах «Одиссеи» будет обыграна еще неоднократно – но исключительно в инструментальном режиме, в качестве *δόλος*, очередной Одиссеевой уловки, позволяющей с минимальными издержками достичь нужного результата.

⁴ То есть, прежде всего связанную с реконфигурацией сложившейся структуры символических капиталов.

Выбор сюжета выглядит подчеркнуто контринтуитивным. Песня о ссоре на пиру поется во время пира; в доме царя Алкиноя она не может исполняться без ведома хозяина, при том что повествует о заинтересованности хозяина в ссоре гостей; пиршественная зала царского дома – территория Зевса, а Зевс ссор за столом не одобряет. Формально песню выбирает Муза, которая фактически представляет собой персонифицированный канал доступа к воображаемой середине. Демодок открывает этот канал, но предложенная им версия воображаемой середины напряжена изнутри, поскольку не соответствует заданным параметрам праздничного пространства. Ее откровенная провокативность (Rose, 1969; Reese, 1993) противоречит «Зевсову порядку» застолья. Кроме того, она ставит под вопрос ключевые для пира социальные роли – как хозяйскую, так и гостевые, начиная прямо с Одиссея, присутствующего одновременно в двух диегетических реальностях – собственно гомеровской и в той, которую конструирует Демодок.

В обеих реальностях его роль, мягко говоря, неоднозначна. На пиру у феаков он – темная лошадка, неизвестная величина, требующая «разъяснения», а потому подозрительная. На «песенном» пиру у Агамемнона он – участник застольной ссоры, представляющий при этом позицию, диаметрально противоположную базовому пафосу «Илиады», отраженному прежде всего в фигуре Ахилла. Ахилл есть воплощение κλέος, «славы», и его путь к победе на войне лежит через βίη, «могущество, силу». Одиссей же – прирожденный оппортунист; его главная задача состоит в том, чтобы выжить, выиграть и обеспечить себе достойный νόστος, «возвращение домой» – в котором слава будет играть роль весьма желательного, но не базового компонента. Поэтому и воюет он, опираясь скорее на μῆτις, «ум», способность предвидеть и просчитывать развитие событий, а его главное оружие – это δόλος, «хитрость», «уловка», «манипуляция» (Broeniman, 1996).

Слушая первую песню Демодока, Одиссей не может не переживать того, что сегодня назвали бы конфликтом идентичностей. В эпосе герой непременно «сообщает» читателю о своих переживаниях через видимые телесные реакции: и Одиссей плачет, закрыв голову полой одежды. Пьетро Пуччи обращает внимание на изменения, происходящие с модусом существования персонажа в тексте поэмы. Песня сказителя превращает его из действующего лица в слушателя, и деяние трансформируется в риторику, оказывая на героя сильное эмоциональное воздействие, несопоставимое с реакцией феаков: не будучи участниками описываемых событий, те просто развлекаются, получая удовольствие от необычного сюжета, «завернутого» в престижную практику (Russett, 1987: 222), Одиссей же вынужден «перепроговаривать» уже пережитую сумму опыта, переводя его в иную кодировку. Нас, впрочем, интересует в данном случае несколько иной аспект той же проблемы. На уровне внешнего сюжета этот эпизод запускает процесс идентификации Одиссея, поскольку необычное поведение за столом обращает на себя внимание Алкиноя. На уровне же сюжета внутреннего мы сталкиваемся здесь с демонстрацией внутренней механики интересующего нас феномена, воображаемой середины, – с первым инструментальным использованием ее как своего рода пробирного камня. Два героя, Алкиной и Демодок, будучи обладателями сильных позиций, пользуются возможностью вовлечь незнакомца одновременно в два несводимых между собой сценария с тем, чтобы выбить его из предзаданной фейковой роли: заставить снять маску.

Одиссей выдает себя как героя, участника событий, о которых повествует «слава мужей» – и воображаемая середина меняет регистр, поскольку теперь необходимо определить его статус уже применительно к другой, героической иерархии. Алкиною приходит в голову мысль устроить атлетические состязания: едва ли не идеальную событийную рамку для провокации, рассчитанной на игровое, не связанное с пролитием крови выявление агональных компетенций незнакомца. Для нас, впрочем, важнее другая, структурная механика этого события, связанная с переносом воображаемой середины из домашнего, «зевесова»

пространства в наделенное совершенно иными характеристиками пространство «аполлоновой» состязательной атлетики. Последнее представляет собой зону весьма специфическую, максимально приближенную к «аресову» полю боя, поскольку правят здесь не νόμος καὶ ἔθιμα, не «закон и привычный порядок», а βίη καὶ μῆτις, «сила и хитрость». С той разницей, что Арес все-таки уважает правила честного боя и честного же раздела добычи – хоть и склонен время от времени впадать в λύσσα, неконтролируемое боевое бешенство. Аполлон же – покровитель агональности эфебической, где самозабвенность и провокативность «щенячьего» поведения легко перехлестывают через любые собственно «человеческие» границы. Но зато и уравниваются «недостаточностью» выигрыша, ничтожного по. взрослым, ориентированным на социально приемлемые ценности, меркам: для собственно эфебических сюжетов характерна другая логика (Видал-Накэ, 2001).

Пространственные и символические аспекты воображаемой середины

В этих пространствах меняется функционал не только воображаемой середины, но и каналов, обеспечивающих доступ к ней, и триггеров, запускающих процесс ее создания. В зоне, подвластной Зевсу, воображаемая середина представляет собой неиссякаемый источник удивительных μῦθοι, историй, способных, с одной стороны, заморозить публику своим нездешним обаянием и над-персональным смыслом, а с другой, дать прочную основу для легитимирующих стратегий и практик. Царь – это человек, наделенный правом вызывать ее к жизни в необходимый и уместный момент, а также способностью интерпретировать и инструментализировать почерпнутые из нее сюжеты. Эту последнюю способность разделяет с ним певец, но только исходя из другой перспективы: на этой арене он фокусник, достающий голубя из шляпы, а не директор цирка.

Там, где правит Арес, воображаемая середина также может служить источником значимых мифологических сюжетов, но только прагматика у этих сюжетов иная: они построены на кодах, полностью совместимых с пространством войны, а потому выполняют прежде всего мобилизационную функцию, поставляя идеальные модели поведения, мотивирующие образы и т. д. Впрочем, если иметь в виду не узко локальную, а более широкую перспективу, главная задача воображаемой середины здесь состоит не в раздаче, а в накоплении сюжетов – в аккумуляции той самой κλέος ἄφθιτον, «немеркнувшей славы», которая впоследствии, будучи перекодирована через посредство поэзии и «доставлена» в пиршественный зал мегарона, сможет послужить основой для репутации царя или аристократа: при понятном посредничестве поэта. Функционал басилевса на войне меняется радикально: здесь это не человек, способный уговаривать и мирить между собой тех, кто живет «под его скипетром»: то есть, собственно, признает за ним право преимущественного доступа к общезначимой воображаемой середине. Здесь он должен гарантировать победу, переламять ситуацию от несчастья или неопределенности к удаче, и преимущественный доступ к воображаемой середине нужен ему именно для этого. Поэт же призван прежде всего «подшивать счастье», фиксировать и переводить в необходимую кодировку мифогенные события: то есть не «доставать» из воображаемой середины, а загружать в нее.

Заключение

Итак, работа воображаемой середины как механизма социального взаимодействия, необходимого для формирования общей «карты наличного бытия» в коллективном сознании, состоит в возобновлении, «пересборке» групповых идентичности и единства. Этот механизм имеет ситуативный характер и требует активации через специальные триггеры и роли, одной из которых является роль сказителя. Материал восьмой книги «Одиссеи» позволяет установить базовые условия создания и воспроизведения воображаемой середины: сказитель выполняет функцию «открывания каналов», запуская сложные процессы самоидентификации

и реидентификации. Эстетическое воздействие сказитель использует как систему эмоциональных триггеров. Функциональность воображаемой середины зависит от социального контекста и пространства действия, меняясь в «зевсовом», «аполлоновом» и «аресовом» пространствах, каждое из которых предполагает свой тип социальной коммуникации и способы взаимодействия с воображаемой серединой. Сказитель и царь играют центральные роли в управлении этим пространством, обеспечивая «загрузку» или «выгрузку» значимых мифологических и социальных сюжетов, необходимых для успешного функционирования общества и героической идентификации персонажей. Воображаемая середина выступает изначальным механизмом социальной коммуникации, который предшествует современным медиа, но выполняет аналогичные функции – объединяет людей вокруг общего смыслового ядра. Она структурирует и удерживает коллективные представления, создавая общее пространство символов и образов, аналогичное медиальному полю современных средств коммуникации.

Литература

- Видадь-Накэ, П. (2001), «Черный охотник и происхождение афинской эфебии», *Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире*, Ладомир, Москва, 135-154.
- Гомер (1990), *Илиада*, пер. Гнедича, Н. И., Наука, Ленинград.
- Гомер (2000), *Одиссея*, пер. Жуковского, В. А., Наука, Москва.
- Дугин, Е. Я. (2024), «Медиакоммуникации и журналистика как основа креативной индустрии», *Вестник Академии медиаиндустрии*, 3, 7-18, EDN: LHWOBR
- Михайлин, В. Ю. (2025), «Et in Arcadia ego: искусство управления стрессом в идиллическом дискурсе (“адресные” идиллии Феокрита)», *Зло как благо. Интерпретация культурных кодов: 2025*, Наука, Саратов, 5-12, EDN: JOZTCA
- Михайлин, В. Ю. (2014), «О ситуативности репутаций: возвращение Одиссея», *Отечественные записки*, 1(58), 52-84, EDN: RWUATL
- Радионцева, Е. С. (2024), «Медиакоммуникации как среда для формирования импринтинга», *Научный диалог*, 13 (7), 196-216, DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-196-216, EDN: QEINTH
- Распопова, С. С. (2023), «Медиакоммуникации в системе университетского образования: к постановке проблемы», *Государственная служба*, 25 (3), 77-90, DOI: 10.22394/2070-8378-2023-25-3-77-84, EDN: BSHTZU
- Тыщевская, А. Ю. (2023), «Цифровые платформы и современные медиакоммуникации: актуальные исследовательские подходы», *Медиаэкон*, 4, EDN: RDKBGA
- Broeniman, C. (1996), “Demodocus, Odysseus, and the Trojan War in ‘Odyssey’ 8”, *The Classical World*, 90 (1: Sep.–Oct.), 3-13.
- Detienne, M. (1996), *The Masters of Truth in Archaic Greece*, Zone Books, New York.
- Ὅμηρον (1920), *Ἰλιάς*, Homeri opera recognoverunt brevique adnotatione critica instruxerunt, Vol. 1–2, Clarendon Press, Oxford.
- Ὅμηρον (1954), *Ὀδύσσεια*, Macmillan and Co Ltd, London.
- Polignac, F. de (1984), *La naissance de la cité grecque. Cultes, espace et société, VIIIe–VIIe siècles* [The Birth of the Greek City: Cults, Space and Society, 8th–7th centuries BC], La Découverte, Paris.
- Pucci, P. (1987), *Odysseus Polutropos: Intertextual Readings in the Odyssey and the Iliad*, Cornell University Press, Ithaca; London.
- Reece, S. (1993), *The Stranger's Welcome. Oral Theory and the Aesthetics of the Homeric Hospitality Scene*, The University of Michigan Press, Ann Arbor, DOI: 10.3998/mpub.13509
- Rose, G. P. (1969), “The Unfriendly Phaeacians”, *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 100, 387-406, DOI: 10.2307/2935923
- Roth, C. P. (1976), “The kings and the Muses in Hesiod’s Theogony”, *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 106, 331-338.
- Segal, C. (1994), *Singers, heroes, and gods in the Odyssey*, Cornell University Press, Ithaca, London.
- Teubner, B. G. (2006), “The Singer in the Odyssey”, *Schrift, Text und Bild* [Электронный ресурс], URL: <https://doi.org/10.1515/9783110925869.1> (дата обращения: 25.03.2025).

Vernant, J.-P. (2006), *Myth and Thought among the Greeks*, Zone Books, New York.

References

- Broeniman, C. (1996), "Demodocus, Odysseus, and the Trojan War in 'Odyssey' 8", *The Classical World*, 90 (1: Sep.–Oct.), 3-13.
- Detienne, M. (1996), *The Masters of Truth in Archaic Greece*, Zone Books, New York, USA.
- Dugin, E. Ya. (2024), "Media kommunikatsii i zhurnalistika kak osnova kreativnoy industrii" [Media communications and journalism as the basis of the creative industry], *Vestnik Akademii Mediaindustrii* [Bulletin of the Academy of Media Industry], 3, 7–18 (in Russ.), EDN: LHWOBR
- Homer (1990), *Iliada* [Iliad], Transl. by Gnedich, N. I., Nauka, Leningrad, USSR (in Russ.).
- Homer [Ὅμηρος] (1920), *Iliad* [Ἰλιάς], Homeri opera recognoverunt brevique adnotatione critica instruxerunt, Vol. 1-2, Clarendon Press, Oxford (in Ancient Greek).
- Homer (2000), *Odisseya* [Odyssey], Transl. by Zhukovsky, V. A., Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).
- Homer [Ὅμηρος] (1932), *Odyssey. Books I–XII* [Ὀδύσσεια], Clarendon Press, Oxford (in Ancient Greek).
- Homer [Ὅμηρος] (1954), *Odyssey. Vol. II. Books XIII–XXIV* [Ὀδύσσεια], Macmillan and Co Ltd, London. (in Ancient Greek).
- Mikhaylin, V. (2025), "Et in Arcadia ego: stress management art in idyllic discourse ('address' idylls of Theocritus)", *Zlo kak blago. Interpretatsiya kulturnykh kodov: 2025* [Evil as good. Interpretation of cultural codes: 2025: 2025], Nauka, Saratov, Russia, 5-15 (in Russ.), EDN: JOZTCA
- Mikhaylin, V. (2014), "On the situational nature of reputations: the return of Odysseus", *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], 1, 52-84 (in Russ.), EDN: RWUATL
- Polignac, F. de (1984), *La naissance de la cité grecque. Cultes, espace et société, VIIIe–VIIe siècles* [The Birth of the Greek City: Cults, Space and Society, 8th–7th centuries BC], La Découverte, Paris, France (in French).
- Pucci, P. (1987), *Odysseus Polutropos: Intertextual Readings in the Odyssey and the Iliad*, Cornell University Press, Ithaca, USA; London, UK.
- Radiontseva, E. S. (2024), "Media communications as an environment for imprinting formation", *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 13 (7), 196-216 (in Russ.), DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-196-216, EDN: QEINTH
- Raspopova, S. S. (2023), "Media communications in the university education system: problem statement", *Public Administration*, 25 (3), 77-90 (in Russ.), DOI: 10.22394/2070-8378-2023-25-3-77-84, EDN: BSHTZU
- Reece, S. (1993), *The Stranger's Welcome. Oral Theory and the Aesthetics of the Homeric Hospitality Scene*, The University of Michigan Press, Ann Arbor, USA, DOI: 10.3998/mpub.13509
- Rose, G. P. (1969), "The Unfriendly Phaeacians", *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 100, 387-406, DOI: 10.2307/2935923
- Roth, C. P. (1976), "The kings and the Muses in Hesiod's Theogony", *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 106, 331-338.
- Segal, C. (1994), *Singers, heroes, and gods in the Odyssey*, Cornell University Press, Ithaca, USA; London, UK.
- Teubner, B. G. (2006), "The Singer in the Odyssey", *Schrift, Text und Bild* [Online], available at: <https://doi.org/10.1515/9783110925869.1> (Accessed 25 March 2025).
- Tyshetskaya, A. Yu. (2023), "Digital platforms and modern media communications: current research approaches", *Mediascope*, 4 (in Russ.), EDN: RDKBGA
- Vernant, J.-P. (2006), *Myth and Thought among the Greeks*, Zone Books, New York.
- Vidal-Naquet, P. (2001), "The Black Hunter and the Origin of the Athenian Ephebia", *Chernyi okhotnik. Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire* [The Black Hunter. Forms of Thought and Forms of Society in the Greek World], Lodomir, Moscow, Russia, 135-154 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.
Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Михайлин Вадим Юрьевич, доктор философских наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия; vmikhailin@yandex.ru

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия; segedasv@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Vadim Yu. Mikhaylin, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Chernyshevsky Saratov National Research State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia; vmikhailin@yandex.ru

Sophia V. Tikhonova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theoretical and Social Philosophy, Chernyshevsky Saratov National Research State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia; segedasv@yandex.ru

УДК: 261.6+7.046.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-4

Кислин К. Б.

**Мотив превращения человека в животное
в средневековых комментариях на «Метаморфозы» Овидия**

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,
Петербургское шоссе, д. 2, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, 196601, Россия;
kislin_k_rel@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается мотив превращения человека в животное в средневековых комментариях на «Метаморфозы» Овидия. Актуальность исследования обусловлена интересом к теме репрезентации образов животных в европейской культуре Средневековья, а также связана с необходимостью углубленного изучения мифографической традиции, которая является важной частью средневековой рецепции античности в целом. Новизну и оригинальность исследования составляет анализ комментариев в работах мифографов на сюжеты античной мифологии с целью уточнения специфики морального переосмысления бестиарных образов. Для достижения поставленной цели были проанализированы комментарии на мифологические сюжеты о превращении спутников Улисса в свиней, Ликаона в волка, Ио в телицу, Каллисто в медведицу и другие. Делается вывод о том, что средневековые комментаторы «Метаморфоз» связывали мотив превращения человека в животное, с одной стороны, с искажением образа Божьего вследствие совершения греха, с другой стороны, с нравственной деградацией персонажа, результатом которого становилась утрата человеческого облика.

Ключевые слова: средневековая рецепция античной мифологии; мифографическая традиция; Пётр Берхорий; «Морализованный Овидий»; бестиализация; метаморфозы; морализация

Для цитирования: Кислин, К. Б. (2025), «Мотив превращения человека в животное в средневековых комментариях на “Метаморфозы” Овидия», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (3), 44-52, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-4

K. B. Kislin

**The Motif of Human Transformation into an Animal
in Medieval Commentaries on Ovid's “Metamorphoses”**

St. Petersburg State Agrarian University,
2 Peterburgskoe Rd., St. Petersburg, Pushkin, 196601, Russia; *kislin_k_rel@mail.ru*

Abstract. The article examines the motif of transformation from human to animal in medieval commentaries on Ovid's «Metamorphoses». The relevance of this study is due to an interest in the representation of animal images in European Medieval culture and the need for a deeper understanding of mythographic tradition, which forms an important part of the overall reception of antiquity during the Middle Ages. The novelty of the approach lies in analyzing those parts of commentary that contain elements of bestialization within stories drawn from ancient mythology. The aim of

the research is to identify specific features of moral reinterpretation applied by mythographers to bestiary-like characters. To achieve this goal, we have analyzed commentaries dealing with such well-known myths as the transformation of Ulysses' companions into pigs, Lycaon into a wolf, Io into a heifer, Callisto into a bear, among others. The conclusion is drawn that medieval commentators of "Metamorphoses" associated the theme of transformation into animals both with distortion of God's image resulting from sinning and with the moral degradation of characters leading ultimately to loss of their humanity.

Keywords: medieval reception of ancient mythology; mythographic tradition; Petrus Berchorius; "The Moralized Ovid"; bestialization; metamorphosis; moralization

For citation: Kislin, K. B. (2025), "The Motif of Human Transformation into an Animal in Medieval Commentaries on Ovid's 'Metamorphoses'", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (3), 44-52, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-4

Тема средневековой репрезентации образов животных пользуется определенным интересом среди исследователей и зачастую рассматривается ими в общем контексте символического восприятия бестиарных мотивов в европейской культуре. Е.В. Лозинская в статье, посвященной специфике отображения животных в литературе, говорит о том, что образы птиц и зверей обладают некими устойчивыми значениями, что можно видеть на примере средневековых бестиариев (Лозинская, 2023: 29). Ортиц-Раблес в своей монографии предпринимает попытку концептуализации образов животных, выделяя для определенных семейств соответствующие им «качества»: для лошадиных – силу и верность, для кошачьих – загадочность, псовым свойственны партнерство, хитрость (лисы) и т. п. (Ortiz Robles, 2016). М.Ф. Надъярных, исследуя в своей интересной статье образ Химеры, делает вывод о том, что химерическое ассоциируется в том числе с «парадигмой бесформенного (хаотического) или сформированного из неподобных элементов, с отсутствием единства, с уродливым, иллюзорным, обманным, безумным» (Надъярных, 2015: 85). Связанной с животными метафорике в сочинениях куртуазных поэтов средневековья уделяет внимание Е.В. Дубовая во второй главе своей монографии (Дубовая, 2016).

Особое значение для исследователей имеет репрезентация бестиарных образов в контексте средневекового символизма. Подчеркивается, что средневековые авторы часто используют образ животного в дидактических целях, в качестве примера и морального наставления. Е.В. Казакова, исследуя анималистические образы в средневековых бестиариях, пишет, что «зверь... в Средние века становится феноменом не просто природным, но и культурным. <...> Для лучшего понимания доносимого смысла образы животных наделяются эмоциональными и личностными качествами человека» (Казакова, 2015: 94). Ряд примеров приводит Д.А. Зеленин в статье о средневековой эмблематике. Так, несущие кони могут быть метафорой страстей, ведущих человека к гибели (Зеленин, 2015: 42).

Стоит подробнее остановиться на статье О.В. Субботиной, в которой показывается связь греха гордыни с «образами льва, коня и павлина. Интересно обратить внимание на образ хромой лошади как метафорическое изображение неустойчивости, свойственной дьяволу, который, будучи гордецом, пошел против воли Бога» (Субботина, 2015: 33-34). Это качество дьявола подчеркивал Исидор Севильский в «Этимологиях» (VIII, 19), называя его "transgressor", "because as a complete prevaricator, he did not continue in the truth in which he was created" (Isidore of Seville, 2006: 184). О.В. Субботина упоминает еще два интересных образа, подтверждающих наличие связи между свойством неустойчивости и грехом в средневековой иконографии: образ колеса Фортуны (Субботина, 2015: 34) и Фрау Вельт – персонификацию

всех пороков в немецком фольклоре. На одной из миниатюр XV в. она изображена имеющей одну птичью ногу, а другую – змеиную, кусающую первую (там же: 35-36). Забегая немного вперед, упомяну об аллегорической трактовке фигуры бога плодов Вертумна, само имя которого (от глагола “*vertere*”) намекает на способность менять облик (и неспособность долго оставаться в одном состоянии). С ним связана история соблазнения нимфы Помоны, к которой он явился в виде старухи-сводницы, уговорами внушив ей любовь к себе. В пособии для проповедников бенедиктинского монаха XIV в. Петра Берхория «Морализованный Овидий» (о котором речь пойдет дальше) Вертумн сравнивается с дьяволом; обращаясь к своему адресату, предполагаемому священнику, Берхорий пишет: “*Speak about the devil, who knows how to cloak himself in diverse forms and transform himself under various temptations and disguises to deceive people*” (Bersuire, 2023: 707). К слову, хромота Вулкана также связывается Берхорием с его нравственным несовершенством и трактуется как «уродство похоти» (там же: 281). Таким образом, сама идея неустойчивости или трансформации получает негативную оценку у средневековых авторов.

Это особенно ярко проявляется, когда речь идет о моральном переосмыслении сюжетов, связанных с превращением человека в животное. Л. Баркан отводит этой теме значительное место в своей монографии, в которой анализируется восприятие метаморфоз от Античности до Ренессанса. Он пишет, что идея множественности и непостоянства языческих богов ассоциировалась у раннехристианских авторов (таких как Лактанций, Амвросий Медиоланский, Августин) с аморальным поведением, поскольку противоречила иудео-христианскому представлению о том, что человек был сотворен по образу и подобию Божьему (Barkan, 1986: 96-97). Он обращает внимание на высказывание Амвросия: “*Those made after the likeness and image of God cannot be changed into the forms of beasts!*” (цит. по: Barkan, 1986: 97). Лактанций также сетовал на то, что лучше бы Геркулес одолел своего «внутреннего зверя», то есть обуздал скрытую в нем самую дикую ярость, чем поборол Немейского льва (там же: 110). Уже в XII в. видный представитель Шартрской школы Иоанн Солсберийский в сочинении «Поликратик» писал следующее: “*As the rational creature becomes brutish, so the image of the Creator by analogy is deformed into the beastly*” (цит. по: Barkan, 1986: 127). Таким образом, христианские авторы заявляли о наличии связи между внешним обликом человека и его внутренними нравственными качествами. Утрата человеком своего человеческого достоинства вследствие совершения греха чревата потерей и благопристойного внешнего вида, может привести его к окончательной деградации до звериного состояния.

Феномен бестиализации рассматривается в одном из кратких приложений крайне полезного словаря аллегорических интерпретаций сюжетов античной мифологии Д. Брамбла. Автор подчеркивает, что идея отображения внутреннего состояния персонажа через его внешний облик берет начало задолго до христианской эры, приводя в пример звероподобных Эриний у Эсхила и ветхозаветного косматого Исава (Bramble, 1998: 363). Он констатирует наличие определенной традиции в западной литературе и искусстве: “*Morally upright people are beautiful people; morally degenerate people are ugly-beastial. The outward form mirrors the inward spiritual state*” (там же: 364).

Обширный материал для изучения образов животных в средневековой культуре предоставляет традиция морального комментария на «Метаморфозы». Особый интерес вызывают трактовки сюжетов, связанных с метаморфозой человека в животное, где *животное* и *человеческое* не просто сравнивается между собой метафорически, но как бы образует единый феномен. Гениальное творение Овидия содержит достаточное количество примеров таких превращений: царя Ликаона в волка, спутников Улисса в свиней, несчастной Ио в телицу, Каллисто – в медведицу, Гиппомена и Аталанты (уже после их знаменитой гонки) – во львов и так далее. Все эти сюжеты имеют богатую историю интерпретации в сочинениях так называемых *мифографов*, пытавшихся примирить литературное наследие классической древности с новым типом культуры.

Исследование мифографической традиции важно хотя бы потому, что, как подчеркивает Дж. Чэнс, средневековые авторы, обучавшиеся грамматике в Шартре, Орлеане или Париже, знакомились с творениями латинских поэтов не напрямую, а через разного рода пособия, которые содержали не только грамматические пояснения, но и учили видеть в баснях (*fabulae*) о языческих богах христианские смыслы (Chance, 1990: 5). В XII в. в школьный канон сочинений, рекомендованных для изучения грамматики, был включен Овидий, в том числе его «Метаморфозы», что оказало огромное влияние на культурную жизнь Европы того времени и последующих столетий. Благодаря комментариям христианских авторов, обогащенный моральным содержанием античный миф стал достоянием европейской цивилизации. Несмотря на важность изучения комментариев на Овидия для понимания средневековой рецепции античной мифологии в целом, сложно не согласиться с Дж. Фьюмо в том, что на данный момент наше представление о предмете все еще остается «рудиментарным» (Fumo, 2014: 116). Один из самых авторитетных специалистов по мифографической традиции Ф. Кулсон писал в 2007 г., что сложность ее изучения связана с труднодоступностью и недостаточной изученностью самих манускриптов, а также с отсутствием современных критических изданий этих текстов (Coulson, 2007: 153). В 2015 г. он подготовил перевод так называемой «Овидиевой Вульгаты» – анонимного школьного комментария на «Метаморфозы» середины XIII века (Coulson, 2015). А в 2023 г. под его редакцией вышло в свет издание латинского текста трактата Петра Берхория «Морализованный Овидий» с параллельным переводом (Bersuire, 2023). Сочинения других важнейших латинских комментаторов Овидия – Арнульфа Орлеанского (Ghisalberti, 1932), Иоанна де Гарландия (Giovanni di Garlandia, 1933), Джованни дель Вирджилио (Ghisalberti, 1933) – изучаются в основном по изданиям итальянского филолога Ф. Гизальберти первой половины 30-х гг. XX века.

Поскольку никаких античных комментариев на Овидия не сохранилось (Кнох, 2009: 358), началом овидианской рецепции считается XII век, а первым известным комментарием на его произведения – труды грамматика из Орлеана Арнульфа¹. Значимым источником является его введение к «Метаморфозам», в котором необходимость знакомства с поэмой объясняется скрытым в ней христианским смыслом. Арнульф объясняет цель (*intentio*), которую ставил перед собой поэт: “Ovid’s intention ... is to speak of transformation, so that we may be aware not only of external transformation which takes place in corporeal things be they good or bad, but also of internal transformation in the soul, so that he might lead us back from error to a recognition of the true Creator” (цит. по.: (Coulson, 2007: 48)). Со второй половины XIII в. грамматический комментарий постепенно уступает место морализации. Это связано с влиянием IV Латеранского собора 1215 г., на котором был провозглашен курс на активизацию проповеди, и с появлением нищенствующих орденов. Важным сочинением XIII в. является дидактическая поэма Иоанна де Гарландия «Покровы Овидия» (“*Integumenta Ovidii*”), само название которой говорит о намерении автора рассказать о тайных смыслах литературного наследия великого римлянина.

Специалисты единогласно сходятся во мнении, что итогом и кульминацией рецепции Овидия в Средние века являются анонимная поэма на старофранцузском языке «Морализованный Овидий» (“*Ovide moralisé*”) и уже упоминавшийся трактат Берхория с тем же названием (Dimmick, 2003: 279; Gillespie, 2005: 193; Кнох, 2009: 332-333). Оба сочинения были написаны в первой половине XIV в., при этом Берхорий использовал поэму как источник при составлении поздних редакций своего труда. Интересно, что анонимный автор приводит те же доводы в «защиту» Овидия, что и Арнульф: “Unless Scripture is lying to me, all was intended for our instruction, everything that is written in books, whether they were written well or badly” (цит. по.: (Gillespie, 2005: 200)). «Морализованный Овидий» Берхория имеет особое

¹ Про первенство Арнульфа см.: (McKinley, 1996: 119; Dimmick, 2003: 278).

значение для изучения овидианской рецепции, поскольку, как замечает Дж. Фьюмо, трактат впитал в себя все многообразие предшествующего опыта (Fumo, 2014: 83). За неимением возможности подробнее остановиться на истории средневековой мифографической традиции, отсылаю интересующихся к своей статье (Кислин, 2022). Необходимость настоящей работы продиктована в том числе потребностью перехода от описания сочинений мифографов к системному анализу содержащихся в них идей и образов.

Пожалуй, самую продолжительную историю интерпретации среди бестиарных сюжетов имеет миф о превращении спутников Улисса в свиней, описанный уже в «Одиссее» Гомера. Возвращаясь на Итаку после долгих странствий, победитель троянцев со своей командой остановился на острове, которым правила прекрасная колдунья Цирцея. Она приветливо встретила товарищей и угостила их волшебным напитком, после которого они стали терять человеческий облик, пока совсем его не утратили (сохранился только разум). Одиссей, известный своей хитростью, смог избежать такой печальной участи. Он очаровал Цирцею, и она согласилась вернуть его команде прежний вид. Рецепция сюжета восходит к «Утешению философией» Боэция (III, 4), который приводит его в пример, рассуждая о связи бытия и блага: «Уклоняющееся от блага перестает существовать, поэтому злые люди перестают быть теми, кем были прежде. <...> Отвергших условие человеческого существования порочность, по справедливости, столкнет ниже человеческого рода. Следовательно, обезображенного пороками, как ты видишь, нельзя считать человеком» (Боэций, 2020: 164-165). Примерно век спустя, ссылаясь на миф о Цирцее, мысль Боэция повторяет Исидор Севильский в небольшой главе «Этимологий» о трансформациях (XI, 4): “With regard to many types of crimes, the appearance of the miscreants is changed and they wholly metamorphose into wild animals” (Isidore of Seville, 2006: 246). Традицию продолжает Арнульф Орлеанский, соотнося определенное животное с конкретным грехом: “...the wrathful becoming lions; the unclean becoming swine; the envious becoming stags” (цит. по: (Barkan, 1986: 127)). Берхорий предлагает специфически христианскую интерпретацию этого сюжета: “Say that Circe is the devil whose potion is the prosperity of the world or the drunkenness of pleasure, or the pleasure of evil desires. Those who drink of these things become pigs” (Bersuire, 2023: 681).

Стоит отметить, что в соответствии с экзегетическим принципом, известным со времен Августина (Copeland, Struck, 2010: 4-5), извлекаемый из текста смысл может быть историческим (в духе эвгемеризма), моральным (отсылающим к стереотипам повседневности), аллегорическим (относящимся к богословию) и анагогическим (эсхатологическим). В последнем случае у Берхория имела место аллегорическая трактовка, воспроизводящая события Священной истории и касающаяся внутренней жизни христианской души, искушаемой дьяволом. Речь здесь идет не просто об утрате внешнего облика вследствие совершения человеком аморальных действий – само спасение человека, извратившего душу до звериного состояния, может быть поставлено под угрозу. Христианских авторов (о чем заявлял еще Арнульф) интересуют не только внешние, но и внутренние трансформации. Типичный пример – миф о похищении Ио. Ревнивая Юнона поместила прекрасную девушку Ио, превращенную в корову, в сад, охраняемый многоглазым великаном Аргусом. Только хитроумному Меркурию удалось усыпить бдительность стража и вернуть пленницу, которой был возвращен женский облик (см. рис. 1). Л. Баркан утверждает, что Арнульф видел в этой истории драму падения и искупления человеческой души (Barkan, 1986: 129). Берхорий пишет, что под Аргусом следует понимать дьявола, который держит душу в плену греха, а под Меркурием – Иисуса Христа, спасающего ее и возвращающего на путь добродетельной жизни; он комментирует обратную трансформацию Ио следующим образом: “...at length he transformed her from a cow into a woman, that is, from a sinner to a just woman” (Bersuire, 2023: 157). Каллисто – еще одна девушка, пострадавшая от мести Юноны, – была превращена в медведицу. Берхорий пишет, что так происходит всякий раз, когда человек вступает в порочную связь с дьяволом (там же: 193).

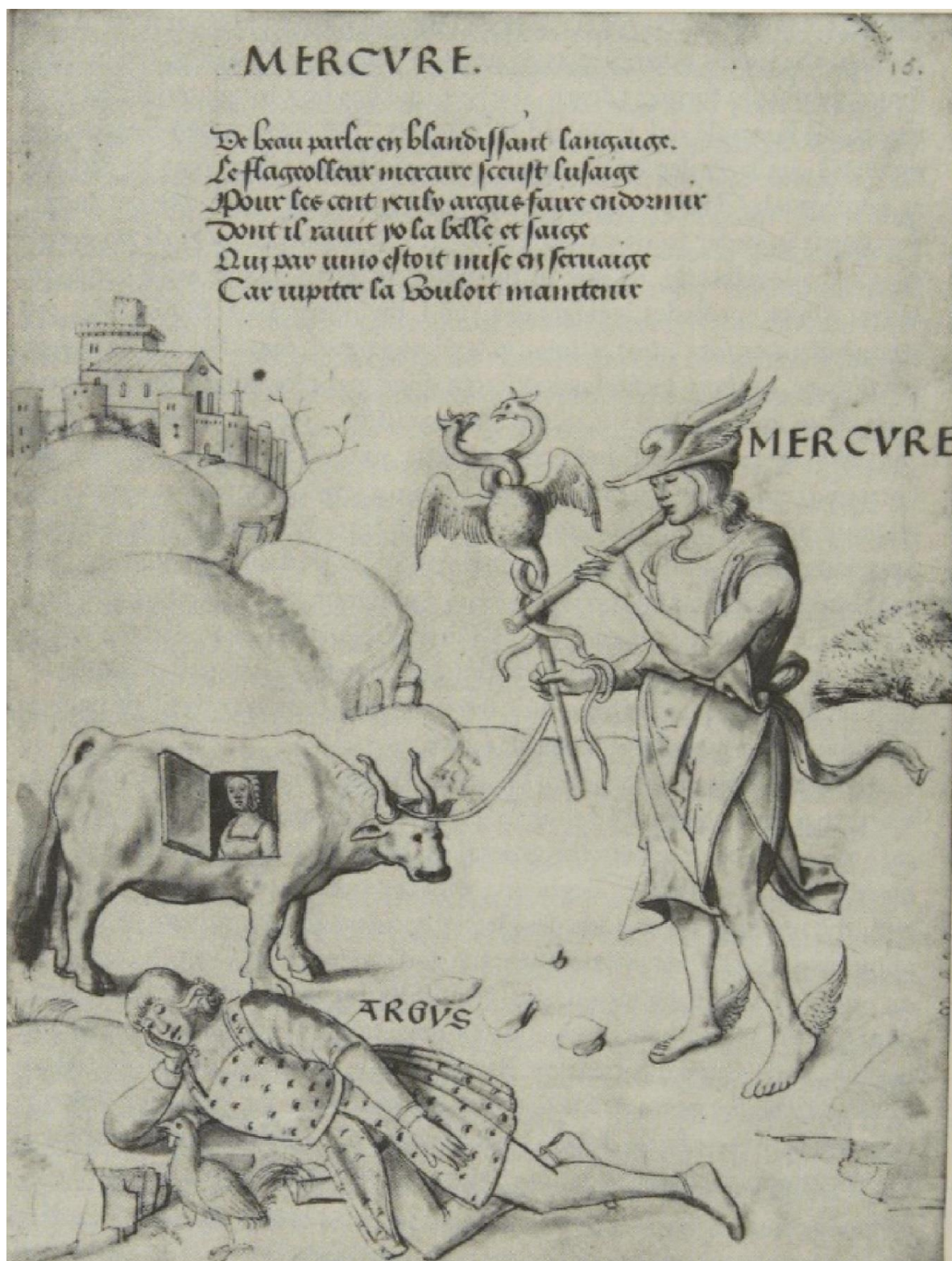


Рис. 1. Похищение Ио у Аргуса. Миниатюра в издании поэмы «Ovide moralisé» (1 пол. XIV в.). Paris, Bibliothèque de l'Arsenal, ms. fr. 5066, fol. 15r.²

Fig. 1. The abduction of Io from Argus. Miniature in the edition of the poem "Ovide moralisé" (1st half of the 14th century). Paris, Bibliothèque de l'Arsenal, ms. fr. 5066, fol. 15r.²

² Скриншот из книги Chance, Jane (1945), *Medieval mythography*, p. 154: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive, URL: <https://archive.org/details/medievalmythogra0000chan/mode/2up?view=theater>

Элемент бестиализации присутствует в мифе о Гиппомене и Аталанте. Непревзойденная в беге, девушка согласилась отдать руку и сердце лишь тому, кто победит ее в честном состязании. Гиппомен был не так хорош, но ему удалось прийти первым благодаря яблокам Гесперид, которые он бросал под ноги своей сопернице, а также благодаря тем амбивалентным чувствам, которые он в ней вызвал (Овидий мастерски передает, как она хотела одновременно и победить, и сдаться). Позже влюбленные были превращены во львов за неподобающее поведение в святилище Кибелы. Автор поэмы «Морализованный Овидий» аллегорически трактует фигуры Гиппомена и Аталанты как грешников, отвергших Христа (McKinley, 1996: 135). Берхорий добавляет, что золотые яблоки Гесперид – это те блага мира (а именно: чувственные удовольствия, богатства и почести), которыми дьявол совращает человека с праведного пути (Bersuire, 2023: 603).

В моральных интерпретациях бестиарных сюжетов превращение героя в животное связывается с тем или иным нравственным проступком, а внешняя форма раскрывает внутреннее содержание. Так, жестокий царь Аркадии Ликаон был превращен в волка за то, что хотел убить гостившего у него Юпитера. Иоанн де Гарландия констатирует в поэме «Покровы Овидия»: “If Lycaon is a wolf, he is a wolf by reason of his wolvisch ferocity. For you can be a wolf by having the qualities of a wolf” (цит. по: (Barkan, 1986: 310)). В трактате «Морализованный Овидий» Ликаон символизирует жестоких правителей и сильных мира сего, которые притесняют своих поданных. Они подобны волкам, поскольку имеют волчий разум (Bersuire, 2023: 133). Другой пример моральной интерпретации – миф об Окиронее. Когда ее отец Хирон принес в дом младенца Асклепия, девушка, обладавшая даром пророчества, принялась предсказывать его судьбу. За свою болтливость она была превращена разгневанными богами в кобылицу. Берхорий говорит о девушках, которые вначале были целомудренными, помнили о Страшном суде и заботились о спасении души, но потом развратились и сделались строптивыми и капризными, любопытными и напоминающими лошадей своей несдержанной речью (Bersuire, 2023: 215).

Печальная судьба некоторых персонажей служила предостережением против греха гордыни. Д. Брамбл перечисляет в этом ряду фигуры Ниобы, Прометея, Фазтона, Икара, Марсия, Арахны и Пиерид (Bramble, 1998: 210). Последние два мифа связаны с метаморфозой человека в иных живых существ. Арахна соревновалась с Палладой в искусстве ткачества, за что была превращена в паучиху. Дочери Пиера, в свою очередь, осмелились вызвать муз на состязание в красноречии. Когда их поражение стало явным, они перевоплотились в сорок. Берхорий ожидаемо утверждает, что Пиериды подобны излишне болтливым людям, которые не стесняются вести спор с более мудрыми; они не перестают спорить даже тогда, когда их невежество становится всем очевидным, поэтому походят на сорок (Bersuire, 2023: 337). Бестиарный элемент присутствует и в мифе о споре Марсия и Аполлона. Незадачливый сатир, мастерски владевший флейтой, вздумал соревноваться с великим кифаредом в искусстве музицировать. Умение Марсия пришлось по душе царю Мидасу, за что олимпийский бог «наградил» его ослиными ушами. Совет Берхория следующий: “Apply these things against those uncouth and bestial men who approve more of the song of a villein like Pan than of a citizen of heaven like Apollo” (Bersuire, 2023: 611).

Справедливости ради стоит отметить, что образ животного не всегда воспринимался в негативном ключе. Например, Коронида, которой Паллада помогла избежать насилия со стороны Нептуна, обратив ее в ворону, символизирует монаха, сумевшего избежать искушений дьявола, буквально облачившись в черные одежды (Bersuire, 2023: 205). Однако в подавляющем большинстве случаев приобретение героем звериных черт объяснялось именно его склонностью ко злу.

Рассмотренный материал позволяет прийти к выводу о том, что средневековые комментаторы «Метаморфоз» Овидия оценивали мотив превращения человека в животное с нравственной и духовной точек зрения. С одной стороны, бестиарные сюжеты служили

иллюстрацией аморального поведения, отражавшегося на внешнем облике персонажа. С другой стороны, христианских мифографов интересовала и внутренняя деградация человеческой души до звериного состояния, утрата человечности как таковой, приводящая к вечному осуждению. На такое восприятие оказало влияние богословское представление о человеке как образе Божьем. Сочинения мифографов являются важным источником для изучения средневековой рецепции античных мифов, в том числе связанных с бестиарной образностью. Исследование мифографической традиции должно быть продолжено.

Литература References

Боэций (2020), *Утешение философией*, пер. Уколовой, В. И., Цейтлина, М., вступит. ст. Маркова, А. В., примеч. Уколовой, В. И., РИПОЛ классик, Москва.

Boethius (2020), *Utesheniye filosofiey* [The Consolation of Philosophy], Transl. from Latin by Ukolova, V. I. and Ceytlin, M., intr. art. by Markov, A. V., notes by Ukolova, V. I., RIPOL-classic, Moscow, Russia (in Russ.).

Дубовая, Е. В. (2016), *В кругу бестиарных образов*, ФЛИНТА, Москва.

Dubovaya, E. V. (2016), *V krugu bestiarnykh obrazov* [In the Circle of Bestial Images], FLINTA, Moscow, Russia (in Russ.).

Зеленин, Д. А. (2015), «Риторические стратегии совмещения человеческого и звериного в эмблематике», *Бестиарный код культуры: Сб. статей*, под ред. Довгий, О. Л., Intrada, Москва, 40-48.

Zelenin, D. A. (2015), "The rhetorical Techniques of combining human and animal in Emblematics", in: Dovgy, O. L. (ed.), *Bestiarnyy kod kul'tury: Sbornik statey* [Bestiary and Cultural Code: Collection of articles], Intrada, Moscow, Russia, 40-48 (in Russ.).

Казакова, Е. В. (2015), «Анималистические персонажи Средневековья во французском литературном сознании XX века (бестиарии и "Роман о Лисе" Мориса Женевоу)», *Бестиарный код культуры: Сб. статей*, под ред. Довгий, О. Л., Intrada, Москва, 94-100.

Kazakova, E. V. (2015), "Animalistic Characters in Medieval French Literary Minds of the twentieth Century (the Bestiaries and 'Roman de Renart' by Maurice Génèveux)", in: Dovgy, O. L. (ed.), *Bestiarnyy kod kul'tury: Sbornik statey* [Bestiary and Cultural Code: Collection of articles], Intrada, Moscow, Russia, 94-100 (in Russ.).

Кислин, К. Б. (2022), «Средневековая рецепция античной мифологии: опыт систематизации», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 8 (4), 35-47, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-4-0-4

Kislin, K. B. (2022), "The Medieval Reception of Ancient Mythology: the Experience of Systematization", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (4), 35-47 (in Russ.), DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-4-0-4

Лозинская, Е. В. (2023), «Животные в литературе: формы присутствия и функции», *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение*, 3, 27-45, DOI: 10.31249/lit/2023.03.02

Lozinskaya, E. V. (2023), "Animals in Literature: Forms of Presence and Functions", *Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, 3, 27-45 (in Russ.), DOI: 10.31249/lit/2023.03.02

Надъярных, М. Ф. (2015), «Мифология метаморфизма, или Следы химеры в современных вымыслах», *Бестиарный код культуры: Сб. статей*, под ред. Довгий, О. Л., Intrada, Москва, 78-93.

Nadyarnykh, M. F. (2015), "Mythology of Terratomorf, or Traces of chimeras in modern fiction", in: Dovgy, O. L. (ed.), *Bestiarnyy kod kul'tury: Sbornik statey* [Bestiary and Cultural Code: Collection of articles], Intrada, Moscow, Russia, 78-93 (in Russ.).

Субботина, О. В. (2015), «Визуализация греха в европейских первопечатных книгах: истоки и развитие бестиарных образов гордыни», *Бестиарный код культуры: Сб. статей*, под ред. Довгий, О. Л., Intrada, Москва, 30-39.

Subbotina, O. V. (2015), "Visualization of the Sin in Engravings of the European Incunabula: sources and development of animal images of the Pride", in: Dovgy, O. L. (ed.), *Bestiarnyy kod kul'tury: Sbornik statey* [Bestiary and Cultural Code: Collection of articles], Intrada, Moscow, Russia, 30-39 (in Russ.).

- Barkan, L. (1986), *The Gods Made Flesh: Metamorphosis and the Pursuit of Paganism*, Yale University Press, New Haven and London, USA.
- Bersuire, P. (2023), *The Moralized Ovid*, Transl. by Coulson, F. T. and Haynes, J., in Coulson, F. T. and Haynes, J. (ed.), Harvard University Press, Cambridge, USA.
- Brumble, H. D. (1998), *Classical Myths and Legends in the Middle Ages and Renaissance: A Dictionary of Allegorical Meanings*, Greenwood Press, Westport, USA.
- Chance, J. (1990), "Introduction", in Chance, J. (ed.), *The Mythographic Art: Classical Fables and the Rise of the Vernacular in Early France and England*, University of Florida Press, Gainesville, USA, 3-44.
- Copeland, R. and Struck, P. T. (2010), "Introduction", in Copeland, R. and Struck, P. T. (ed.), *The Cambridge Companion to Allegory*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 1-11.
- Coulson, F. T. (2007), "Ovid's Transformation in Medieval France (ca. 1100-ca. 1350)", in Keith, A. and Rupp, S. (eds), *Metamorphosis: The Changing Face of Ovid in Medieval and Early Modern Europe*, Centre for Reformation and Renaissance Studies, Toronto, Canada, 33-60.
- Coulson, F. T. (ed.) (2015), *The Vulgate Commentary on Ovid's Metamorphoses. Book I*, Medieval Institute Publications, Kalamazoo, USA.
- Dimmick, J. (2003), "Ovid in the Middle Ages: Authority and Poetry", in Hardie, P. (ed.), *The Cambridge Companion to Ovid*, Cambridge University Press, New York, USA, 264-287.
- Fumo, J. C. (2014), "Commentary and Collaboration in the Medieval Allegorical Tradition", in Miller, J. F. and Newlands, C. E. (eds), *A Handbook to the Reception to Ovid*, Wiley-Blackwell, Oxford, UK, 114-128.
- Gillespie, V. (2005), "From the Twelfth Century to c. 1450", in Minnis, A. and Jonson, I. (eds), *The Cambridge History of Literary Criticism, Vol. 2, The Middle Ages*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 145-238.
- Giovanni di Garlandia [John of Garland] (1933), *Integumenta Ovidii* [Ovid's Integuments], by. Ghisalberti, F. (ed.), Casa Editrice Guiseppe Principato, Messina, Milano, Italy.
- Ghisalberti, F. (1932), "Arnolfo d'Orléans: Un cultore di Ovidio nel secolo XII", *Memorie del Reale istituto Lombardo di scienze e lettere. Classe di lettere, scienze morali e storiche*, 24 (4), 157-234 (in It.).
- Ghisalberti, F. (1933), "Giovanni del Virgilio: Espositore delle Metamorfosi", *Giornale dantesco*, 34 (4), 3-110 (in It.).
- Isidore of Seville (2006), *The Etymologies*, Transl. by Barney, S. A., Lewis, W. J., Beach, J. A. and Berghof, O., in Barney, S. A., Lewis, W. J., Beach, J. A., Berghof, O. (eds), Cambridge University Press, Cambridge, USA.
- Knox, P. E. (2009), "Commenting on Ovid", in Knox, P. E. (ed.), *A Companion to Ovid*, Wiley-Blackwell, Malden, USA, 327-340.
- McKinley, K. L. (1996), "The Medieval Commentary Tradition 1100-1500 on Metamorphoses 10", *Viator*, 27, 117-149, DOI: 10.1484/J.VIATOR.2.301124
- Ortiz Robles, M. (2016), *Literature and Animal Studies*, Routledge, Abingdon and New York, UK and USA.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Кислин Константин Борисович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук, институт экономики и управления, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Петербургское шоссе, д. 2, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, 196601, Россия; kislin_k_rel@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Konstantin B. Kislin, PhD in Philosophy, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Institute of Economics and Management, Saint Petersburg State Agrarian University, 2 Peterburgskoe Rd., Saint Petersburg, Pushkin, 196601, Russia; kislin_k_rel@mail.ru

УДК 82'282

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-5

Окладникова Е. А.

**Китоврас на границе культурных миров: литературные
и мифопоэтические интерпретации образа¹**

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
наб. р. Мойки, д. 48, г. Санкт Петербург, 191186, Российская Федерация;
okladnikova-ea@yandex.ru

Аннотация. В современной социально-культурной обстановке возрастает актуальность междисциплинарных исследований в области истории, филологии и литературоведения в силу необходимости общими научными усилиями создавать целостное понимание взаимодействий разных типов культур, постоянно находящихся в условиях торговых и политических коммуникаций. Одним из проблемных аспектов этого исследования является механизм интертекстуальности, который работает по-разному в социально-политической (русской, письменной) и природной (мифопоэтической, традиционной культуры аборигенного населения Русской Арктики) сферах бытия. Работа этого механизма была изучена методами сравнительного историко-культурного и литературно-интерпретационного анализов на примере одного из наиболее символически нагруженных артефактов – зеркаловидной бронзовой медали (далее – ЗБМ) XVII в., случайно обнаруженной на о. Фаддей Северный в море Лаптевых осенью 1940 г. топографами Восточно-Таймырской гидрографической экспедиции². Предметом исследования стало явление интертекстуальности, реализуемое аборигенными мастерами в Сибири и Русской Арктике как метаморфозы образа Китовраса на базе русских инвариантов ЗБМ. Целью исследования было проследить иконографические метаморфозы, которые разрушали образ Китовраса как библейского царя-мудреца и учителя, превращая его в духа-помощника шаманов, чтобы выяснить, как и зачем форматы эстетических канонов русского культурного мира адаптировались/переосмыслились аборигенным населением этих регионов Евразии. Новизна проведенного исследования определяется тем, что впервые на примере анализа литературной, мифопоэтической и иконографической многоаспектности образа Китовраса, запечатленного на оборотной стороне ЗБМ, осуществлена попытка изучения разных форм осмысления социального (русская традиция) и природного (шаманская традиция коренного населения Русской Арктики) бытия людьми разных культурных миров эпохи позднего Средневековья. Метаморфозы образа Китовраса в культуре коренного населения Сибири и Русской Арктики, с одной стороны, высвечивают формы латентного протеста против вторжения непонятного и чуждого христианского культурного мира, неприятия аборигенным населением его духовных и

¹ Исследование выполнено в рамках внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена (проект № 61-ВГ).
The study was carried out within the framework of an internal grant from the Herzen State Pedagogical Univ. of Russia (project No. 61-VG).

² На территории России было обнаружено более 40 аналогичных предметов, декор оборотной стороны которых был представлен иконографически разными образами: от Китовраса, запечатленного на фоне звезд, с крыльями и инсигниями царской власти, до одного из духов шаманского пантеона аборигенного населения северо-востока Русской Арктики и Сибири.

символических ценностей. С другой стороны, исследование констатировало адаптацию достижений материальной культуры русских, привносимой в их жизнь по мостам торговых контактов, а именно: ценностей «желтого» металла (медь, бронза), формальных особенностей этого типа артефактов (круглая форма ассоциировалась с соляной символикой в аборигенных мифопоэтических воззрениях).

Ключевые слова: зеркаловидные бронзовые медали (бронзовые зеркала); Китоврас; апокрифы; «Таймырская находка»; «фаддеевская коллекция» Российского государственного Музея Арктики и Антарктики; Русское Заполярье; русские торговые коммуникации XVII в.; народные традиции Русской Арктики и Сибири

Для цитирования: Окладникова, Е. А. (2025), «Китоврас на границе культурных миров: литературные и мифопоэтические интерпретации образа», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (3), 53-69, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-5

E. A. Okladnikova

**Kitovras on the border of cultural worlds:
literary and mythopoetic interpretations of the image¹**

Herzen University,
48 Moyka Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation;
okladnikova-ea@yandex.ru

Abstract. In the modern socio-cultural environment, the relevance of interdisciplinary research in the field of history, philology and literary criticism is increasing due to the need for joint scientific efforts to create a holistic understanding of the interactions of different types of cultures, constantly in the conditions of trade and political communications. One of the problematic aspects of this study is the mechanism of intertextuality, which works differently in the socio-political (Russian, written) and natural (mythopoetic, traditional culture of the aboriginal population of the Russian Arctic) spheres of existence. The work of this mechanism was studied by the methods of comparative historical-cultural and literary-interpretative analysis using the example of one of the most symbolically loaded artifacts – a mirror-shaped bronze medal (hereinafter referred to as MBM) of the 17th century, accidentally discovered on the island of Faddey Severny in the Laptev Sea in the fall of 1940 by topographers of the East Taimyr Hydrographic Expedition. The subject of the study was the phenomenon of intertextuality implemented by aboriginal masters in Siberia and the Russian Arctic as metamorphoses of the image of Kitovras based on Russian invariants of the MBM. The purpose of the study was to trace the iconographic metamorphoses that destroyed the image of Kitovras as a biblical king-sage and teacher, turning him into a spirit-helper of shamans, in order to find out how and why the formats of the aesthetic canons of the Russian cultural world were adapted / rethought by the aboriginal population of these regions of Eurasia. The novelty of the study is determined by the fact that for the first time, using the example of the analysis of the literary, mythopoetic and iconographic multi-aspect nature of the image of Kitovras imprinted on the reverse side of the MBM, an attempt was made to study different

forms of understanding the social (Russian tradition) and natural (shamanic tradition of the indigenous population of the Russian Arctic) existence by people of different cultural worlds of the late Middle Ages. Metamorphoses of the image of Kitovras in the culture of the indigenous population of Siberia and the Russian Arctic, on the one hand, highlighted forms of latent protest against the invasion of an incomprehensible and alien Christian cultural world, the rejection by the indigenous population of its spiritual and symbolic values. On the other hand, the study noted the adaptation of the achievements of the material side of Russian culture, brought into their lives through the bridges of trade contacts, namely: the values of the “yellow” metal (copper, bronze), the formal features of this type of artifacts (the round shape was associated with solar symbolism in the indigenous mythopoetic views).

Keywords: mirror-like bronze medals (bronze mirrors); Kitovras; apocrypha; “Taimyr find”; “Faddeev collection” of the Russian State Museum of the Arctic and Antarctic; Russian Arctic; Russian trade communications of the 17th century; folk traditions of the north-east of the Russian Arctic and Siberia

For citation: Okladnikova, E. A. (2025), “Kitovras on the border of cultural worlds: literary and mythopoetic interpretations of the image”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (3), 53-69, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-5

Осенью 1940 г. на о. Фаддей Северный в море Лаптевых работала комплексная зимовочная Восточно-Таймырская экспедиция Гидрографического управления Главсевморпути. В сентябре того года члены ее топографического отряда случайно обнаружили на каменистом берегу острова уникальный памятник русской культуры XVII в. Это были вещи (как потом выяснилось, более 4000 предметов, ныне составивших так называемую фаддеевскую коллекцию, большая часть которой сейчас хранится в Музее Арктики и Антарктики (Санкт-Петербург)), которые принадлежали русским первопроходцам, потерпевшим кораблекрушение. Артефакты мореходы разложили на камнях для просушки, но так и не вернулись за ними 400 лет назад. Среди артефактов, найденных на о. Фаддей Северный, оказалась зеркаловидная бронзовая медаль (далее – ЗБМ) с изображением Китовраса. Имя Китоврас соотносится с греческим прототипом наименования кентавра (κένταυρος). Позднее в толкованиях Торы – мидрашах оно превратилось в qitor (Алексеев, 1987: 11-20). Попад на Русь, это имя трансформировалось в «Китоврас» (Гафни, 2003). С легкой руки первого регистратора «фаддеевской коллекции» Б.О. Долгих за ЗБМ с о. Фаддей Северный закрепилось название «бронзовое зеркало».

Иконографические типы Китовраса

Сегодня на территории России (от междуречья Днепра и Дона на западе, а на севере до Чукотки) найдены аналогичные обнаруженной на о. Фаддей Северный ЗБМ, оборотная сторона которых украшена фигурами Китоврасов, исполненных в трех основных иконографических манерах: 1) безоружный; 2) вооруженный (палицей, кистенем, мечом, луком и стрелами, щитом); 3) царственный (крылатый кентавр с инсигниями царской власти) (Вертман, 2015: 94-112; Окладников, 1950: 139-172; Окладникова, 2025; Уваров, 1908). По местам торговых коммуникаций русских с аборигенным населением Русской Арктики ЗБМ, изготовленные русскими мастерами (Перетц, 1933: 1-55), оказались в составе шаманской и женской атрибутики ненцев, эвенов, юкагиров, бурят и др. Наибольшие скопления находок ЗБМ с изображениями Китоврасов располагаются в районе Мангазеи, а также в устьях Иртыша и Оби (район Салехарда) (Уваров, 1908). ЗБМ Сибири и Северной Азии различаются:

1) величиной (чем крупнее артефакт, тем лучше качество его исполнения); 2) временем создания (от XV до начала XIX в.); 3) различной функцией (от гадательных атрибутов до личных воинских атрибутов у русских воинов и украшений женских нагрудников у эвенков и юкагиров).

Образ Китовраса на «фаддевской» ЗБМ изучался с позиций: 1) семиотического подхода М.С. Гладкой (Гладкая, 2015: 245-255) и С.С. Аванесова (Аванесов, 2023: 208-264); 2) историко-генетического – А.П. Окладниковым (Окладников, 1951: 160), А. Тощевым (Тощев, 2020) и В.И. Семеновой (Семенова, 2012: 134-136); 3) литературно-интерпретационного анализа образа Г.К. Вагнером (Вагнер, 1969: 46-56; Вагнер, 1966: 75-79), А.И. Бобровой (Боброва, 1997: 423-449), И.Д. Соловьевой (Соловьева, 1998: 268-279). При этом вскрыть общие индоевропейские корни Китовраса как синкретического образа русской мифологии смогли А.Н. Веселовский (Веселовский, 1872: 5-6) и А.С. Уваров (Уваров, 1908: 188). В каких текстах описывались в русской письменной традиции символические особенности образа Китовраса?

Китоврас в русской письменной традиции

Первой и наиболее древней группой визуальных текстов с позиций семиотического анализа являются скульптурный декор русской храмовой архитектуры домонгольского периода (Дмитриевский собор во Владимире и Георгиевский собор в Юрьеве-Польском), а также церковные паникадила (Новгород, Псков). В романе «Собор парижской Богоматери» В. Гюго писал, что готический собор был не только Библией в камне, но и народной книгой, понятной всем. Фасады православных храмов домонгольского периода, а также врата Софии Новгородской не были исключением. Так, одна из декоративных пластин в декоре Васильевских врат Софии Новгородской была визуализацией литературной новеллы о Соломоне и Китоврасе. В нижней части Магдебургских ворот этого храма изображен кентавр, стреляющий из лука, воплощающий идею двойственности человеческой природы.

В другую группу вошли письменные памятники: апокрифы, Палеи, отреченные книги и произведения книжников XV–XVI вв., в частности, «Сборники» Ефросина. У авторов апокрифов, «Сборников», «Толковой Палеи» и «Хронографической Палеи» были разные цели. Например, апокрифы создавали литературный контент, раскрывающий суть художественных образов средневекового русского бестиария, включая Китовраса (Белова, 2001). Тексты апокрифов пробуждали у читателей интерес к извлечению исторических, нравственно-поучительных и магики-религиозных смыслов из сказаний об этом мифологическом герое. Образ крылатого Китовраса с инсигниями царской власти в народной среде мог реализовывать идею противодействия давящей системе власти правящей элиты как неинституциональный регулятив. Палеи удовлетворяли дискуссионный дух в области средневековой теологии. Созданные «по собственному почину» «Сборники» книгописца Ефросина удовлетворяли тягу его современников к самопознанию и саморазвитию.

В системе русской средневековой литературы «Сборник» Ефросина³, в котором содержится рассказ о Китоврасе и Соломоне, занимал промежуточное положение между литературой и письменностью (книжностью). Эта рукопись состоит из трех «тетрадей» («Сборников “А”, “Б” и “В”»). Созданные либо самим Ефросином в поздний период его творчества, либо книжниками его окружения, «Сборники» представляют сочинения светского, апокрифического и беллетристического содержания. Рукопись включала пересказы нескольких произведений: 1) сказания о Соломоне и Китоврасе, связанных с ним «Судов Соломона» как памятников нравоучительной литературы; 2) «Александрии» (Александрия,

³ «Сборник» – это не конкретный рукописный кодекс, а условное обозначение для группировки текстов апокрифов и легендарных сведений, который использовался Ефросином Белозерским и использовался в Спасо-Преображенском монастыре, основанном на Белом озере Ефросином.

1965) (средневековый роман об Александре Македонском, памятник познеэллинистической литературы, известный впоследствии как роман, появившийся на Руси в XV в.); 3) историко-политические повести о «Дракуле». С этим текстом были связаны «Повесть о царице Динаре», «Сказание о Вавилонском царстве» (и заложенная в нем идея перехода мистического царствования на Русь), а также «Повесть о Добрыне», содержащая обличение прозападной политики новгородского боярства. В XV в. все эти произведения служили цели оформления идеи московской государственности. Средневековые авторы создавали текстовые компиляции, объединявшие отдельные произведения. При этом между структурными единицами повествования не существует причинно-следственных связей. Сведения о Китоврасе в «Сборнике» Ефросина восходят к апокрифической версии «Сказания о Соломоне и Китоврасе». Известный российский исследователь древнерусской литературы А.Г. Бобров, специалист по апокрифам, ветхозаветной литературе и символике, писал, что в «Сборник» входят повесть о Китоврасе с апокрифическими деталями борьбы добра и зла, представленными образами Соломона и Китовраса (Бобров, 2017: 425). Источником описания Китовраса и его отношений с Соломоном послужили полная «Хронографическая Палея» и более краткая «Толковая Палея» (Толковая Палея, 1876; 1901). Полный текст новеллы о Соломоне и Китоврасе сохранился в рукописи: РНБ, Кир.-Белоз., № 11/1088, сборник книгописца Ефросина (Суды Соломона, 1999). Эта новелла, так же как другие («Беседы трех святителей», «Откровения Ездры», «О часах добрых и злых», выписки из «Громника» и «Колядника» и др.), были включены в индексы «ложных», «отреченных» книг (Словарь книжников и книжности, 1987). Современное состояние истории редактирования палейных версий и апокрифов Соломонова цикла, как и некоторые подробности легенд о Китоврасе рассказаны в недавнем исследовании (Камчатнов, Мильков 2019).

В русской скульптурной и письменной традициях Китоврас предстает в трех символически окрашенных ипостасях: 1) *безоружный* (восходит к мудрым учителям героев античной мифологии); 2) *вооруженный* (как защитник райского сада, борец со злом); 3) *царственный* (крылатый брат Соломона, повелевающий миром животных и растений) (рис. 1).



«Бронзовое зеркало»

Размеры: D = 11 см.

Место находки: о. Фаддей Северный, море Лаптевых.

Аверс артефакта: полированная гладкая поверхность.

Реверс артефакта: изображение крылатого кентавра с инсигниями царской власти.

Дата изготовления артефакта: ориентировочно XVI–XVII вв.

Источник информации: Окладников, А. П. (1950) «Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея», *Советская археология*, 13, рис. 1, с. 160.

Рис. 1. «Бронзовое зеркало», о. Фаддей Северный, море Лаптевых
 Fig. 1. "The Bronze mirror", island of Faddey Severny, Laptev Sea

Смыслы трех иконографических форматов противоречат один другому, но соответствуют истине, которая не одномерна, по мнению средневековых авторов (Водолазкин, 2006: 907-908; Водолазкин, 2008) (табл. 1).

Таблица 1

Образ Китовраса, запечатленный тремя письменными источниками (XI–XV вв.)

Table 1

The image of Kitovras, captured in three written sources (11th-15th centuries)

№	Источник	Статус Китовраса	Описание деятельности
1	«Толковая Палея» – комментированный свод библейских текстов, дополненных апокрифами, нравственными толкованиями и мифами, создан в Византии (XII в.), получил широкое распространение на Руси в XIV в., известен в 15 экземплярах ⁴ (Толковая Палея, 1876).	Зверолов	Мудрость свою (способность творить суды, включая суд о ребенке, знание языка людей, зверей, птиц, демонов), а также обладание кольцом с Божественным именем, позволявшим ему покорять демонов, Соломон получил от Бога по молитве. Эти дары позволили ему построить храм – прообраз Церкви и тела Христа. К реализации этого проекта он привлек Китовраса – мудрого зверолова. Задачей Китовраса было поймать морское чудовище – Левиафана с помощью молитвы и кольца Соломона. Из жира морского чудовища изготавливается светильник для Храма, из костей – украшения, из кожи – щиты, а мясо становится едой для народа на 12 дней. Выполнив задание Соломона, Китоврас умирает от яда Левиафана (Словарь книжников и книжности, 1987).
2	Московский список «Палеи Толковой»	Главный из духов/демонов, которые помогают Соломону строить храм	Демоны носили «живые камни», которые перемещались в пространстве без помощи людей, неотесанные сосновые доски и кедровые бруссы, строили Святая Святых без шума и стука железных инструментов. Китоврас принес камень, что лежал у ворот, который помог завершить строительство, а также предсказал разрушение первого храма, возведение второго храма, пришествие Мессии (Толковая Палея, 1901).
3	Ефросин «Сборник»	Китоврас – сын царя Давида, брат Соломона, ночью повелевает растениями и животными, говорит с ними на их языке; днем	Китоврас живет уединенно в далекой пустыне около трех колодцев. Хитростью (т. е. с помощью заполнения колодцев вином, испив которое Китоврас заснул и был закован железной цепью с закланием именем Божьим) он был приведен боярином к Соломону. Царь попросил Китовраса найти инструмент («коготь шамир» птицы коката), с помощью которого можно было обрабатывать камень, как завещал Господь, без шума, который издавали железные

⁴ «Сия повесть – не ради удивления, но ради толкования духовного» (Толковая Палея, 1876).

		повелевает людьми.	инструменты. По завершении строительства Святая Святых Соломон усомнился в силе Китовраса. Тогда тот попросил у Соломона перстень, подаренный Богом. Проглотив перстень, Китоврас простер крыло и забросил Соломона на край земли обетованной, где его с трудом отыскивали книжники (Суды Соломона, 1999).
--	--	--------------------	--

Установлено, что прагматическая функция ЗБМ в русской среде XV–XVII вв. и в обществах аборигенного населения Сибири и Северной Азии (XVII–XIX вв.) была различной. Историки с позиций метафизического подхода, описанного в литературе (апокрифы, отреченные книги, сказания, легенды), полагали, что ЗБМ с изображениями Китовраса в среде русского населения могли использоваться как: 1) инструменты гадательной магии (зеркала с астральным декором в древности использовались в «зеркальной магии», т. е. для гаданий и предсказаний; 2) воинские обереги, подобные змеевикам-апотрополям с изображениями головы Медузы-Горгоны. Этнографы полагают, что представителями аборигенного населения Сибири и Северной Азии, с которыми русские вели меновую торговлю, ЗБМ использовались в качестве украшений женского костюма, а также как шаманские атрибуты (т. е. солярные обереги), а изображения Китовраса отождествлялись с образами их верховных божеств.

По форме ЗБМ восходят к китайским бронзовым зеркалам I тыс. до н. э. В результате торговых коммуникаций, как на Руси, так и в Сибири, артефакты такого рода изготавливались сначала русскими (новгородскими, тобольскими), а затем и аборигенными мастерами. При этом манси, ненцы, эвены для работы использовали переплавленные русские металлические изделия (медные котлы, нательные кресты, ювелирные украшения и т. п.) (Вертман, 2015: 94-112). Предметы русской металлопластики не просто подвергались переплавке, но, что важно, пересматривались смыслы, связанные с образом Китовраса.

Метаморфозы образа Китовраса

На ЗБМ, изготовленных русскими мастерами для обмена с местным населением Сибири и Северной Азии, на тыльной стороне в центре изображения Китовраса был бугорок со сквозным отверстием для крепления на шнурке к поясу. Аборигенные мастера сохранили круглую форму артефактов, но внесли изменения: 1) бугорок в центре ЗБМ утратил отверстие для крепления к поясу и был заменен двумя круглыми отверстиями в верхней части для крепления к одежде (например, шаманскому костюму); 2) изменился рисунок окаймляющего декоративного шнура; 3) образ всадника на тыльной стороне ЗБМ становится излюбленным сюжетом, связанным с представлениями о таких верховных конных божествах, как Мир-суонэ-хум у манси, Явмал у ненцев и др. При раскопках одного только могильника на острове Халас-Пугор на Малой Оби недалеко от Салехарда в 1909 г. Д.Т. Янович обнаружил 595 медалей из медных сплавов, среди которых некоторые были с изображениями кентавров и всадников (Яковлев, 1992: 51-69). Медные бляхи с изображением всадника с луком и расположенные справа и слева круглые ажурные металлические бляхи были зафиксированы Е.Д. Прокофьевой на костюме селькупского шамана, жившего на р. Таз (Прокофьева, 1949: 335-375).

С одной стороны, космологическая мифопоэтическая традиция манси сближает Китовраса с божествами среднего мира Мир-сусне-хум у манси и Мир-сэвити-хо у хантов, а также Нуми Торун у ненцев, с другой стороны, с Христом.

Таблица 2

Конные божества в космологии коренных народов Ямала

Table 2

Equestrian deities in the cosmology of the indigenous peoples of Yamal

№	Народ	Наименование божества	Мифопоэтическая традиция
1	Манси	Мир-сусне-хум	Бог «Теплого моря» (реки Обь). Верховный Бог Нум делает его божеством средней земли, местом его пребывания делает верховья Оби, дарит ему крылатого коня и нарекает его Явмалом. Явмал – покровитель живых вешних вод и половодий. Он управляет атмосферными явлениями: теплой погодой и страшной жарой, помогает людям в рыбном промысле и заботится об их благополучии. Основной функцией Явмала является посредничество между небесами и людьми (Арктика – мой дом..., 1999).
2	Ханты	Мир-сэвити-хо, Мир-ванты-хэ (и др.)	Функция раскрывается в системе культовых имен: «За людьми смотрящий», «Человек, объезжающий землю, объезжающий воду», «За миром наблюдающий человек», «Человек многих стран, странник многих стран», «Южный богатырь», «Верховьев Оби человек», «Гусь-богатырь», «Золотой, в образе золотого гуся», «Князь-дух», «Князь-старик», «Господин. Князь. Герой». У хантов был культ небесного всадника, который выполнял посреднические функции между людьми и богами верхнего мира (Фёдорова, 2017: 4). «К числу атрибутов культа Небесного всадника относятся также металлические блюда, бляхи с изображением всадника ... и фигурки всадников Это вещи различного происхождения: изготовленные на месте или завезенные в результате торговых связей. В XVIII–XIX вв. у хантов и манси появилось много таких изделий, изготовленных русскими ремесленниками» (Фёдорова, 2017: 34).
3	Селькупы	Всадник с луком	а шаманском костюме, описанном Е.Д. Прокофьевой, имелась бляха с изображением всадника с луком. Эта бляха была значимым шаманским атрибутом. Слева от центральной бляхи был пришит ажурный солярный диск, справа – лунарный (Прокофьева, 1949: 358).
4	Ненцы	Нуми Торун	Сын прародителя всех богов, человекоподобный, блестящий, как золото, едущий на белом коне, осматривающий землю (Головнёв, 1995: 547).

В космологии кочевых оленеводческих народов – ненцев, селькупов, долган, хантов, манси, нганасан, энцев – мироздание описано как Вселенная, разделенная на верхний, средний и нижний миры, где властвуют божества, образующие определенные иерархии (табл. 2). Верховные божества и божества-посредники между мирами в качестве ездовых животных используют оленей. У ненцев сын родоначальника богов Корс Торума разъезжает на белом коне (Нуми Торун, человекоподобный, блестящий как золото, едущий на белом коне,

осматривающий землю). На оленях с мамонтовыми бивнями передвигается другой сын Корс Торума – Сяхл Торум, развозящий по небу дождевую воду и мечущий молнии. Образ Нуми Торума мог совмещаться с изображениями крылатого Китовраса с инсингиями царской власти и адаптироваться местной мифологической космологической традицией. Так, апокрифический для христианской традиции образ Китовраса приобретал совершенно иную интерпретацию за границей русского культурного мира.

Метаморфозы образа Китовраса прослеживаются на ЗБМ, обнаруженных Й. Аспелиным (Aspelin, 1877) (рис. 2), А.А. Спицыным (Спицын, 1926: 11) (рис. 3), а также археологом Г.И. Гребневой при раскопках Лукьяновского могильника на р. Кеть (рис. 4) (Квашнин, 2009; 102-112; Семенова, 2012: 134-136).



Бронзовая бляха

Размеры: –

Дата: –

Аверс артефакта: полированная гладкая поверхность.

Реверс артефакта: многофигурная композиция, в центре – две мужские фигуры, левая в сапогах, кафтане в петлицами и мечом в правой руке, около головы которой расположен солярный знак; между фигурами – голова быка; внизу лодка с тремя антропоморфными фигурами; по бокам изображение рыбы и оленя.

Место находки: в тексте источника ее местонахождение не указано, есть только подпись «Сибирь». Известно, что она хранится в Государственном историческом музее в Москве.

Источники: Aspelin, J. R. (1877), *Antiquites du Nord Finno-Ougrien*. T. 2, Helsinki, 109; Пошехонова, О. Е. и Семенова, В. И. (2009), «Находки ненецкой священной нарты в бассейне р. Большая Хета на полуострове Таймыр», *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 11, 106.

Рис. 2. ЗБМ. Сибирская коллекция Й. Аспелина

Fig. 2. MBM. The Siberian collection of Y. Aspelin



Бронзовая медаль

Размеры: -

Дата: -

Аверс артефакта: полированная гладкая поверхность.

Реверс артефакта: многофигурная композиция, в центре – две мужские фигуры, рядом с левой фигурой в кафтане с петлицами и мечом в правой руке – антропоморфная голова; справа олень, слева – рыба; над головами фигур птица; внизу – лодка с тремя мужскими фигурами.

Место находки: д. Королёк Устьсысольского уезда Вологодской губернии.

Источники: *Отчет императорской археологической комиссии за 1901 г.* (1903), Санкт-Петербург, 122, Рис. 206; Спицын, А. А. (1926), *Древности севера Вологодской, Архангельской, Северо-Двинской губернии и области Коми*, Тотьма.

Рис. 3. ЗБМ, д. Королёк, Устьсысольский уезд, Вологодская губерния
 Fig. 3. MBM, Korolek village, Ustysolsky district, Vologda province



Бронзовая (или медная, покрытая металлическим сплавом серебристого цвета) бляха

Размеры: D = 13,8 см; Н = 0,3 см.

Аверс артефакта: полированная гладкая поверхность.

Реверс артефакта: изображение многофигурной композиции, в центре – две мужские фигуры, левая в сапогах, кафтане с петлицами и мечом в правой руке; внизу лодка с тремя антропоморфными фигурами; наверху – изображение птицы; по бокам изображение рыбы и оленя

Дата изготовления: первая половина XVII в.

Место находки: Лукьяновский могильник, р. Кеть, курган № 24, правое погребение.

Источник: Боброва, А. И. (1997), «Письмо из Средневековья», *Земля верхнекетская: Сб. науч.-попул. очерков к 60-летию образования Верхнекет. р-на*, Изд-во Томского университета, Томск, 123.

Рис. 4. ЗБМ, Лукьяновский могильник, р. Кеть
 Fig. 4. MBM, Lukyanovsky burial ground, Ket river

Интерпретация Б.А. Рыбакова многофигурной композиции на ЗБМ из Лукьяновского могильника (рис. 4), которую он определил как произведение русских ремесленников, сводится к русальей обрядности (Рыбаков, 1979: 7-34). Человеческие фигуры напоминали ему образцы северорусской деревянной резьбы, а оленя он связывал со старинной северорусской легендой об оленях, которые приносили себя в жертву людям каждый год. Олени перестали добровольно выходить к людям после того, как те стали злоупотреблять их жертвенностью (Семенова, 2012: 135). Варианты этой легенды распространены в Вологодской области и сегодня⁵. Одна из человеческих фигур – изображение мужчины в сапогах, камзоле с петлицами и мечом – может быть реминисценцией образа Китовраса, соседствующим рядом с верховным божеством аборигенного населения. Согласно другому толкованию, обе антропоморфные фигуры вписаны в модель Вселенной, являясь управляющими ее верхним миром (обозначенным птицей), средним (маркированным оленем и рыбой), а также нижним (обозначенным лодкой с людьми, возможно, плывущими в страну предков). Об этом упоминала А.И. Боброва при интерпретации многофигурной композиции обломка ЗБМ из священной шаманской нарты с р. Большая Хета (Боброва, 1997: 118-130) (рис. 5).



Бронзовая бляха

Размеры: -

Дата артефакта: -

Аверс артефакта: полированная гладкая поверхность.

Реверс артефакта: изображение многофигурной композиции, в центре – две мужские фигуры, левая в сапогах, кафтане с петлицами; между мужскими фигурами в центре – голова быка; рядом с левой фигурой – соляренный знак; внизу лодка с тремя антропоморфными фигурами; по бокам изображение рыбы и оленя.

Место находки: р. Большая Хета (спрятанная на берегу местным шаманом в 1930-е годы священная шаманская нарта).

Источник: Пошехонова, О. Е. и Семенова, В. И. (2009), «Находки ненецкой священной нарты в бассейне р. Большая Хета на полуострове Таймыр», *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 11, 108, рис. 10.

Рис. 5. ЗБМ, р. Большая Хета, Таймыр
Fig. 5. MBM, Bolshaya Kheta river, Taimyr

Самая радикальная метаморфоза образа Китовраса представлена на ЗБМ с р. Индигирка (юкагиры). Местный мастер разложил непонятную ему по смыслу фигуру кентавра на набор

⁵ Архив автора, СПб., 2021 г.

геометрических элементов (верхняя часть), сохранив нижнюю (более понятную ему) зооморфную (Окладников, 1950: 172) (рис. 6).

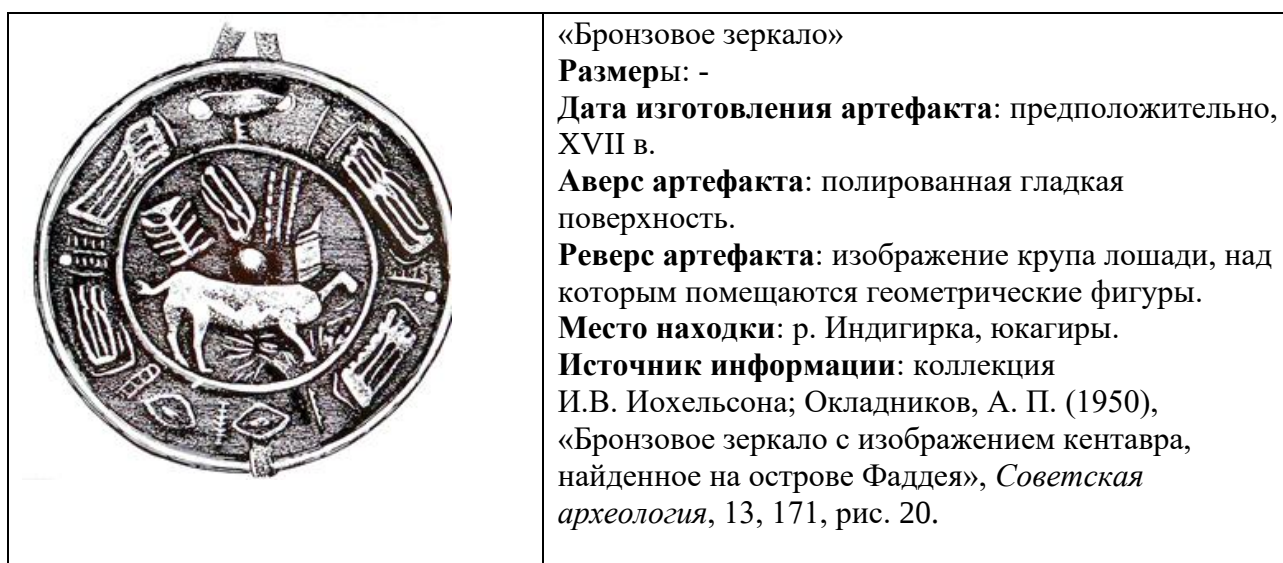


Рис. 6. ЗБМ, коллекция В.И. Иохельсона, р. Индигирка

Fig. 6. MBM, collection of V.I. Iokhelson, Indigirka river

Закключение и выводы

ЗБМ с изображениями Китовраса на оборотной стороне возникли как самостоятельный артефакт в русской культурной традиции (XV–XVII вв.). В эпоху позднего Средневековья и в начале Нового времени в процессе торговых коммуникаций этот тип произведений русских ремесленников, воспроизводящих два основных иконических типа Китовраса (вооруженного и царственного), распространился по территории как России (вплоть до Воронежа), так и Сибири и Русской Арктики.

В среде коренных народов Сибири и Русской Арктики образ Китовраса переосмысливается в контексте их мифопоэтических традиций, а сами ЗБМ становятся символическими маркерами русской (христианской) традиции на границе культурных миров. На этой границе появляются изготовленные местными мастерами круглые металлические медали, декоративный элемент оборотной стороны которых – кентавр – заменяется всадником с луком, антропоморфной фигурой в кафтане со шнурами-петлицами, с мечом в руке или просто набором геометрических фигур.

В результате использования сравнительного историко-культурного и литературно-иконографического анализа удалось проследить эволюцию образа Китовраса в мифопоэтической и эстетической традициях двух культурных миров: русского (христианского) и аборигенного (шаманистического). В русской письменной традиции образ Китовраса полиаспектен: в описывающих его апокрифических текстах он является как: 1) мудрый зверолов, помогающий Соломону строить Святая Святых; 2) главный демон-помощник Соломона; 3) брат Соломона, обладающий властью над силами природы.

На границе культурных миров христианский образ Китовраса сливается с образами шаманской космологии, приобретая синкретические черты. ЗБМ с изображением Китовраса на оборотной стороне на границе культурных миров меняют свою функцию. В русской традиции круглые бронзовые медальоны использовались как воинские обереги, гадательные инструменты, а в среде аборигенного населения Сибири они встречаются в качестве апотропеев в женском и шаманском костюмах. Метаморфозы образа Китовраса в среде местного населения Русской Арктики фиксируют процессы синкретизации, переосмысления

содержания, адаптации к меняющимся условиям жизни людей на границе культурных миров. Несмотря на долгосрочное существование ЗБМ в культурах коренного населения Сибири и Русской Арктики, традиция использования ЗБМ в ритуальных целях в первой половине XX в. прервалась, но продолжила свое существование в русской и советской литературной традициях, например, в стихах поэта Н.А. Клюева (Клюев, 1977).

Литература

Аванесов, С. С. (2023), «Ребро кентавра: образ китовраса в визуальной структуре городского пространства», *Визуальная теология*, 5 (2), 208-264, DOI: 10.34680/vistheo-2023-5-2-208-264, EDN: AZWJPT

Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века (1965), издано по «Сборнику А», Наука, Москва; Ленинград.

Алексеев, А. А. (1987), «Переводы с древнееврейских оригиналов в Древней Руси», *Russian Linguistics*, 11, 11-20.

Арктика – мой дом: Народы Севера Земли: Полярная энциклопедия школьника (1999), Северные просторы, Москва.

Белова, О. В. (2001), *Славянский бестиарий*, Индрик, Москва.

Бобров, А. Г. (2017), «Китоврас Ефросина Белозерского», *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 65, отв. ред. Семячко, С. А, Пушкинский Дом, Санкт-Петербург, 423-449.

Боброва, А. И. (1997), «Письмо из Средневековья», *Земля верхнекетская: Сб. науч.-попул. очерков к 60-летию образования Верхнекетского района*, Изд-во Томского ун-та, Томск, 118-130.

Вагнер, Г. К. (1966), «“Моление Даниила Заточника” – скульптура Георгиевского собора. – “Слово о погибели Рускыя земли”», *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 22: *Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси*, отв. ред. Лихачев, Д. С., Наука, Москва; Ленинград, 46-56.

Вагнер, Г. К. (1969), «Литература, апокрифы и фольклор в творчестве мастеров Всеволода III», *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 24: *Литература и общественная мысль Древней Руси*, Наука, Ленинградское отделение, Ленинград, 75-79.

Вертман, Е. Г. (2015), «Масс-спектрометрический мультиэлементный анализ артефактов древнего бронзолитейного центра и шаманской атрибутики Таймыра», *Теория и практика археологических исследований*, 1, 94-112, DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11).-07, EDN: UHANYZ

Веселовский, А. Н. (1872), *Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине*, Типография В. Демакова, Санкт-Петербург.

Водолазкин, Е. Г. (2006), «Краткая Хронографическая Палей (текст). Выпуск 1», *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 57, отв. ред. Творогов, О. В., Дмитрий Буланин, Санкт-Петербург, 891-915.

Водолазкин, Е. Г. (2008), *Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV вв.)*, Пушкинский дом, Санкт-Петербург.

Гафни, И. (2003), *Евреи Вавилонии в талмудическую эпоху*, Мосты культуры; Гешарим, Москва; Иерусалим.

Гладкая, М. С. (2015), «Кентавры в резьбе Дмитровского собора во Владимире. Осмысление образа», *Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара*. Вып. 5, Ин-т археологии РАН, Москва, 245-255.

Головнёв, А. В. (1995), *Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров*, УрО РАН, Екатеринбург.

Голосовкер, Я. Э. (1993), *Сказание о титанах*, Высшая школа, Москва.

Камчатнов, А. М. и Мильков, В. В. (2019), «Апокрифический цикл о царе Соломоне в составе Палеи Толковой», *Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*. Научный журнал, 1, 200–228, DOI: 10.24411/2618-9674-2019-10016

Квашнин, Ю. Н. (2009), «Особенности развития этнических и социально-экономических процессов в низовьях Енисея в XX – начале XXI в.», *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 10, 102-112.

Клюев, Н. (1977), *Стихотворения и поэмы*, Советский писатель, Ленинград.

- Окладников, А. П. (1950), «Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на о. Фаддея», *Советская археология*, 13, 139-172.
- Окладников, А. П. (1951), «Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса», *Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века*, Изд-во Главсевморпути, Москва; Ленинград, 7-40.
- Окладникова, Е. А. (2025), *Таймырская находка*, Сохраненная культура, Санкт-Петербург.
- Отчет императорской археологической комиссии за 1901 г. (1903), Типография главного управления уделов, Санкт-Петербург.
- Перетц, В. Н. (1933), «О некоторых основаниях для датировки древнерусского литья», *Известия государственной академии истории материальной культуры*. Вып. 73, Изд-во ГАИМК, Ленинград, 1-55.
- Пошехонова, О. Е. и Семенова, В. И. (2009), «Находки ненецкой священной нарты в бассейне р. Большая Хета на полуострове Таймыр», *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 11, 101-110.
- Прокофьева, Е. Д. (1949), «Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана», *Сборник Музея антропологии и этнографии*. Т. 11, Изд-во АН СССР, Москва; Ленинград, 335-375.
- Рукопись 729. Палея с прибавлениями* (1902), полууст., XV века, в четверть, 217 листов. л. 182 об.
- Рыбаков, Б. А. (1979), «Космологическая символика “чудских” шаманских бляшек в русских вышивках», *Финно-угры и славяне: доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии*, Наука, Ленинград, 7-34.
- Семенова, В. И. (2012), «Зеркальные бляхи как явление русской художественной металлопластики», *Вестник Челябинской академии культуры и искусств*, 2, 134-136.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI – первая половина XIV вв.)*. Т. 1 (1987), Наука, Ленинград.
- Соловьева, И. Д. (1989), «Книжник и иконописец Ефрем – современник Ефросина», *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 42, отв. ред. Лихачев, Д. С., Наука, Ленинград, 268-279.
- Спицын, А. А. (1926), *Древности севера Вологодской, Архангельской, Северо-Двинской губернии и области Коми*, Типография Тотемского отдела местного хозяйства, Тотма.
- «Суды Соломона» (1999), *Библиотека литературы Древней Руси*, Т. 3: XI–XII вв., Наука, Санкт-Петербург, 172-191.
- Толковая Палея* (1876), Типография Императорского университета, Казань.
- «Толковая Палея» (1901), *Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею*. Т. 18, Тип. М.А. Александрова, Санкт-Петербург.
- Тощев, А. (2020), «Откуда пришел Китоврас», *Древняя Русь и мифология* [Электронный ресурс], URL: [http //https://example.com/kitovras](http://https://example.com/kitovras) (Дата обращения: 26.07.2025).
- Уваров, А. С. (1908), *Христианская символика. Символика древнехристианского периода*, Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, Москва.
- Фёдорова, Е. Г. (2017), *Лошадь в истории, культуре и мировоззрении обских угров*, Изд-во Том. ун-та, Ханты-Мансийск, Томск.
- Яковлев, Я. А. (1992), «Позднесредневековые бляхи с изображением всадника из Северо-Западной Сибири», *Орнамент народов Западной Сибири*, Изд-во Томского университета, Томск, 51-68.
- Aspelin, J. R. (1877), *Antiquites du Nord Finno-Ougrien*. Т. 2, G.V. Edlund, Helsinki.

References

- Aleksandriya: Roman ob Aleksandre Makedonskom po russkoy rukopisi XV veka* (1965), [Alexandria: A Novel about Alexander the Great based on a 15th-century Russian manuscript], published according to Collection A, Nauka, Moscow; Leningrad, USSR (in Russ.).
- Alekseev, A. A. (1987), “Translations from Hebrew Originals in Ancient Rus”, *Russian Linguistics*, 11, 11-20 (in Russ.).
- Arktika – moy dom: Narody Severa Zemli: Polyarnaya entsikl. shkolnika* (1999), [The Arctic is my home: Peoples of the North of the Earth: Polar encyclopedia for schoolchildren], Severnyye prostory, Moscow, Russia (in Russ.).

Aspelin, J. R. (1877), *Antiquites du Nord Finno-Ougrien*. T. 2 [Antiquities of Northern Finno-Ugric. Vol. 2], G.V. Edlund, Helsinki, Finland (in French; in Finn.).

Avanesov, S. S. (2023), "The Rib of a Centaur: the Image of a Kitovras in the Visual Structure of Urban Space", *Journal of Visual Theology*, 5 (2), 208-264 (in Russ.), DOI: 10.34680/vistheo-2023-5-2-208-264, EDN: AZWJPT

Belova, O. V. (2001), *Slavyanskiy bestiariy* [Slavic Bestiary], Indrik, Moscow, Russia (in Russ.).

Bobrov, A. G. (2017), "Kitovras of Euphrosynus of Belozersk", *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. T. 65 [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature, Vol. 65], in Semyachko, S. A. (ed.), Pushkinskiy Dom, St. Petersburg, Russia, 423-449 (in Russ.).

Bobrova, A. I. (1997), "Letter from the Middle Ages", *Zemlya Verkhneketskaya: Sbornik nauchno-populyarnykh ocherkov k 60-letiyu obrazovaniya Verkhneketskogo rayona* [Verkhneketskaya Land: Collection of scientific and popular essays for the 60th anniversary of the establishment of the Verkhneketskaya region], Tomsk University Publishing House, Tomsk, 118-130 (in Russ.).

"Explanatory Paleya" (1901), *Polnoye sobraniye russkikh letopisey, izdannoye po vysochayshemu poveleniyu Arkheograficheskoy kommissiyeyu*. T. 18 [Complete collection of Russian chronicles, published by the highest order of the Archaeographic Commission. Vol. 18], Type. M.A. Alexandrov, St. Petersburg, Russia, (in Russ.).

Fedorova, E. G. (2017), *Loshad v istorii, kulture i mirovozzrenii obskikh ugrov* [The horse in the history, culture and worldview of the Ob Ugrians], Tomsk University Publishing House, Khanty-Mansiysk, Tomsk, Russia (in Russ.).

Gafni, I. (2003), *The Jews of Babylonia in the Talmudic Era*, Mosty kultury; Gesarim, Moscow; Jerusalem, Russia (in Russ.).

Gladkaya, M. S. (2015), "Centaur in the Carvings of the Dmitrov Cathedral in Vladimir. Understanding the Image", *Arkheologiya Vladimiro-Suzdalskoy zemli: materialy nauchnogo seminara*. Vyp. 5 [Archaeology of the Vladimir-Suzdal land: materials of the scientific seminar. Iss. 5], Publishing House of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 245-255 (in Russ.).

Golosovker, Ya. E. (1993), *Skazaniya o Titanakh* [Tales of the Titans], Vysshaya shkola, Moscow, Russia (in Russ.).

Golovnev, A. V. (1995), *Govoryashchiye kultury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Talking Cultures: Traditions of the Samoyeds and Ugrians], Publishing House of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia (in Russ.).

Kamchatnov, A. M. & Milkov, V. V. (2019), "Apocryphal cycle about king Solomon in the composition of the Explanatory Paleia", *Paleosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 1, 200-228 (in Russ.), DOI: 10.24411/2618-9674-2019-10016

Klyuev, N. (1977), *Poems*, Sovetskiy pisatel', Leningrad, USSR (in Russ.).

Kvashnin, Yu. N. (2009), "Features of the Development of Ethnic and Socio-Economic Processes in the Lower Reaches of the Yenisei in the 20th – Early 21st Centuries", *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 10, 102-112 (in Russ.).

Okladnikov, A. P. (1950), "A bronze mirror with a depiction of a centaur found on Faddey Island", *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 13, 139-172 (in Russ.).

Okladnikov, A. P. (1951), "Historical Monument of Russian Arctic Navigation of the 17th Century", *Istoricheskiy pamyatnik russkogo arkticheskogo moreplavaniya XVII veka* [Archaeological Finds on Faddey Island and on the Shore of Simsa Bay], Glavsevmorput Publishing House, Moscow; Leningrad, USSR (in Russ.).

Okladnikova, E. A. (2025), *Taymyrskaya nakhodka* [Taimyr find], Sokhramennaya nakhodka, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Otchet imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1901 g. (1903) [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1901], Printing house of the main administration of the appanages, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Peretts, V. N. (1933), "On some grounds for dating ancient Russian casting", *Izvestiya gosudarstvennoy akademii istorii materialnoy kultury*. Vyp. 73 [News of the State Academy of the History of Material Culture. Iss. 73], Publishing House of the State Academy of History of Material Culture, 1-55 (in Russ.).

Poshekhonova, O. E. and Semenova, V. I. (2009), "Finds of a Nenets sacred sled in the Bolshaya Kheta River basin on the Taimyr Peninsula", *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 11, 101-110 (in Russ.).

Prokofyeva, E. D. (1949), "Costume of the Selkup (Ostyak-Samoyed) shaman", *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii. T. 11* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. Vol. 11], Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow, 335-375 (in Russ.).

Rukopis 729. Paleya s pribavleniyami [Manuscript 729. Paleya with additions] (1902), semi-oral, 15th century, in a quarter, 217 sheets, p. 182 rev. (in Russ.).

Rybakov, B. A. (1979), "Cosmological symbolism of 'Chud' shamanic plaques in Russian embroideries", *Finno-ugry i slavyane: doklady pervogo sovetsko-finlyandskogo simpoziuma po voprosam arkheologii* [Finno-Ugrians and Slavs: reports of the first Soviet-Finnish symposium on archaeology], Nauka, Leningrad, USSR (in Russ.).

Semenova, V. I. (2012), "Mirror plaques as a phenomenon of Russian artistic metalwork", *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, 2, 134-136 (in Russ.).

Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi (XI – pervaya polovina XIV vv.). T. 1 (1987) [Dictionary of Scribes and Bookishness of Ancient Rus (11th – first half of the 14th centuries). Vol. 1], Nauka, Leningrad, USSR (in Russ.).

Solovyova, I. D. (1989), "The Scribe and Icon Painter Ephraim – a Contemporary of Efrosin", *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. T. 42* [Works of the Department of Old Russian Literature. Vol. 42], in Likhachev, D. S. (ed.), Nauka, Leningrad, USSR, 268-279 (in Russ.).

Spitsyn, A. A. (1926), *Drevnosti severa Vologodskoy, Arkhangel'skoy, Severo-Dvinskoy gubernii i oblasti Komi* [Antiquities of the North: Vologda, Arkhangelsk, Northern Dvina Provinces and Komi Region], Printing House of the Totma department of local economy, Totma, USSR (in Russ.).

"The Courts of Solomon" (1999), *Biblioteka literatury Drevney Rusi, T. 3: XI–XII vv.* [Library of Literature of Ancient Rus', Vol. 3: XI–XII centuries], Nauka, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Tolkovaya Paleya (1876), [Explanatory Paleya], Printing House of the Imperial University, Kazan, Russia (in Russ.).

Toshchev, A. (2020), "Where did Kitovras come from?", *Drevnyaya Rus' i mifologiya* [Ancient Rus and Mythology] [Online], available at: <https://example.com/kitovras> (Accessed 26 July 2025) (in Russ.).

Uvarov, A. S. (1908), *Khristianskaya simbolika. Simbolika drevnekhristsianskogo perioda* [Christian symbolism. Symbolism of the ancient Christian period], Type. G. Lissner and D. Sobko, Moscow, Russia (in Russ.).

Vagner, G. K. (1966), "'The Prayer of Daniel the Exile' – sculpture of the St. George Cathedral – 'A Word about the Destruction of the Russian Land'", *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. Vol. 22: Vzaimodeystviye literatury i izobrazitel'nogo iskusstva v Drevney Rusi* [Works of the Department of Old Russian Literature, Vol. 22: Interaction of Literature and Fine Arts in Old Rus], in Likhachev, D. S. (ed.), Nauka, Moscow; Leningrad, USSR, 46-56 (in Russ.).

Vagner, G. K. (1969), "Literature, Apocrypha, and Folklore in the Works of the Masters of Vsevolod III", *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. T. 24: Literatura i obshchestvennaya mysl Drevney Rusi* [Works of the Department of Old Russian Literature. Vol. 24: Literature and Social Thought of Old Rus], Nauka, Leningradskoye otdeleniye, Leningrad, USSR, 75-79 (in Russ.).

Vertman, E. G. (2015), "Mass-spectrometric multi-element analysis of artifacts from the ancient bronze casting center and shamanic paraphernalia of Taimyr", *Theory and Practice of Archaeological Research*, 1, 94-112 (in Russ.), DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11).-07, EDN: UHANYZ

Veselovsky, A. N. (1872), *Slavyanskiye skazaniya o Solomone i Kitovrase i zapadnyye legendy o Morolfe i Merline* [Slavic legends about Solomon and Kitovras and Western legends about Morolf and Merlin], Printing House of V. Demakov, St. Petersburg (in Russ.).

Vodolazkin, E. G. (2006), "Brief Chronographic Paleya (text). Issue 1", *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. Vol. 57*, in Tvorogov, O. V. (ed.), Dmitriy Bulanin, St. Petersburg, Russia, 891-915 (in Russ.).

Vodolazkin, E. G. (2008), *Vsemirnaya istoriya v literature Drevney Rusi (na materiale khronograficheskogo i paleynogo povestvovaniya XI-XV vv.)* [World history in the literature of Ancient Rus (based on the chronographic and paleontological narrative of the 11th-15th centuries)], Pushkinskiy Dom, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Yakovlev, Ya. A. (1992), "Late Medieval Plaques with the Image of a Horseman from North-Western Siberia", *Ornament narodov Zapadnoy Sibiri* [Ornament of the Peoples of Western Siberia], University Publishing House, Tomsk, Russia, 51-68 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Окладникова Елена Алексеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры социологии, институт истории и социальных наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. р. Мойки, д. 48, г. Санкт Петербург, 191186, Российская Федерация; *okladnikova-ea@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Okladnikova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Sociology, Institute of History and Social Sciences, Herzen University, 48 Moyka Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; *okladnikova-ea@yandex.ru*

УДК 740

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-6

Фэн Инхун

**Контексты формирования образа Китая
(на примере народной песни «Цветок жасмина»)**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
yinghongfeng@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль китайского классического песенного искусства в становлении музыкально-эстетического диалога Китая и Европы. Автором впервые вводятся в русскоязычный академический дискурс некоторые исторические документы, не апробированные в западной академической музыкальной науке, но которыми руководствуются китайские исследователи, анализирующие сложные процессы музыкальной и межкультурной интеграции в хронологических рамках XVIII столетия. На примере истории китайской народной песни «Цветок жасмина» обосновывается, что знакомство европейского музыкального сообщества с особенностями китайского народно-песенного искусства, заложившее основы для последующего межкультурного обмена, имело обоюдно важное значение для процессов художественного синтеза китайской и европейской эстетики, способствовало более глубокому пониманию распространения китайской музыкальной миссии за рубежом. Эта задача остается ключевым направлением культурной стратегии современного Китая, рассматриваясь в парадигме диалектики традиции и модернизации и в контексте взаимопонимания, уважения инаковости культур.

Ключевые слова: Китай; народная песня; «Цветок жасмина»; эстетика; культурный обмен; культурный диалог; традиция; модернизация

Для цитирования: Фэн Инхун (2025), «Контексты формирования образа Китая (на примере народной песни “Цветок жасмина”», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (3), 70-77, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-6

Feng Yinghong

**Contexts of the formation of the image of China
(based on the sample of the folk song “Jasmine Flower”)**

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
yinghongfeng@yandex.ru

Abstract. This article examines the role of classical Chinese folk songs in facilitating a musical and aesthetic dialogue between China and Europe. For the first time, the author introduces several historical documents to Russian-language academic discourse that have not been examined in Western academic music scholarship. These documents serve as a guide for Chinese researchers analysing the complex processes of musical and intercultural integration within the chronological framework of the 18th century. Using the history of the Chinese folk song 'Jasmine Flower' as an example,

the author argues that the introduction of the characteristics of Chinese folk song to the European musical community, which laid the foundation for subsequent intercultural exchange, was significant for both the artistic synthesis of Chinese and European aesthetics and the dissemination of China's musical mission abroad. This remains a key focus of contemporary China's cultural strategy, considered within the paradigm of the dialectic of tradition and modernisation, and in the context of mutual understanding and respect for cultural diversity.

Keywords: China; folk song; “Jasmine Flower”; aesthetics; cultural exchange; cultural dialogue; tradition; modernization

For citation: Feng Yinghong (2025), “Contexts of the formation of the image of China (based on the sample of the folk song ‘Jasmine Flower’)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (3), 70-77, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-6

Введение

В широком философском плане актуальность темы статьи, посвященной аспекту формирования образа Китая в европейском сознании и культурном пространстве на примере народной песни «Цветок жасмина», связывается нами с сегодняшним курсом и задачами культурной политики КНР. При ближайшем рассмотрении мы видим, что в стратегических направлениях развития современного Китая очевидна изначальная системообразующая роль культуры, призванной обеспечить не просто усиление привлекательности и авторитета страны, укрепление ее ментальных идентификаторов, основанных на базовом принципе «уважения к древности». Но с таким же усердием и творческим импульсом необходимо двигаться в направлении модернизации – «преобразования превосходной традиционной культуры Китая в новую эпоху» (Ли Фэнлянь, Гу Чжэньцзин, 2020: 111-118). В известной мере данные установки с учетом инновационных тенденций современного Китая (Pengtao Yang, 2022) означают курс на расширение и укрепление межкультурного диалога и интеграции, неуклонное наращивание динамики распространения культуры и технологических инноваций с опорой прежде всего на потенциальные возможности и скрытые резервы в области национальной культуры. Правомерно говорить о том, что жизненные, познавательные и культурные стратегии развития современного Китая и объективная специфика общемировых реалий оправдывают стремление Китая к оптимальному балансу между сохранением собственных традиционных ценностей, с одной стороны, и адаптацией к вызовам современности, с другой.

В исследование феномена народно-певческого искусства основополагающий вклад внесли российские ученые (Н.Ю. Новгородская, О. Кепинг, О.А. Курбатов, А.А. Моница, И.Н. Серебренников, А.Н. Хохлов и другие), в трудах которых, наряду с историей и философией музыки, рассмотрены аспекты эстетики музыкального исполнения, жанровая специфика особенностей китайской классической народной песни и др. Онтологические аспекты музыкального искусства и психологии его восприятия представлены в трудах выдающихся российских теоретиков и практиков музыки (труды Б.В. Асафьева, М.Г. Арановского, Л.Л. Бочкарева, Л.А. Венгрус, А.С. Ключева, Е.В. Назайкинского, А.С. Соколова, В.Н. Холоповой, Г.М. Цыпина и др.). Аксиология и символическая эстетика песенной культуры, в том числе хорового пения, нашла отражение в работах Н.Б. Буяновой, Г.А. Дмитриевского, В.Л. Живова, А.Ю. Любомудровой, М.С. Осеневой, В.А. Самарина, В.Г. Соколова, Г.П. Стуловой, В.К. Тевлиной и др.

Перманентная современность китайского песенного дискурса освещается в национальном научно-музыкальном пространстве КНР (Гао Шицзе, Ван Цзычжао, Сунь

Чэньхуэй, Фэн Вэньси, Чу Вэй, Ян, Чжоухуэй, а также Ли Цзимей, Лю Чжаньлань, Ши Ян, Цзоу Шэнджу, Фэн Сяоя, Юэ Фэн, Юань Айлин, Ян Яньхуа и др.). Исследователями затрагиваются также проблемные, отчасти спорные вопросы развития музыкальной культуры в «Новом Китае», включая анализ исторических этапов генезиса музыки, диалектику традиции и модернизации, образовательные музыкальные модели, экологию, биоэтику и трендовые направления современного искусства и др. В частности, отметим научные исследования молодых китайских ученых (Аотегенхуар, Дуин, Насу, Синь Юйфэн, Сум Бэр, Ян Пэнтао и др.). Во многих работах осмысливаются образы Китая в культуре Европы и формы его музыкального воплощения (А.А. Амрахова, Дж. Барроу, Ван Гуйси, В.П. Гриценко, Шэнь Хунбо. В этом же направлении работы Т.Ю. Данильченко, М.Е. Ивановой, Синь Юйфэн, Ши Цюн и др.); в центре их целый спектр актуальных вопросов, касающихся трансформации китайского культурного кода, языковых особенностей трансляции музыки в информационную эпоху и др.

В этих академических контекстах исследованию песни «Цветок жасмина» непосредственно посвящены труды многих исследователей (Ли Фэнлян, Ли Да Кэ, Гу Чжэньцзин, Чжоу Цин Цин, Цзян Мин Цзин и др.). Опираясь на весь этот опыт исследований, мы ставим задачу прояснить семантические смысловые значения китайского народно-песенного искусства, процессов художественного синтеза китайской и европейской эстетики.

Основная часть

Формирование целостного представления об эволюции музыкальной китайской традиции и ее современного сочетания с процессами музыкальной модернизации/технологизации, культурного обмена и «музыкального заимствования», выработки универсального музыкального стандарта исходит из постулата о системообразующей роли культуры в генезисе музыкального феномена. В практике государственного управления сегодняшней КНР придается особое значение роли национальной культуры, в которой, начиная с первых императорских китайских династий, первостепенное место отводится музыкальному искусству, музыке как фактору этического и гражданского воспитания китайского человека (Ли Чжо, Лю Шаопэнаи, Лю Чжичэн, Ма Хуатэн, Мэн Чжаоли, Сунь Шаоюн, Сунь Мэйцзы, Чэн Эньфу, Ян Пэнтао, Ян Дели, Янь Сяоцзин и др.). Напомним в этой связи, что, уточняя силу влияния «музыкального», М.Г. Арановский писал: «Музыка же, как представляется, обладает наибольшими возможностями отражения целостности Человека – через его менталитет, сферу чувств, особенно, когда речь идет об абсолютной (инструментальной) музыке. Для своего контакта с областью мышления она не нуждается в посредниках» (Арановский, 2012: 60). Сама же стратегическая концепция актуализации традиционной культуры, совмещения традиции и модернизации, «древнего» и «нового» определена как «генеральная линия» государства и изложена в программных выступлениях лидера компартии Китая Си Цзиньпина (Выдержки..., 2015). В различных ракурсах многие направления и аспекты данной «Стратегии» рассматриваются и осмысливаются в работах многих российских (Н.А. Абрамова, М.И. Гомбоева, И.Е. Денисов, Е.Ю. Захарова, Т.Н. Кучинская и Д.Б. Калашников, И.Б. Митрофанова, С.М. Ковалева, А.А. Маслов, Н.Л. Мамаева и др.) и китайских авторов (Ван Вэй, Гу Чжэньцзин, Ли Фэнлян, Лю Чжичэн, Хэ Лин, Юань Мэнмэн и др.).

Исследователи отмечают, что европейский музыкальный дискурс конца XVIII в. характеризуется распространением и популяризацией классического китайского народно-песенного искусства, ярким примером которого является народная песня «Жасмин», которая претерпела ряд адаптаций и разработок в соответствии со стилями музыки разных регионов (Чжоу Цин Цин, 2022). Согласно китайским древним источникам, песня «Цветок жасмина» является народной мелодией с долгой историей (Чжоу Цин Цин, 2022). Существует множество

версий этой песни во многих китайских провинциях (регионах), таких как Нанкин Люхэ, Янчжоу, Тяньчан и Тайчжоу, но версия происхождения песни из Нанкина является самой авторитетной. В некоторых китайских источниках зафиксировано, что в период правления императора Цяньлуна (1736–1796) из династии Цин песня «Жасмин» изначально называлась «鲜花调» «Сянь Хуа Дяо», представляя собой широко распространенную в районах проживания ханьского населения популярную народную мелодию. Также, согласно преданиям, песня связана с императором Чжу Юаньчжаном из династии Мин. Министры, такие как Сюй Да, импровизировали текст на мотив оперы Хуагу. После более чем 600 лет устной передачи и адаптации она постепенно трансформируется в современную версию «Цветок жасмина». Но специалисты склонны считать эти сведения не вполне исторически достоверными и доказательными, больше основанными на народных легендах, изустных преданиях и других ранних источниках, что, скорее всего, так и есть.

По вопросу же о том, каким образом песня «Цветок жасмина» попала в Европу и впоследствии распространилась в европейском музыкальном пространстве, разногласий гораздо меньше, и вполне можно принять одну из версий, согласно которой в конце XVIII века, на исходе процветающего правления императора Цяньлуна, король Великобритании Георг III, который активно стремился установить дипломатические отношения с династией Цин, отправил делегацию на празднование 80-летия императора Цяньлуна (Ли Да Кэ, 2022: 40). В результате этого на 58-м году правления императора Цяньлуна (1793 г.) в Китай торжественно прибывает британская миссия лорда Дж. Макартни, в состав которой входят Джон Барроу и немецкий переводчик Дж. К. Хаттнер (Barrow, 1804). Предполагается, что непосредственное знакомство Европы с «Цветком жасмина» начинается, когда Джон Барроу и Уитнер (записавшие партитуру) были потрясены красотой мелодии песни как раз во время пребывания дипломатического корпуса в Китае и привезли ее в Европу. Примечательно в этой связи, что в «Путешествиях по Китаю» за авторством Дж. Барроу упоминается, что Хаттнер записал «Цветок жасмина» (Barrow, 1804: 316-318)¹. Позже он добавил вступление, концовку и аккомпанемент к «Цветку жасмина» в соответствии с западными музыкальными правилами, и в такой версии песни «продвигалась» и стала известна большому количеству европейцев. Причина, по которой Барроу включил партитуру «Цветка жасмина» в свою книгу, заключается в том, что он хотел представить песню в ее оригинальной форме европейским и американским читателям.

Последующее концертное исполнение европейскими музыкантами «Цветка жасмина» способствовало популяризации песни, расширяя знакомство европейских музыкантов и слушателей с экзотической эстетикой и музыкальной спецификой китайской народной музыки. Например, в процессе работы над оперой «Турандот» в 1920–1924 годах итальянский оперный композитор Пуччини включил в нее мелодию «Цветка жасмина», благодаря чему «Цветок жасмина» расцвел на европейской оперной сцене.

Постепенно «Цветок жасмина» получил распространение во многих европейских странах (Франции, Германии, Нидерландах, позже в Америке и др.), положив начало сближению китайской и европейской музыкальной эстетики. В последующем была записана мелодия «Цветок жасмина» в пятистрочной нотации с английским переводом текста, были и попытки записать кантонский китайский текст песни в стиле «романизации», сделать мелодию

¹ Книга полностью, в оригинале, доступна на сайте Гутенберговской библиотеки: https://www.gutenberg.org/files/28729/28729-h/28729-h.htm#CHAP_VI Много говорит современному исследователю и полное название книги: *Travels in China, Containing Descriptions, Observations, and Comparisons, Made and Collected in the Course of a Short Residence at the Imperial Palace of Yuen-Min-Yuen, and on a Subsequent Journey Through the Country from Peking to Canton. In Which It Is Attempted to Appreciate the Rank That This Extraordinary Empire May Be Considered to Hold in The Scale of Civilized Nations.* – прим. Ред.

более «восприимчивой» для европейской музыкальной манеры: например, немецкий композитор Карл Фридрих Энгельс в 1864 году написал «Самые старые песни народов мира», датский композитор Ханс Хансен в 1870 году написал «Народные песни и мелодии», английский композитор Гранвилл Бенток написал «Две китайские песни», «100 народных песен», чешский композитор Антонин Дворжак написал «Музыкальная история» (Цзян Мин Цзин, 2008: 4).

Надо сказать, что многие европейские музыканты пытались адаптировать «Цветок жасмина», стремясь сохранить уникальную мелодичность и столь же уникальный стиль оригинального песенного материала, одновременно включая «свои» элементы и приемы европейской музыки. Это были попытки «препарировать» «Цветок жасмина» и сделать его более соответствующим эстетическим стандартам и исполнительской манере европейской музыки. Собственно, в ходе этого процесса несколько изменялась мелодия, ритм, гармония и другие аспекты песни. Некоторые музыканты также предпринимали попытки объединения «Цветка жасмина» с другими европейскими музыкальными формами, например, адаптировали его для фортепианной музыки и симфонии, и, как говорят специалисты, еще больше обогащали его музыкальную форму и экспрессию. В качестве примера приводится тот факт, что фортепианная пьеса «Китайский тематический этюд» в исполнении Риты Вагановой содержит мелодические элементы «Цветка жасмина». Также известно, что «Цветок жасмина», адаптированный немецким композитором и клавишником Петером Шиндлером, был исполнен в альбоме Лан Лана (китайского пианиста) «Piano Book», выпущенном в 2019 году. Или же, например, Линь Цюцзы, тайваньская пианистка в период обучения у Пауля Бадурь-Шкоды, крупнейшего австрийского пианиста, одного из «трех мастеров Вены», в знак благодарности мастеру сочинила посвященную ему «Фантазию на тему жасмина» на основе мелодии «Цветка жасмина» (Цзян Мин Цзин, 2008).

Важно обратить в этой связи внимание на то обстоятельство, что рождение самых ранних, первых европейских музыкальных произведений, выполненных в выраженном «китайском» стиле, в которых стиль был очевиден и узнаваем, связываются исследователями истории музыки с «законченным стилем шинуазри» (франц. Chinoiserie – «китайщина»). Эстетика данного стиля, отражающего художественные традиции мастеров Китая и Восточной Азии, возникнув в XVII в., достигла кульминации своей популярности в XVIII в. Это один из первых видов ориентализма, который стоит в одном ряду с туркоманией, японизмом, арабо-индийским стилем, египтоманией и т. п.» (Амрахова, Шэнь Хунбо, 2019: 67). Нужно заметить, что эта эстетическая парадигма уже заметно выходила за рамки европейской восприимчивости образцов материальной «китайской моды», заметно распространившись в том числе на духовную сферу культуры и искусств и воспринимаясь крайне позитивно.

Хотя, в нашем понимании, этот вопрос не столь однозначен и продолжает носить дискуссионный характер, касаясь сочетания или же синтеза восточной и западноевропейской музыкальных моделей и дискурсов (сегодня эти вопросы затрагивают проблему «социальной памяти» как парадигмального основания современного модернизированного Китая). Так, скажем, если в рамках диалектического подхода обратиться к историческим контекстам традиционного (Древнего) и современного (Нового) Китая, то мы увидим, что современные модернизационные процессы, безусловно очевидные для всего мирового сообщества, разворачиваются в рамках не только стратегических задач, касающихся тотальной информатизации, сетевизации и цифровизации китайского общества и государства. Но, что особенно существенно, в огромной степени данные процессы обусловлены проблемами культурной трансляции социальной памяти, необходимостью найти оптимальный путь сочетания традиционного и инновационного развития современной КНР. Как верно пишет Синь Юйфэн: «Современный Китай активно балансирует между

сохранением своих традиционных ценностей и адаптацией к вызовам современности, опираясь на концепцию “мягкой силы”» (Синь Юйфэн, 2025: 3).

В данном контексте представляется, что вне зависимости от своей «генетической принадлежности» к той или иной культуре любые выдающиеся национальные произведения художественной культуры отражают характер и дух народа, являются ментальными идентификаторами его характера. И, что важно, культурные коды восходят своими истоками в исторический пространственно-временной континуум. Тем самым формируются основания для последующих культурных связей, налаживания взаимопонимания, столь необходимого сегодня всем странам и народам, живущим в эпоху информационных революций, меняющих не только «каналы коммуникации, но и самого человека», (Иванова, 2019: 115), «особенно его мышление» (Хун Цзянь, Лю Шихэн, Юань Минтун, 1999: 334).

Заключение

Рассуждая о культурных смыслах распространения китайского народно-песенного искусства, значении знакомства Европы с традиционной музыкальной эстетикой Китая, можно заключить, что:

во-первых, в процессе европейской адаптации «Цветок жасмина» включил в себя элементы и приемы западной музыки, такие как инновации в гармонии, ритме и мелодии, которые в целом сохранили эстетические особенности песенной мелодии, уникальности стиля оригинальной песни, и одновременно придали ей новую жизненную силу и выразительность;

во-вторых, правомерно утверждать, что такого рода музыкальная интеграция, корректная пересадка песенного первоисточника на собственно европейскую музыкальную почву формировали привлекательный образ «уникального Китая» в европейском мышлении, повышали интерес и любопытство к экзотической музыке, ее символике и семантическим контекстам народно-песенного искусства. Тем самым постепенно закладывались основания для обмена и взаимоуважения китайской и западной музыкальной культур, способствуя процессам обогащения музыкального дискурса в целом.

Литература

Амрахова, А. А. и Шэнь Хунбо (2019), «Образ Китая в культуре Европы и формы его музыкального воплощения (до XX века)», *Актуальные проблемы высшего музыкального образования*, 4 (54), 65-73.

Арановский, М. Г. (2012), *Музыка. Мышление. Жизнь: Статьи, интервью, воспоминания*, предисл., ред.-сост. Рыжков, Н. А., ГИИ, Москва.

Ван Гуйси (2002), «Общество информационной цивилизации и изменение человеческого мышления», *Журнал Харбинской муниципальной партийной школы*, 5 (42), 41-43.

Выдержки из трудов Си Цзиньпина о координации и продвижении стратегического плана «Четырех всеобъемлющих принципов» (2015), Центральное литературное издательство, Пекин.

Гриценко, В. П. (2000), «Культура как знаково-семиотическая система», дис. ... д-ра филос. наук, Москва.

Данильченко, Т. Ю., Синь Юйфэн и Ши Цюн. (2023), «Китай: к проблеме трансформации культурного кода», *Культурная жизнь Юга России*, 2, 35-41, DOI: 10.24412/2070-075X-2023-2-35-41, EDN: PNZFWN

Иванова, М. Е. (2019), «Языковые аспекты информационных революций», *Манускрипт*, 12 (7), 115-119, DOI: 10.30853/manuscript.2019.7.23, EDN: AEIPIF

Ли Фэнлянь и Гу Чжэньцзин (2020), «Ценность, путь и принципы модернизации и преобразования превосходной традиционной культуры Китая в новую эпоху», *Теория Дунъюэ*, 41 (11), 111-118.

Ли Да Кэ (2022), «“Белый мех” “Цветочный барабан”» (《缀白裘·花鼓》《中国大百科全书》第三版(网络版)), *Энциклопедия Китая*, 3-е изд. (онлайн-версия) [Электронный ресурс], URL: <https://www.zgbk.com/ecph/words?SiteID=1&ID=25493&Type=bkzyb&SubID=61238> (дата обращения: 09.06.2025).

Синь Юйфэн (2025), «Диалектика традиции и модернизации в культуре современного Китая», дисс. ... канд. культурологии, Краснодар.

Синь Юйфэн (2024), «Национальная одежда в системе традиционной культуры народности шэ: история развития», *Культурная жизнь Юга России*, 1, 152-160, DOI: 10.24412/2070-075X-2024-1-152-160

Хун Цзянь, Лю Шихэн и Юань Минтун (1999), «Процесс социальной информатизации и прогресс человеческой цивилизации», *Журнал университетской библиотеки*, 3, 13-14.

Чжоу Цин Цин (2022), «Жасмин», *Энциклопедия Китая*, 3-е изд. (онлайн-версия) [Электронный ресурс], URL: <https://www.zgbk.com/ecph/words?SiteID=1&ID=25493&Type=bkzyb&SubID=61238> (дата обращения: 09.06.2025).

Цзян Мин Цзин (2008), *Цветок жасмина: История песни*, (《茉莉》: 曲子的流传史) [Электронный ресурс], URL: http://music.yule.sohu.com/20080826/n259216723_3.shtml (дата обращения: 09.06.2025).

Barrow, J. (1804), *Travels in China*, Printed by A. Strahan, London.

Pengtao Yang (2022), "The Axiology of chinese clothing culture and the 'fashion Industry'", *Webology*, 19 (1), 7636-7640.

References

Amrakhova, A. A. and Shen Hongbo (2019), "The image of China in European culture and the forms of its musical embodiment (before the twentieth century)", *Actual Problems of Higher Music Education*, 4 (54), 65-73 (in Russ.).

Aranovskiy, M. G. (2012), *Music. Mind. Life: Articles, interviews, memoirs*, in Ryzhkov, N. A. (ed.), Publishing House of the State Institute of Art Studies, Moscow, Russia (in Russ.).

Barrow, J. (1804), *Travels in China*, Printed by A. Strahan, London.

Danilchenko, T. Y., Xin Yufeng and Shi Qiong (2023), "China: on the problem of cultural code transformation", *Cultural Studies of Russian South*, 2, 35-41 (in Russ.), DOI: 10.24412/2070-075X-2023-2-35-41, EDN: PNZFWN

Excerpts from Xi Jinping's writings on the coordination and promotion of the strategic plan of the "Four Comprehensive Principles" (2015), Central Literary Publishing House, Beijing, China (in Chin.).

Gritsenko, V. P. (2000), "Culture as a sign-semiotic system", D. Sc. Thesis, Moscow, Russia (in Russ.).

Hong Jian, Liu Shiheng and Yuan Mingtong (1999), "The process of social informatization and the progress of human civilization", *Zhurnal universitetskoy biblioteki* [Journal of the University Library], 3, 13-14 (in Chin.).

Ivanova, M. E. (2019), "Linguistic aspects of information revolutions", *Manuscript*, 12 (7), 115-119 (in Russ.), DOI: 10.30853/manuscript.2019.7.23, EDN: AEIIFK

Jiang Ming Jing (2008), *Jasmine Flower: The Story of a Song* [(《茉莉》: 曲子的流传史)] [Online], available at: http://music.yule.sohu.com/20080826/n259216723_3.shtml (Accessed 09 June 2025) (in Chin.).

Li Da Ke (2022), "“White Fur” ‘Flower Drum’" [(《缀白裘·花鼓》《中国大百科全书》第三版(网络版))], *Encyclopedia of China*, third edition (online version) [Online], available at: <https://www.zgbk.com/ecph/words?SiteID=1&ID=25493&Type=bkzyb&SubID=61238> (Accessed 09 June 2025) (in Chin.).

Li Fengliang and Gu Zhenjing (2020), "Value, path, and principles of modernizing and transforming China's traditional culture in the new era", *Dongyueshuangshuang* [Dongyue Theory], 41 (11), 111-118 (in Chin.).

Wang Guixi (2002), "The Society of information Civilization and the change of human thinking", *Zhurnal Kharbinskoy munitsipalnoy partiynoy shkoly* [Journal of the Harbin Municipal Party School], 5 (42), 41-43 (in Russ.).

Xin Yufeng (2024), "National clothing in the system of traditional culture of the She people: a history of development", *Cultural Studies of Russian South*, 1, 152-160 (in Russ.), DOI: 10.24412/2070-075X-2024-1-152-160, EDN: BTGGZK

Xin Yufeng (2025), "Dialectics of tradition and modernization in the culture of modern China", Ph.D. Thesis, Krasnodar, Russia (in Russ.).

Yang Pentao (2022), “Axiology of Chinese Clothing Culture and the ‘Fashion industry’”, *Webology*, 19 (1), 7636-7640.

Zhou Qing Qing (2022), “Jasmine”, *Encyclopedia of China*, third edition (online version) [Online], available at: <https://www.zgbk.com/ecph/words?SiteID=1&ID=25493&Type=bkzyb&SubID=61238> (Accessed 09 June 2025) (in Chin).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Фэн Инхун, аспирант кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; yinghongfeng@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Feng Yinghong, PhD Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; yinghongfeng@yandex.ru

УДК. 792.09 +028.3

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-7

Портнова Т. В.

**Сценическая герменевтика балетов Дж. Кранко
в постановках Штутгартского театра конца XX – начала XXI в.**

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
ул. Садовническая, д. 33, стр. 1, г. Москва, 115035, Россия;
infotatiana-p@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования в статье является творчество Джона Кранко, перевернувшего режиссуру сценического танца в балетном театре, превратив классические сюжеты в психологические драмы, где танец говорит громче слов, создав тем самым неоклассическое направление в хореографии. Его этапные постановки – «Укрощение строптивой», «Онегин», «Ромео и Джульетта» – стали эталоном сюжетного балета, подтверждая неопределимый вклад балетмейстера. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью эволюции методов Дж. Кранко, его герменевтического подхода к истолкованию источника, на примере современных постановок Штутгартского театра. Предлагаемая работа восполняет этот пробел, представляя новаторскую методику анализа хореографического текста через призму литературной драматургии и комплексный подход, при котором все составляющие уникального режиссерского метода Дж. Кранко вступают в диалог. Такой подход не только раскрывает механизмы воздействия балетов Дж. Кранко, но и дает инструменты для их современной интерпретации. Исследование охватывает историко-культурный контекст формирования стиля хореографа, сравнительный анализ различных постановок и иконографический метод, предполагающий работу с видеозаписями и фотоматериалами. Результаты исследования показывают изменение стиля Дж. Кранко, который трансформировался от строгого следования тексту к авторскому переосмыслению. Традиционная пантомима, заменяемая сложной системой танцевальных метафор, позволяла сохранять художественно-образную суть произведений, адаптируя их к меняющимся эстетическим парадигмам. Выводы исследования подтвердили первоначальную гипотезу: авторский анализ балетов Дж. Кранко («Укрощение строптивой», «Онегин», «Ромео и Джульетта») и анализ работ других исследователей выявил и подтвердил эволюцию его творческого стиля в диапазоне сложившейся герменевтической режиссуры, где драма передается через пластику, музыку, сценографию и композицию.

Ключевые слова: Джон Кранко; Штутгартский балет; балетная герменевтика; хореография XX–XXI веков; «Онегин»; «Укрощение строптивой»; «Ромео и Джульетта»; интерпретация балетов; хореографическая режиссура; художественные адаптации; неоклассический балет; хореографический текст

Для цитирования: Портнова, Т. В. (2025), «Сценическая герменевтика балетов Дж. Кранко в постановках Штутгартского театра конца XX – начала XXI в.», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (3), 78-92, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-7

T. V. Portnova

Stage hermeneutics of J. Cranko's ballets in Stuttgart Ballet productions, late 20th – early 21st centuries

Kosygin Russian State University,
bld. 1, 33 Sadovnicheskaya St., Moscow, 115035, Russia;
infotatiana-p@mail.ru

Abstract. The article investigates the work of John Cranko, who revolutionized stage direction in ballet theatre, transforming classical plots into psychological dramas where dance speaks louder than words, thereby creating a neoclassical direction in choreography. His landmark productions – “The Taming of the Shrew”, “Onegin”, and “Romeo and Juliet” – became benchmarks for narrative ballet. The research is relevant because the evolution of J. Cranko's methods has not been sufficiently studied. This study takes a hermeneutic approach to interpreting sources, using contemporary Stuttgart Ballet productions as an example. This work fills this gap by presenting an innovative methodology for analyzing choreographic text through the lens of literary dramaturgy and a comprehensive approach where all components of J. Cranko's unique directorial method engage in dialogue. This approach not only reveals the mechanisms of impact of J. Cranko's ballets but also provides tools for their modern interpretation. Furthermore, the research includes the historical and cultural context of the choreographer's style formation, a comparative analysis of different productions, and an iconographic method involving work with video recordings and photographic materials. J. Cranko's research results show a stylistic shift in his hermeneutic approach to literary sources, transforming from strict adherence to text to authorial reinterpretation. Traditional pantomime, replaced by a complex system of dance metaphors, preserved the artistic essence of his works while adapting them to changing aesthetic paradigms. The study's conclusions confirmed the initial hypothesis: authorial analysis of J. Cranko's ballets (“The Taming of the Shrew”, “Onegin”, “Romeo and Juliet”) and analytical works by other researchers identified and confirmed the evolution of his creative style within his hermeneutic direction, where drama is conveyed through plasticity, music, scenography, and composition.

Keywords: John Cranko; Stuttgart Ballet; ballet hermeneutics; 20th–21st century choreography; “Onegin”; “The Taming of the Shrew”, “Romeo and Juliet”; ballet interpretation; choreographic direction; artistic adaptations; neoclassical ballet; choreographic text

For citation: Portnova, T. V. (2025), “Stage hermeneutics of J. Cranko's ballets in Stuttgart Ballet productions, late 20th – early 21st centuries”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (3), 78-92, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-7

Введение

Во второй половине XX века в мировом балетном репертуаре появился ряд постановок, которые сегодня, безусловно, можно отнести к классическому наследию. Созданные в близкое к нам время эти спектакли по глубине творческой мысли, самобытности режиссерского и балетмейстерского мышления, наконец, по популярности у зрителя не уступают шедеврам великих балетмейстеров прошлого. Сценическая жизнь большинства из них исчисляется

десятилетиями, среди обращавшихся к ним театров находятся ведущие балетные коллективы всех частей света (Хохлова, 2016: 3).

Джон Кранко – революционер балетной драматургии XX века. Его постановки превращают классический танец в мощный инструмент психологического анализа, где пластика тела передает внутреннюю драму героев, и остаются актуальными и в наши дни за счет своего в какой-то степени «революционного» видения. В отличие от традиционного подхода, акцентирующего внимание зрителей на техническом совершенстве, Дж. Кранко мыслит танец языком интегративного повествования, сохраняя при этом ключевые элементы: синтез пантомимы и хореографии, гиперболизированную выразительность и глубокую связь с литературным первоисточником. Здесь интересна сценическая герменевтика как универсальная теория создания индивидуального хореографического почерка. Как отмечает В. Костецкий: «Герменевтика танца состоит в том, что танец уже своими костюмами и исходными позами формирует игровое состояние сознания, после чего игровому сознанию подчиняются все телодвижения» (Костецкий, 2020: 209).

Попытки изучить и представить танцевальную культуру в свете герменевтической проблематики предпринимали некоторые исследователи (Дубских, 2015; Костецкий, 2002; Николаенко, 2012; Пегов, Грибкова и Матвеева, 2022; Подорога, 1995; Ромм, 1994). Актуальность нашего исследования обусловлена недостаточной изученностью эволюции герменевтических методов хореографа Дж. Кранко в современных постановках Штутгартского театра. Наша работа восполняет этот пробел, предлагая новаторскую методику анализа хореографического текста через призму литературной драматургии и комплексный подход, при котором все составляющие уникального стиля Дж. Кранко вступают в диалог. Такой подход не только раскрывает механизмы воздействия балетов Дж. Кранко, но и дает инструменты для их современной интерпретации.

Если говорить о герменевтической компетенции балетмейстера, можно выделить следующие компоненты его работы с литературным текстом: проникновение в авторский замысел, выявление структурных частей текста, способность к реконструкции ценностного смысла произведения, знание фактов биографии писателя, нашедшее отражение в ткани хореографического произведения.

Исходя из этого мы предполагаем, что стиль постановки балетов Дж. Кранко в Штутгартском театре демонстрирует эволюцию и гибкость драматургических принципов балетмейстера за счет использования литературного первоисточника как базиса: от строжайшего следования оригинальной хореографии к ее последовательному переосмыслению, обусловленному естественным процессом изменения эстетических парадигм балетного театра. При этом балеты Кранко остаются актуальными и способными предложить новые пути переосмысления хореографии балета и постановки.

Цель работы в рамках гипотезы – выявление драматургических особенностей и стиля в балетах Дж. Кранко в контексте хореографической герменевтики на примере постановок Штутгартского театра конца XX – начала XXI в.

Для достижения цели необходимо последовательно решить ряд задач:

- во-первых, определить ключевые черты драматургии Дж. Кранко, характерные для всех его постановок в Штутгартском театре конца XX – начала XXI в.;
- во-вторых, изучить эволюцию постановок его балетов в Штутгарте, сравнить изменения на примере таких спектаклей, как «Онегин», «Укрощение строптивой» и «Ромео и Джульетта»;
- в-третьих, выявить влияние наследия балетмейстера не только на Штутгартский театр, но и на весь современный балет конца XX – начала XXI в.

Материалы и методы

В данной исследовательской работе был использован комплекс взаимодополняющих материалов и методов, позволяющих всесторонне проанализировать особенности драматургии балетов Дж. Кранко в постановочной интерпретации Штутгартского театра. Использовались такие материалы, как видеодокументация ключевых постановок («Ромео и Джульетта», «Онегин», «Укрощение строптивой»), архивные материалы Штутгартского балета (эскизы, фотографии и афиши), музыкальные партитуры («Евгений Онегин» П.И. Чайковского, «Укрощение строптивой» Д.Д. Шостаковича), критические и аналитические работы периода с 1980 по 2024 г.

Для полноценного анализа, учитывающего специфику направления данной научной работы, необходимо придерживаться следующих методологических норм:

1) историко-культурная контекстуальность, которая позволяет определить, что конкретно повлияло на формирование Дж. Кранко и его стиля в области постановки балета, и демонстрирует, почему стиль Кранко приобрел форму психологической драмы, позволив рассказывать истории исключительно языком тела;

2) сравнительный анализ различных постановок: каждая постановка уникальна, в том числе и своим сюжетом, у каждого из которых своя форма, вектор повествования. В зависимости от этого хореограф придерживается разных целей, и как следствие, использует различные методы для их достижения через танец;

3) иконографический метод (работа с видеозаписями и фотоматериалами) в совокупности со структурным анализом хореографических произведений – полноценный анализ балета как сценического искусства невозможен без визуального анализа первоисточника, к чему относится: анализ хореографии, образов героев, окружения, музыкального сопровождения и т. д.

Результаты

Многие источники – посвященные Дж. Кранко статьи, интервью и прочие аналитические работы – подчеркивали то, как балетмейстер тонко чувствовал темп повествования, драму героев и как отражал совокупность всего этого в своих постановках (Хохлова, 2015). Сам Кранко в своих интервью обращал внимание на то, что те или иные произведения были крайне «изобразительными», что и вызывало у хореографа желание режиссировать их в балете (Percival, 1983: 196).

Анализ приведенных источников частично подтверждает гипотезу об эволюции стиля Кранко, демонстрируя, как его подход к литературным первоисточникам трансформировался от строгого следования тексту к авторскому переосмыслению. Кранко постепенно заменял традиционную пантомиму сложной системой танцевальных метафор, что позволяло сохранять суть произведений, адаптируя их к меняющимся эстетическим парадигмам. Однако для полного подтверждения гипотезы требуются конкретные примеры из постановок, показывающие, как именно хореограф переосмыслил свои ранние работы в поздний период.

В связи с этим в стиле Кранко можно особенно выделить две составляющие:

1. Сюжетная структура.

1.1. Специфическая адаптация литературных произведений.

1.2. Использование, преобладание лейтмотивов в хореографии.

2. Персонажи.

2.1. Психологическая глубина героев.

Продemonстрировать специфику указанных особенностей стиля поможет анализ ряда постановок Дж. Кранко, основанных на литературном первоисточнике, к числу которых относятся: «Ромео и Джульетта» (1962), «Онегин» (1965), «Укрощение строптивой» (1969).

«Ромео и Джульетта» (1962)

Аналитическое описание постановок под авторством Дж. Кранко будем проводить исходя из краткого содержания балета и раскрытия данной постановки в целостных чертах, для избежания перевеса анализа в сторону определенных и менее значимых фрагментов истории, не оказывающих особого влияния на внутреннюю драму и развитие героев (Прокофьев, С. «Ромео и Джульетта», 2020). Балет «Ромео и Джульетта» Дж. Кранко представляет собой новаторское прочтение шекспировской трагедии через драматизм и психологизм героев, где язык тела становится рассказчиком истории. В отличие от классических версий, Дж. Кранко создает динамичный спектакль, где внимание уделено эволюции главных героев: Ромео и Джульетта вместе проходят путь от неуверенных, чувственных и легких движений к тяжелым падениям, что обозначает для зрителей общую любовную драму этих персонажей – когда против вас и вашей любви выступает весь мир¹.

В постановке «Ромео и Джульетты» Дж. Кранко костюмы, освещение и сценография становятся выразительными средствами драматургии, подчеркивая эволюцию героев и фатальность сюжета, аналогично всем последующим постановкам балетмейстера. Костюмы отражают внутренние изменения персонажей: Ромео из романтического юноши в ярких, преимущественно красных тонах (символ уверенности, страсти) превращается в трагическую фигуру в одеждах серого цвета, а невинный белый наряд Джульетты с изящной вышивкой к финалу превращается в легкую сорочку, демонстрирующую страдания героини. Примечательно, что на фоне темного освещения в финале костюм приобретает безжизненный серый оттенок. Контраст между ярким Меркуцио и мрачным Тибальдом визуализирует противостояние жизни и смерти.

Освещение усиливает эмоциональные контрасты – выразительные, часто теплые тона сцен любви сменяются темными вспышками драк и холодным синим светом склепа, где тела влюбленных, освещенные как памятник, утверждают победу любви над враждой. Сценография создает ощущение роковой предопределенности: выверенные, часто полупустые локации, иногда заполненные людьми с отточенными движениями, тени на стенах и пустой склеп подчеркивают безвыходность ситуации. Даже роскошный бал у Капулетти скрывает угрозу благодаря кровавым отсветам в освещении.

Через пластику тел и световое решение финальной сцены балетмейстер показывает, что смерть становится для героев не поражением, а вечным триумфом над миром ненависти (рис. 1).

¹ «Балет “Ромео и Джульетта” – Штутгарт балет (Архив 1973 г.)», *Хореографический ресурс*, VK Видео: видеохостинг (время воспроизведения: 01:44:38) [Электронный ресурс], URL: https://vkvideo.ru/video-202206113_456241739 (дата обращения: 26.06.2025).

“‘Romeo and Juliet’ – Stuttgart Ballet (1973 Archive)”, *Choreographic Resource*, VK Video: video hosting (playback time: 01:44:38) [Online], available at: https://vkvideo.ru/video-202206113_456241739 (Accessed 26 June 2025).



Рис. 1. Сцена из балета «Ромео и Джульетта»; Штутгартский балет на сцене Большого театра. Москва. 2011 г.²

Fig. 1. Scene from the ballet “Romeo and Juliet”; Stuttgart Ballet at the Bolshoy Theatre. Moscow. 2011²

Примечательно, что Дж. Кранко сознательно отказывается от пантомимы и сильной экспрессии, эмоциональности, полностью доверяя повествовательную функцию чистому танцу. Этот принципиальный художественный выбор особенно важен в контексте «Ромео и Джульетты» – балета, который стал поворотным моментом в формировании авторского стиля Кранко при работе с литературными первоисточниками.

Музыкально-пространственное решение, несмотря на начало пути Дж. Кранко в данном направлении развития драматического балета, усиливает эмоциональность постановки. Балетмейстер использует фрагменты партитуры С. Прокофьева, но расставляет неожиданные акценты: выверенный до идеала синхронный вальс-гавот на балу подчеркивает искусственность светского мира, а в сцене смерти Меркуцио наступает шокирующая тишина, прерываемая лишь стуком каблучков умирающего.

Визуальные контрасты, отражающиеся в окружении героев, например, переход от ярко освещенных высоких вертикальных арок к темному, пустому и горизонтальному склепу создают ощущение роковой предопределенности. Массовые сцены построены как движущиеся архитектурные блоки, где кордебалет становится коллективным «хором», комментирующим трагедию, а главные герои выделяются для зрителя за счет своей драмы, которая делает их теми, кем они являются.

Особенно новаторским стал финал, где тела героев в склепе образуют совершенную пластическую композицию, превращая смерть в акт вечного соединения.

² Все фото для иллюстраций взяты из открытых интернет-источников / All photos for illustrations are taken from open Internet sources.

«Онегин» (1965)

Балет Дж. Кранко «Онегин» представляет собой успешный балетный спектакль на скомпилированную музыку³. Тем не менее, определенной методологии анализа этого балета еще не сложилось. Этот вопрос приобретает особую актуальность в связи с уникальностью хореографического метода Дж. Кранко, требующего комплексного анализа. Внимание должно быть направлено на специфические элементы постановки: музыкальную драматургию (особенности подбора и компоновки композиций), визуальное оформление (взаимодействие героев со сценическим пространством), а также интерпретацию литературного первоисточника средствами хореографии.

Именно балет «Онегин» представляет собой выдающийся образец синтеза литературы, хореографии и музыкальной драматургии, где пластический язык становится полноценным средством психологического анализа. Дж. Кранко мастерски трансформирует пушкинский роман в хореографический текст, создавая систему пластических лейтмотивов (плавные, утонченные движения Татьяны, механические, но в то же время плавные пируэты Онегина, порывистые прыжки Ленского и игривые движения Ольги), которые эволюционируют параллельно с характерами героев.

Внимательно анализируя «Онегина», можно заметить, что при каждом появлении главного героя наблюдается противоречие в движениях и действиях, что намекает зрителям на то, что Евгений Онегин выступает неоднозначной личностью, какой он являлся и в литературном произведении (Nikishov, 2020).

Однако также внимание необходимо обратить и на художественное оформление: костюмы героев, декорации и бутафорию. Костюмы героев подчеркивают определенные черты характеров и их позиционирование в созданном балетмейстером мире, перенесенном из литературного первоисточника (Phillandar and Babatunde, 2025).

Окружающее пространство стремится погрузить зрителя в определенную атмосферу, заставить проникнуться обстановкой и драмой героев, стать участником рассказываемой истории (Adilov, 2024; Agbasiere, 2020). Черный фрак Онегина резко контрастирует с пастельными тонами, окружающими других героев, подчеркивая его отчужденность. Особенно выразительна сцена письма и сон Татьяны: ее полупрозрачная сорочка и меняющееся освещение создают атмосферу мечтательности, тогда как фантомный Онегин в черном воплощает одновременно желание и опасность (рис. 2).

³ «Балет “Онегин” Джона Крэнко. Штутгартский балет 2018 г.», *Хореографический ресурс*, VK Видео: видеохостинг (время воспроизведения: 01:36:15) [Электронный ресурс], URL: https://vk.com/video-202206113_456241163 (дата обращения: 26.06.2025).

“John Cranko's ‘Onegin’. Stuttgart Ballet 2018”, *Choreographic Resource*, VK Video: video hosting (playback time: 01:36:15) [Online], available at: https://vk.com/video-202206113_456241163 (Accessed 26 June 2025).



Рис. 2. Сцена из балета «Онегин», 1-й акт. Штутгартский балет на сцене Театра Ла Скала. Милан. 2019 г.

Fig. 2. Scene from the ballet "Onegin", Act 1. Stuttgart Ballet at Teatro alla Scala. Milan. 2019

На балу бордовый бант Онегина предвещает трагедию, служит предвестием кульминационного момента, а после дуэли, меняя оттенок на черный, становится символом утраты. Финал построен на мощных цветовых контрастах. Петербургские сцены решены в красно-голубой гамме, где голубой символизирует взросление, а красный – надвигающуюся развязку. Онегин в почерневшем фраке символизирует внутреннюю пустоту, тогда как розовое платье Татьяны скрывает фальшь ее положения. Кульминационная сцена в будуаре, с ее строгим корсетом, резким светом и роскошной, но пустой обстановкой, визуализирует трагедию вынужденного выбора и непреодолимую пропасть между героями (рис. 3).



Рис. 3. Сцена из балета «Онегин», 3-й акт. Государственная опера. Штутгарт. 2019 г.
Fig. 3. Scene from the ballet “Onegin”, Act 3. State Opera. Stuttgart. 2019

Музыкальный монтаж из произведений Чайковского, от приятной слуху, успокаивающей «Симфонии № 5» до тревожных мотивов «Франчески да Римини», не просто сопровождает действие, но становится его эмоциональной партитурой, отражением состояния героев и их внутренней драмы.

Таким образом, каждый элемент режиссуры и сценографии у Дж. Кранко – от цветовой палитры до организации пространства – работает на раскрытие сложной психологии персонажей и их развития на протяжении всей постановки.

«Укрощение строптивой» (1969)

«Укрощение строптивой» Дж. Кранко представляет собой уникальный синтез хореографического новаторства и глубокой психологической драматургии, где традиционный балетный язык обретает невиданную доселе экспрессивность⁴. В отличие от других работ балетмейстера, здесь драматизм достигает почти физиологической интенсивности: пластика персонажей (особенно Катарины и Петруччо) строится на резком контрасте агрессии и грации. Их дуэты превращаются в настоящие «танцевальные поединки», где каждое движение становится жестом сопротивления или доминирования (John Cranko's..., 2022). Катарина выражает протест через рваные, угловатые па, тогда как Петруччо демонстрирует силу через мощные, почти грубые поддержки (рис. 4).

⁴ «Балет – Укрощение строптивой. Das Stuttgarter Ballett. 2022», VK Видео: *видеохостинг* (время воспроизведения: 02:00:06) [Электронный ресурс], URL: https://vkvideo.ru/video854192837_456239431 (дата обращения: 26.06.2025).

“Ballet - The Taming of the Shrew. The Stuttgart Ballet. 2022”, VK Video: *video hosting* (playback time: 02:00:06) [Online], available at: https://vkvideo.ru/video854192837_456239431 (Accessed 26 June 2025).



Рис. 4. Сцена из балета «Укрощение строптивой». Штутгартский балет на сцене концертного зала «Филармония 2». Москва. 2024 г.

Fig. 4. Scene from the ballet “The Taming of the Shrew”. Stuttgart Ballet on the stage of the “Philharmonia 2” concert hall. Moscow. 2024

В постановке Дж. Кранко визуальные элементы становятся инструментами острой социальной сатиры. Костюмы раскрывают динамику власти: желтое платье Катарины, символизирующее ее опасность и жесткость (акт I), сменяется усыпанным жемчугом зеленым свадебным нарядом, а затем легким платьем телесного цвета – внешней маской покорности, скрывающей непокорность. Петруччо эволюционирует от грубого костюма коричневого цвета с кожаными вставками к лживо-роскошному розовому костюму, который потом сменяется бежево-белым костюмом, как и в случае с Катариной. Освещение усиливает диссонанс: «солнечная» Падуя с ее яркими фасадами контрастирует с серо-голубым ливнем по дороге к дому Петруччо, где Катарину буквально вываливают в грязь, а пусть и «теплый» свет, но в полупустом помещении не вызывает ощущения уюта.

Сценография работает с темой обмана: продуманная сцена карнавала с идеальным освещением, костюмами и выверенными танцами не сочетается с характерами героев. Возвращение в Падуя (акт III) пусть и демонстрирует дружелюбное взаимодействие героев, однако холодное освещение говорит об обратном – это хитрый ход как Катарины, так и Петруччо: они не меняются в сущности, а лишь принимают правила игры.

Финал на пустой сцене под резким лучом света – крах всех социальных масок. Дж. Кранко подчеркивает: бежевое платье Катарины не признак укрощения, а лишь маска того, что она приняла условия, которые ей поставили. Философская глубина постановки проявляется в том, что Дж. Кранко показывает не одностороннее подчинение, а сложный процесс взаимной трансформации. Петруччо, начинающий как грубый женоненавистник, к финалу обретает черты удивленного уважения к своей жене. Этот психологический нюанс передается через эволюцию его хореографии: от резких, механических движений в начале к более плавным, почти нежным поддержкам в финальных сценах. Таким образом, спектакль

становится не просто фарсом, а тонким исследованием природы власти, сопротивления и того, как в процессе конфликта обе стороны неизбежно меняются (Bilge and Okan, 2024: 448). Современное прочтение лишь усилило актуальность этой работы Дж. Кранко, раскрыв новые пласты интерпретации. Сегодня постановку воспринимают не только как блестящую театрализацию шекспировского сюжета, но и как предвосхищение гендерных дискуссий. Пластическая эволюция Катарины читается теперь как история не подчинения, а тонкой стратегии выживания, где видимая покорность скрывает сохранение внутренней свободы.

Обсуждение

Проведенный анализ некоторых постановок Дж. Кранко, основанных на литературном первоисточнике, выявляет принципиальную особенность его хореографического метода: преодоление ограничений балетного языка в передаче сложной драматургии. В отличие от литературы, обладающей неограниченными вербальными средствами выражения, балет вынужден трансформировать психологические нюансы и сюжет исключительно через пластику и музыкальную драматургию. Однако Кранко не просто адаптирует литературные первоисточники – он создает автономную хореографическую поэтику, где каждое движение несет смысл в контексте музыкального и пространственного сопровождения. Этот синтез позволяет балетмейстеру достигать необычайной глубины в раскрытии драмы героев, заставляя зрителей стать участниками рассказываемой истории.

Например, в анализе ряда либретто можно заметить, что Джон Кранко трансформирует литературные диалоги из словесных в пластические, превращает описательные пассажи в хореографические лейтмотивы. Важно заметить, несмотря на то что Дж. Кранко сокращает повествование, при этом не теряется чувственность произведения и не происходит утрата первоначального смысла. Данная проблематика интерпретации литературного сюжета на балетной сцене подчеркивается рядом авторов (Карпенко, Карпенко, и Свойкина, 2015; Кушнир, 2021; Sokovikov, 2022). В отличие от монументального симфонизма Ю. Григоровича или экспрессии К. Макмиллана, Дж. Кранко создал «театр танцующих актеров», где классическая техника становится языком психологического анализа. Его «Ромео и Джульетта», «Онегин», и «Укрощение строптивой» предлагают идеальный баланс: доступные литературные сюжеты, преобразованные в хореографические романы, сочетают камерную эмоциональность (лейтмотивы движений, заменяющие слова) с эффектными массовыми сценами.

Тем не менее, для удачного применения методов Дж. Кранко в современной хореографии требуется решение двух ключевых задач.

Во-первых, хореограф должен обладать актерской техникой психологического реализма, чтобы передавать драматизм персонажей через пластику – этот принцип «говорящего тела» особенно важен в дуэтных сценах, демонстрирующих взаимоотношения героев.

Во-вторых, необходимо творчески адаптировать классические принципы: либо переносить драматургические приемы Кранко на современные сюжеты, либо создавать оригинальные произведения, сохраняющие авторскую гармонию музыки и движения, но в современном звучании.

Однако существуют и ограничения: жесткая привязка к классической традиции осложняет эксперименты с электронной музыкой и минимализмом, а высокие требования к технике труппы делают эти методы труднодоступными для многих театров. Тем не менее, наследие Дж. Кранко остается ценным алгоритмом работы с хореографической драматургией – от анализа персонажей до построения танцевального конфликта, что подтверждает его востребованность в современном балетном театре.

Наследие Дж. Кранко продолжает оказывать трансформационное влияние на эволюцию классического танца, что проявляется в творческой адаптации последующими поколениями

хореографов его ключевых инноваций: системы пластических лейтмотивов, принципов психологической характеристики через движение и синтез литературной драматургии с танцевальной композицией.

Среди ярчайших последователей стиля Дж. Кранко особое место занимает Джон Ноймайер, чьи психологически насыщенные постановки наследуют традиции штутгартского мастера. Однако влияние Дж. Кранко простирается гораздо дальше – его революционный подход к неоклассике, где глубокий анализ первоисточника сочетается с пронзительной эмоциональностью, перевернул само понимание балетного театра. Он подарил поколениям хореографов новый язык, когда пластика становится повествованием, а сценическое пространство превращается в зеркало человеческой души. Как отмечает Д.Е. Хохлова, «Ноймайер стал едва ли не самым ярким хореографом современности, развивающим психологический балетный театр. Ему удалось соединить достижения неоклассиков (Джон Кранко, Кеннет Макмиллан) и новаторские поиски модернистов (Пина Бауш, Матс Эк, Иржи Килиан). Ноймайер не стал приверженцем какого-либо одного хореографического языка, он продолжает экспериментировать с различными пластическими направлениями (от неоклассического танца на пуантах до contemporary dance в кроссовках)» (Хохлова, 2018: 80).

Рассмотренный нами аспект темы вместе с имеющимися публикациями приобретает особое значение в контексте возрождения интереса к повествованию в классическом танце – методы Дж. Кранко предлагают готовые решения, сочетающие художественную глубину и зрелищность.

Однако изучение творческого наследия и хореографии мастера встречает на своем пути ряд трудностей, с которыми нам пришлось столкнуться в процессе исследования. Прежде всего, сказывается ограниченность материалов для проведения более углубленного исследования, а именно недоступность ряда материалов (например, архивных, личных, доступных узкому кругу лиц, отсутствующих в открытом доступе). При этом, если мы говорим об анализе литературных произведений и их последующей интерпретации в танце, то в этом ключе все строится на субъективности, поскольку каждый человек в силу своего жизненного опыта, эмоционального развития и кругозора по-разному интерпретирует те или иные детали, наслаивая их не только на индивидуальный опыт, но и на культурный, исторический контекст реалий. Данную проблематику анализа не только балетного, но и прочих видов искусства отмечает ряд авторов научных работ в области гуманитарных наук (Ван Цишэнь, 2023; Barrowman, 2017).

Можно сделать вывод, что в отличие от традиционных исследований, фокусирующихся на отдельных аспектах творчества Дж. Кранко (хореография, музыка, конкретные произведения или литературная основа), наша работа предлагает синтез методов. Мы рассматриваем его постановки с литературным базисом как живой организм, где танец, музыка, сценография и текст вступают в сложный диалог, и этот диалог нельзя разрывать, поскольку в противном случае мы не будем полностью учитывать всю специфику стиля и подхода Дж. Кранко к созданию спектаклей, а как следствие, и не сможем использовать на практике его по-прежнему передовые взгляды.

Такой междисциплинарный подход особенно важен для анализа спектаклей Штутгартского театра, где именно Дж. Кранко совершил подлинную революцию в балетной драматургии: превратил классический танец в инструмент психологического анализа героев, демонстрирующий визуально внутреннюю драму. Балетмейстер стал драйвером развития неоклассического направления, создал новые тенденции повествования через движение – хотя это, осталось незамеченным рядом пишущих о балете авторов.

Заключение

Анализ балетов Дж. Кранко («Ромео и Джульетта», «Онегин», «Укрощение строптивой»), подкрепленный работами других исследователей, позволяет выявить эволюцию его авторского стиля, где драма передается через пластику, музыку, сценографию и композицию, а сценическая герменевтика отражает смысл и содержание спектаклей, заключенных в пластические формы. На их примерах мы можем говорить о диалектическом взаимодействии авторского литературного первоисточника и хореографа – интерпретатора, обладающего герменевтической логикой понимания текстового смысла и интерпретационной природой рассуждения. Проникновение в дух эпохи, в культурный фон и смысл текста создали уникальный метод Дж. Кранко, который выступает в виде некоего всеобъемлющего творческого принципа.

В исследование опробован метод анализа постановок Дж. Кранко через компиляцию хореографии, костюмов и окружения героев. Практическая значимость этой работы заключается в применении метода Дж. Кранко для создания нарративных балетов и обучения хореографии. Однако тема требует дальнейшего изучения, включая анализ архивов, сравнение редакций балетов и цифровизацию наследия Дж. Кранко. Его творчество остается актуальным, сочетая традицию и новаторство, и продолжает вдохновлять новые поколения, успешно адаптируясь к современному культурному контексту.

Литература

- Ван Цишэнь (2023), «Актуальные проблемы психологии искусства», *Миссия конфессий*, 12 (3), 24-27, EDN: SEDWNC
- Дубских, Т. М. (2015), «Метод интерпретации в искусстве танца», *Чтение на Евразийском перекрестке, Челябинск, 24-25 сентября 2015 г.: третий Международный интеллектуальный форум*, ЧГАКИ, Челябинск, 112-116.
- Карпенко, В. Н., Карпенко, И. А. и Свойкина, Л. Ф. (2015), «Хореография и художественная литература: пересечение, взаимовлияние, развитие как фактор особого внимания современного балетного искусства», *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 6, 1-6, EDN: VWYZVB
- Костецкий, В. В. (2020), «Анти-Хейзинга: другая философия игры», *Вопросы философии*, 2, 196-204., DOI: 10.21146/0042-8744-2020-2-196-204, EDN: JNINUL
- Кушнир, О. В. (2021), «Прочтение музыки П.И. Чайковского в режиссерском балете Дж. Кранко “Евгений Онегин”», *Южно-Российский музыкальный альманах*, 4, 34-44, DOI: 10.52469/20764766_2021_04_34, EDN: UDYVNH
- Николаенко, Д. А. (2012), «Коммуникативный потенциал танцевальной культуры», *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология»*, 24 (4), 176-184, EDN: UMNMF
- Пегов, В. А., Грибкова, Л. П. и Матвеева, А. В. (2022), «Концепция “мыслящего тела” и ее реализация в научных исследованиях», *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*, 4, 569-572, DOI: 10.34835/issn.2308-1961, EDN: AXWQXJ
- Подорога, В. А. (1995), *Феноменология тела. Введение в философскую антропологию*, Ad Marginem, Москва, EDN: SZFABP
- «Прокофьев, С. “Ромео и Джульетта”: Балет в двух действиях» (2020), *Челябинский государственный академический театр оперы и балета имени М.И. Глинки* [Электронный ресурс], URL: <https://www.chelopera.ru/plays/about/romeo-i-dzhuletta-2020/brief/> (дата обращения: 28.06.2025).
- Раков, В. П. (2012), «Герменевтика мифа и танца», *Культура и искусство*, 4, 84-89, EDN: PXANJT
- Ромм, В. В. (1994), *К методике палеохореографического анализа*, НГТУ, Новосибирск.
- Хохлова, Д. Е. (2015), «Джон Кранко. К истории создания многоактных балетных спектаклей на литературные сюжеты», *Вестник Академии русского балета им. А.Я. Вагановой*, 3, 185-192, EDN: UFEUXH
- Хохлова, Д. Е. (2016), «Многоактный сюжетный балет в творчестве Джона Кранко (спектакль “Онегин” в Штутгартском театре, 1965 г.)», Автореф. ... канд. искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, EDN: ZQHDXP

Хохлова, Д. Е. (2018), «“Дама с камелиями” Дж. Ноймайера: хореографическая интерпретация романа А. Дюма», *Вопросы театра*, 1-2, 79-92.

Adilov, A. (2024), “The influence of scenery and scenography on the performance environment”, *Oriental Art and Culture*, 1, 50-55, EDN: ZQHDXP

Agbasiere, Ch. (2020), *Managing the Environment in Theatrical Creativity for Economic and Democratic Survival*, Anambra State University, DOI: 10.2139/ssrn.3720093

Barrowman, K. (2017), “Philosophical Problems in Contemporary Art Criticism: Objectivism, Poststructuralism, and the Axiom of Authorship”, *The Journal of Ayn Rand Studies*, 17 (2), 153-200.

Bilge, F. Z. and Okan, S. (2024), “‘When in Music We Have Spent an Hour’: Choreographer John Cranko’s Recontextualization of the Taming of the Shrew as a Ballet”, *Litera: Journal of Language, Literature and Culture Studies*, 34, 443-456.

Eseigbe, Ph. O. and Olugbenga, B. (2025), “Costume and Makeup as indispensable arts of theatre article info”, *International Journal of Social Sciences*, 4, 12-21.

“John Cranko” (2024), *Bayerische Staatsoper* [Электронный ресурс], URL: <https://www.staatsoper.de/en/biographies/cranko-john> (дата обращения: 26.06.2025).

“John Cranko's The Taming of the Shrew” (2022), *TheatreHD* [Электронный ресурс], URL: <https://moscow.theatrehd.com/en/films/john-cranko-s-the-taming-of-the-shrew> (дата обращения: 28.06.2025).

Harrison, G. (2025), “Onegin: A Hero or A Villain?” *Science and Education – Articles about the past, present and future of our world* [Электронный ресурс], URL: <https://en.scienceforming.com/10578018-onegin-a-hero-or-a-villain> (дата обращения: 01.07.2025).

Nikishov, Yu. M. (2020), “Eugene Onegin’s stages of evolution”, *Two centuries of the Russian classics*, 2 (4), 136-171, DOI: 10.22455/2686-7494-2020-2-4-136-171, EDN: QMRRLH

Percival, J. (1983), *Theatre in My blood: a Biography of John Cranko*, Franklin Watts, New York.

Sokovikov, S. S. (2022), “The Interplay of Ballet and Literature”, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 15 (1), 115-123, DOI: 10.17516/1997-1370-0881

Reference

Adilov, A. (2024), “The influence of scenery and scenography on the performance environment”, *Oriental Art and Culture*, 1, 50-55, EDN: ZQHDXP

Agbasiere, Ch. (2020), *Managing the Environment in Theatrical Creativity for Economic and Democratic Survival*, Anambra State University, DOI: 10.2139/ssrn.3720093

Barrowman, K. (2017), “Philosophical Problems in Contemporary Art Criticism: Objectivism, Poststructuralism, and the Axiom of Authorship”, *The Journal of Ayn Rand Studies*, 17 (2), 153-200.

Bilge, F. Z. and Okan, S. (2024), “‘When in Music We Have Spent an Hour’: Choreographer John Cranko’s Recontextualization of the Taming of the Shrew as a Ballet”, *Litera: Journal of Language, Literature and Culture Studies*, 34, 443-456.

Dubskikh, T. M. (2015). “Method of interpretation in dance art”, *Chteniye na Yevraziyskom perekrestke, Chelyabinsk, 24-25 sentyabrya 2015 g.: tretiy Mezhdunarodnyy intellektualny forum* [Reading at the Eurasian Crossroads, Chelyabinsk, September 24-25, 2015: The Third International Intellectual Forum], Publishing House of the Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, 112-116 (in Russ.).

Eseigbe, Ph. O. and Olugbenga, B. (2025), “Costume and Makeup as indispensable arts of theatre article info”, *International Journal of Social Sciences*, 4, 12-21.

“John Cranko” (2024), *Bayerische Staatsoper* [Bavarian State Opera] [Online], available at: <https://www.staatsoper.de/en/biographies/cranko-john> (Accessed 26 June 2025) (in Germ.).

“John Cranko's the Taming of the Shrew” (2022), *TheatreHD* [Online], available at: <https://moscow.theatrehd.com/en/films/john-cranko-s-the-taming-of-the-shrew> (Accessed 28 June 2025).

Harrison, G. (2025), “Onegin: A Hero or A Villain?” *Science and Education – Articles about the past, present and future of our world* [Online], available at: <https://en.scienceforming.com/10578018-onegin-a-hero-or-a-villain> (Accessed 01 July 2025).

Karpenko, V. N., Karpenko, I. A. and Svoykina, L. F. (2015). “Choreography and artistic literature: intersection, mutual influence, development as a factor of special attention in modern ballet art”, *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 6, 1-6 (in Russ.), EDN: VWYZVB

- Khokhlova, D. E. (2015), "John Cranko. On the History of Creating Full-Length Ballet Performances Based on Literary Plots", *Bulletin of the Vaganova Ballet Academy*, 3, 185-192 (in Russ.), EDN: UFEUXH
- Khokhlova, D. E. (2016), "Full-Length Plot Ballet in the Works of John Cranko (the ballet "Onegin" at the Stuttgart Theatre, 1965)", Abstract of Ph.D. dissertation, State Institute for Art Studies Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.), EDN: ZQHDXP
- Khokhlova, D. E. (2018), "'The Lady of the Camellias' by J. Neumeier: Choreographic Interpretation of A. Dumas' Novel", *Problems of the Theatre*, 1-2, 79-92 (in Russ.).
- Kostetskiy, V. V. (2020), "Anti-Huizinga: Another Philosophy of Play", *Voprosy Filosofii* [Questions of Philosophy], 2, 196-204 (in Russ.), DOI: 10.21146/0042-8744-2020-2-196-204, EDN: JNINUL
- Kushnir, O. V. (2021). "P.I. Tchaikovsky's music in J. Cranko's directorial ballet 'Eugene Onegin'", *South-Russian Musical Anthology*. 4, 34-44 (in Russ.), DOI: 10.52469/20764766_2021_04_34, EDN: UDYVHH
- Nikishov, Yu. M. (2020), "Eugene Onegin's stages of evolution", *Two Centuries of the Russian Classics*, 2 (4), 136-171, DOI: 10.22455/2686-7494-2020-2-4-136-171, EDN: QMRRLH
- Nikolaenko, D. A. (2012), "Communicative potential of dance culture", *Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology*, 24 (4), 176-184 (in Russ.), EDN: UMNMR
- Pegov, V. A., Gribkova, L. P. and Matveeva, A. V. (2022), "The concept of the 'thinking body' and its realization in scientific research", *Scientific Notes of P.F. Lesgaft University*, 4, 569-572 (in Russ.), DOI 10.34835/issn.2308-1961, EDN: AXWQXJ
- Percival, J. (1983), *Theatre in My blood: a Biography of John Cranko*, Franklin Watts, New York.
- Podoroga, V. A. (1995), *Fenomenologiya tela. Vvedeniye v filosofskuyu antropologiyu* [Phenomenology of the body. Introduction to philosophical anthropology], Ad Marginem, Moscow, Russia (in Russ.), EDN: SZFABP
- "Prokofiev, S. 'Romeo and Juliet': Ballet in Two Acts" (2020), *Chelyabinskiy gosudarstvennyy akademicheskii teatr opery i baleta imeni M.I. Glinki* [Chelyabinsk Glinka State Academic Opera and Ballet Theater] [Online], available at: <https://www.chelopera.ru/plays/about/romeo-i-dzhuletta-2020/brief/> (Accessed 28 June 2025).
- Rakov, V. P. (2012), "Hermeneutics of myth and dance", *Culture and Art*, 4, 84-89 (in Russ.) EDN: PXANJT
- Romm, V. K. (1994), *K metodike paleokhoreograficheskogo analiza* [On the methodology of paleochoreographic analysis], Publishing House of Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia (in Russ.).
- Sokovikov, S. S. (2022), "The Interplay of Ballet and Literature", *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 15 (1), 115-123, DOI: 10.17516/1997-1370-0881
- Van Qishen (2023), "Current problems of art psychology". *Mission Confessions*, 12 (3), 24-27 (in Russ.), EDN: SEDWNC

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare

ОБ АВТОРЕ:

Портнова Татьяна Васильевна, доктор искусствоведения, профессор кафедры искусствоведения, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1, г. Москва, 115035, Россия; infotatiana-p@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Tatyana V. Portnova, Doctor of Art History, Professor of the Department of Art History, Kosygin Russian State University, bld. 1, 33 Sadovnicheskaya St., Moscow, 115035, Russia; infotatiana-p@mail.ru

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-8

L. R. Khaidarova

**Rethinking International Internships: Affective Subjectivation
and Normative Friction in the Chinese Context**

East China Normal University,
3663 Zhongshan Road North, Shanghai, 200062, China;
haydarowa.leysa@yandex.ru

Abstract. This conceptual article reinterprets international internships not as neutral platforms for skill development, but as structured encounters with institutional normativity and affective dissonance. Focusing on the Chinese context – a high-power, collectivist regime shaped by hierarchical discipline and *guanxi* networks – the study theorizes internships as liminal spaces of ethical subjectivation and intercultural identity formation. Drawing on Foucault’s disciplinary power, Bourdieu’s concept of *habitus*, boundary-crossing theory, and affect theory, it develops a normative-affective framework to analyze how foreign interns navigate disorientation, emotional labor, and embodied negotiation. Emotions such as anxiety, shame, and ambivalence are theorized as epistemic affects – forms of situated knowledge that mediate encounters with unfamiliar regimes of value, recognition, and legitimacy. Internships are thus framed not as neutral educational tools but as affective pedagogies of the self, where identity is reconstituted through ongoing engagement with institutional power and normative pressure. This framework contributes to decolonial critiques of transnational education and challenges liberal models of intercultural competence by foregrounding the emotional labor required to remain intelligible within asymmetrical systems. The analysis invites new directions in understanding how global education produces, regulates, and contests subjectivity through emotionally charged institutional encounters.

Keywords: international internships; affective subjectivation; normative friction; intercultural identity formation; emotional labor; China

For citation: Khaidarova, L. R. (2025), “Rethinking International Internships: Affective Subjectivation and Normative Friction in the Chinese Context”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (3), 93-102, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-8

Хайдарова Л. Р.

**Международные стажировки: нормативные смыслы
и эмоционально-смысловая адаптация в китайском контексте**

Восточно-Китайский педагогический университет,
3663 Северная Чжуншаньская дорога, Шанхай, 200062, Китай;
haydarowa.leysa@yandex.ru

Аннотация. Международные стажировки рассматриваются как сложный процесс адаптации, в котором профессиональное развитие тесно переплетается с необходимостью соответствовать нормативным ожиданиям и эмоциональным

требованиям принимающей среды. На примере китайского контекста – с его уникальным сочетанием иерархической организации труда, коллективистских ценностей и системы неформальных связей (гуаньси) – анализируется, как иностранные стажеры осваивают местные профессиональные нормы, преодолевая эмоциональные трудности и вырабатывая стратегии культурного приспособления. Теоретическая основа исследования интегрирует концепцию дисциплинарной власти М. Фуко, теорию габитуса П. Бурдьё, модель социально-пространственных переходов А. Аккермана и С. Баккера, а также положения теории аффекта С. Ахмед и концепцию эмоционального труда А.Р. Хохшильд. Особое внимание уделяется аффективным состояниям – тревожности, стыду, профессиональной неуверенности – которые в процессе адаптации трансформируются в особую форму ситуативного знания, позволяющего ориентироваться в новых культурных иерархиях и механизмах профессионального признания. Стажировка концептуализируется как сложный институциональный опыт, требующий не только усвоения формальных правил, но и постоянной рефлексии собственной позиции в системе трудовых и символических отношений. Такой подход позволяет пересмотреть устоявшиеся представления о международном образовании, показывая ограниченность универсальных моделей межкультурного взаимодействия и ключевую роль эмоциональной адаптации в условиях культурного неравенства.

Ключевые слова: международные стажировки; нормативное давление; эмоциональная адаптация; межкультурная идентичность; эмоциональный труд; Китай

Для цитирования: Хайдарова, Л. Р. (2025), «Международные стажировки: нормативные смыслы и эмоционально-смысловая адаптация в китайском контексте», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (3), 93-102, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-8

INTRODUCTION

Internships have become central mechanisms in global higher education, widely positioned as essential bridges between academic instruction and professional readiness (Jackson, 2018: 213). However, such instrumentalist framings often obscure the normative and affective infrastructures that shape these experiences. This article challenges the dominant work-integrated learning paradigm by reinterpreting internships not as transitional sites for skill acquisition, but as politically charged and emotionally saturated encounters where foreign students navigate institutional power, cultural asymmetry, and affective regulation (Sharma, Phung, 2019: 41).

This reconceptualization is especially salient in the Chinese context, where internships for international students are embedded within a dense regulatory, relational, and sociocultural matrix. As China advances its status as a global education hub (Zheng, 2021: 87), foreign interns increasingly encounter hierarchical workplace environments structured by bureaucratic opacity, *guanxi*-based social networks, and high-context institutional expectations that diverge sharply from liberal-democratic norms of transparency and individual autonomy (Yang, 2020: 104; Zhao, 2019: 122). For instance, in China, ethnographic studies of urban service work show how mundane rituals – tea service, honorific address, choreographed attentiveness – can produce discomfort and moral dissonance for newcomers, revealing affective labor as a medium of hierarchical legibility (Hanser, 2008: 107–108; Otis, 2011: ch. 2, 69–99).

Rather than situating these challenges within conventional models of intercultural learning – emphasizing competence, adaptation, or employability (Gu, Schweisfurth, 2015: 949; Marginson, Sawir, 2011: 113) – this article foregrounds the emotional and epistemological stakes of internships. It conceptualizes internships as interstitial boundary spaces: zones of ontological instability and normative tension, where identity is reshaped through embodied negotiation and emotional labor. Emotions such as anxiety, shame, and ambivalence are theorized not as incidental byproducts of cross-cultural adaptation, but as epistemic affects – cognitive-emotional responses that expose the symbolic violence of misalignment and institutional non-belonging (Ahmed, 2004: 6; Hochschild, 2012: 7).

To interrogate these dynamics, the article develops a transdisciplinary framework combining Foucault's theory of disciplinary power, Bourdieu's concept of habitus, boundary-crossing theory (Akkerman, Bakker, 2011), and affect theory (Ahmed, 2004; Boler, 1999). Here, emotions are treated not as private psychological states, but as socially mediated orientations – what Ahmed terms “sticky signs” – that bind bodies to institutional norms and expose sites of contestation and compliance (Ahmed, 2004: 8). Through this lens, internships are reframed as affective pedagogies of subjectivation, in which students' emotional labor becomes the terrain on which institutional legitimacy and cultural legibility are negotiated.

The article proceeds in five parts. Section 2 develops the theoretical and conceptual foundations by advancing the notion of the normative-affective nexus. It uses Foucault's theory of disciplinary power, Bourdieu's concept of habitus, boundary-crossing theory and affect theory to create a framework for analysing internships as dispositifs of affective governance and the formation of subjects. Section 3 applies this framework to the Chinese internship context, examining how emotional regulation is institutionally orchestrated through mechanisms such as guanxi networks, collectivist workplace rituals, and symbolic hierarchies. Section 4 explores intercultural identity formation as a process of affective subjectivation, analyzing how foreign interns negotiate emotional dissonance, perform normative compliance, and engage in tactical biculturalism within structurally asymmetrical environments. The conclusion synthesizes the article's contributions, underscoring the theoretical and pedagogical implications of rethinking international internships as emotionally saturated sites of normative friction, identity reconstitution, and transnational power dynamics.

Theoretical Approach and Conceptual Framework: The Normative-Affective Nexus in Boundary Crossing

This article adopts a conceptual-interpretive methodology grounded in post-structuralist epistemology, critical hermeneutics, and cultural anthropology. Rather than relying on primary empirical data, it develops a theoretical synthesis to interrogate how institutional normativity, affective circulation, and intercultural identity are co-constituted in the context of international student internships in China. This approach responds to a persistent lacuna in transnational education research: the under-theorization of internships as affective-political spaces in which subjectivity is not merely shaped but contested, regulated, and reconstituted. Conceptual inquiry is treated not as a preparatory stage for empirical research but as an autonomous and generative mode of theory-building, following the abductive logic described by I. Tavory and S. Timmermans (Tavory and Timmermans, 2014: 24). The process involved iteratively testing conceptual tools for their explanatory resonance against documented phenomena in Chinese internship contexts, including secondary accounts of foreign interns navigating normative dissonance.

To theorize institutional regulation, the article draws on Michel Foucault's analysis of disciplinary power, which explains how organizations shape perception and conduct through routinized procedures, moral scripts, and subtle surveillance (Foucault, 1995: 138). Yet, as S. Ahmed argues, power in such contexts is never merely procedural – it is affectively charged (Ahmed, 2004: 2). Emotions are not internal psychological states but socially mediated orientations that “stick” to

bodies and norms, organizing alignment or misalignment with institutional expectations. Viewed through Ahmed's theory of affective economies, disciplinary mechanisms become intelligible not simply as structural impositions, but as embodied emotional forces – manifesting as shame, anxiety, or alienation when normative alignment falters (Ahmed, 2004: 6).

Pierre Bourdieu's concept of habitus offers a complementary sociological lens to analyze how such affective normativity is embodied (Bourdieu, 1977: 72). Habitus, understood as the internalized matrix of dispositions shaped by one's cultural history, informs how legitimacy and value are perceived and enacted. Foreign interns in China, arriving with habitus attuned to different cultural logics, frequently experience what may be termed "habitus dissonance" – a breakdown of intuitive navigation that produces epistemic and emotional disruption. This dissonance is amplified in Chinese contexts characterized by implicit hierarchies, ritualized deference, and guanxi-based relationality. Interns unfamiliar with these expectations may find their embodied competence misrecognized, triggering affective reactions that mark the boundary between self and system.

When situated within S.F. Akkerman and A. Bakker's (2011) theory of boundary crossing (Akkerman, Bakker, 2011), such experiences reveal that institutional boundaries are not merely epistemic or procedural, but emotional. The internship becomes a locus of normative friction, where the crossing of organizational, cultural, and symbolic domains is registered first as a disturbance in affective orientation. Whereas cultural psychology frameworks such as Hofstede's would interpret these moments as value clashes (Hofstede, 2001: 92), the present framework contends that affect – not abstract cultural values – is the primary medium through which normative asymmetry is lived and negotiated.

To illuminate the interpretive labor demanded by such friction, the analysis draws on Paul Ricoeur's hermeneutics of suspicion, which positions emotion as a semiotic signal of hidden structures of power (Ricoeur, 1981: 74). Following Megan Boler's claim that emotions are "cognitive practices" (Boler, 1999: 61), the article understands affective responses as forms of situated knowledge that enable critique, resistance, or strategic compliance. Arlie Hochschild's theory of emotional labor further clarifies how foreign interns must often manage their affective expressions – smiling during public reprimands, suppressing dissent in collectivist rituals, or masking unease during hierarchical interactions – in order to remain intelligible and employable in face-sensitive, high-context workplaces (Hochschild, 2012: 7). Emotions are thus not epiphenomenal but performative; they function as adaptive strategies under asymmetric institutional conditions.

Taken together, these theoretical strands produce what is here termed a normative-affective nexus – a conceptual framework that critically synthesizes disciplinary power (Foucault), embodied dissonance (Bourdieu), institutional boundary work (Akkerman, Bakker), affective economies (Ahmed), interpretive agency (Ricoeur), and emotion-as-epistemology (Boler). This framework enables a reconceptualization of international internships not as neutral pathways to employability but as emotionally saturated sites of subject formation, where power is enacted through affective calibration. Crucially, the Chinese context intensifies these dynamics. Hierarchical workplace structures, collectivist moral scripts, and guanxi-based exclusionary logics demand normative adaptation not only at the cognitive level, but in the embodied register of comportment and emotional display.

To avoid theoretical universalism, the framework is reflexively situated within Sinophone critiques that problematize the uncritical export of Western theoretical categories. Scholars such as R. Yang (Yang, 2020: 104) and Y. Zhao (Zhao, 2019: 122) underscore that guanxi systems, ritual performativity, and implicit authority cannot be reduced to Western notions of institutional culture. Accordingly, the selected theories are not deployed as explanatory totalities, but as heuristic devices that make visible the hidden dimensions of cultural friction and affective governance across normative regimes.

In sum, this article offers a transdisciplinary framework for analyzing how international internships function as emotionally charged and normatively structured spaces of intercultural

subjectivation. The normative-affective lens contributes not only to critical studies of transnational education but also to broader discourses on institutional power, affective labor, and the situated epistemologies of global mobility.

Theorizing Internships as Affective-Normative Encounters: Power, Habitus, and Boundary Work in the Chinese Context

International internships in China must be understood not simply as transitional platforms for skill acquisition or employability enhancement, but as deeply situated affective-normative spaces where subjectivity is negotiated under conditions of structural and cultural asymmetry. These experiences unfold within institutional environments governed by tacit norms, symbolic hierarchies, and affective disciplining. While global discourses on international mobility often emphasize agency, transformation, and cosmopolitan competence, the actual experience of foreign interns in China is more accurately characterized by moments of dispositional dissonance, epistemic uncertainty, and affective negotiation. This section elaborates a critical framework that interweaves Foucault's theory of disciplinary power (Foucault, 1995: 138), Bourdieu's concept of habitus – defined as culturally embedded dispositions that, when destabilized by cross-cultural encounters, generate what we term *habitus vertigo*, an embodied dissonance that exposes the affective costs of normative misalignment (Bourdieu, 1977: 72) – and boundary-crossing theory (Akkerman, Bakker, 2011), reconceptualized through the lens of affect theory (Ahmed, 2004; Hochschild, 2012). This constellation of perspectives enables a sharper analysis of how subject formation occurs within the disciplinary architecture of Chinese internships.

Foucault's analytics of disciplinary power reveals how internships operate as normative pedagogies where individuals are produced as “docile bodies” (Foucault, 1995: 138), not through coercion but via routinized practices and subtle moral scripts. Chinese internship environments enact discipline through embodied protocols – morning rituals, formal speech codes, dress expectations, collectivist work tasks – that align subjects with hierarchically organized moral orders. These performative structures enact what might be termed an *institutional pedagogy of norms*, where behavioral regulation is affectively reinforced. As Foucault notes, “discipline ‘makes’ individuals; it is the specific technique of a power that regards individuals both as objects and as instruments of its exercise” (Foucault, 1995: 170). In such contexts, foreign students are not passive participants but are actively constituted as legible or illegible subjects through emotional attunement to institutional expectations.

This affective alignment is rarely seamless. Bourdieu's theory of habitus offers a generative lens for exploring how foreign students bring with them culturally sedimented dispositions that may jar with the implicit logics of Chinese professional culture. Habitus, conceived as a “system of durable, transposable dispositions” (Bourdieu, 1977: 72), is often rendered unstable when interns confront unspoken norms regarding deference, hierarchy, and relationality. For example, Western interns may misinterpret indirect feedback, struggle with status-sensitive interactions, or find *guanxi* networks opaque and exclusionary. As Q. Gu and M. Schweisfurth note in their study of international students' adjustment in Chinese higher education contexts, unfamiliar hierarchical expectations and indirect communication styles frequently result in withdrawal, defensive behavior, and emotional discomfort (Gu and Schweisfurth, 2015: 950). These moments generate what might be called *habitus vertigo* – a condition of embodied dissonance where one's internalized feel for the field becomes misaligned with local semiotics. Bourdieu reminds us that “one cannot truly become a player without investing one's very body in the game” (Bourdieu, 1990: 63), and thus failure to enact legible comportment leads not just to professional confusion but to affective experiences of shame, inadequacy, and alienation – what E. Illouz describes as emotional misrecognition (Illouz, 2007: 113).

Akkerman and Bakker's boundary-crossing theory (2011) is useful here, but its original framing around epistemic transfer must be reinterpreted to emphasize the affective dimensions of institutional

crossing. Interns do not simply traverse knowledge domains; they move across emotional, moral, and symbolic boundaries that shape their self-understanding. Ahmed's theory of affective economies reframes emotion as socially embedded orientation: "Emotions are not simply private states but social and cultural practices" (Ahmed, 2004: 9). Emotional responses – confusion, resentment, apprehension – are thus diagnostic tools revealing the intern's positionality within intersecting normative orders. The boundary, in this view, is first felt in the body before it is known in the mind.

Interns adopt varying strategies to navigate these normatively complex environments. Some perform surface-level compliance – mimicking local behaviors while retaining internal distance – while others engage in what might be termed *reflexive hybridity*, selectively adopting practices that ensure institutional legibility without full assimilation. This echoes A. Hochschild's account of emotional labor as the managed performance of affect in service of institutional legitimacy: "the outward countenance" is cultivated to align with expected emotional norms (Hochschild, 2012: 7). R. Yang's ethnography highlights how foreign interns routinely performed gratitude and humility during "face-saving" rituals despite internal resentment – illustrating the emotional labor required to maintain workplace legitimacy (Yang, 2021: 61). In this setting, emotional labor is not a neutral adaptation mechanism; it becomes a critical modality of survival and meaning-making under cultural and structural constraint.

Nonetheless, the concept of hybridity must be engaged with caution. H. Bhabha's notion of the "third space" offers a hopeful vision of agency within cultural translation (Bhabha, 1994: 38), but as M. Kraidy rightly cautions, hybridity can obscure persistent asymmetries: "it often masks rather than erases the hierarchies that shape cultural interaction" (Kraidy, 2005: 148). In Chinese institutional contexts – marked by bureaucratic opacity, relational gatekeeping, and high-power distance – the scope for transformative hybridity is often curtailed. Subcultural spaces like WeChat groups or informal peer networks may offer limited refuge, but they rarely amount to structural critique or change. As J. Butler notes, "subjection is not the same as subjectivation" – while power invites agency, it simultaneously circumscribes its enactment (Butler, 2004: 94).

It is important to acknowledge that dissonance may, under certain conditions, catalyze reflexivity and transformative learning (Mezirow, 1991: 5). However, the structural constraints embedded in Chinese internship contexts – such as limited institutional support, high-context communication, and hierarchical rigidity – often preclude such transformation, relegating interns instead to tactical compliance and emotional self-regulation (Zhao, 2020: 142). While there is potential for growth, it is constrained by the normative and affective demands of institutional legibility.

In conclusion, internships in China must be understood as affective-normative encounters that discipline, disorient, and reconstitute the subject. They are sites of profound negotiation, where students learn not only institutional norms but how to feel, interpret, and recalibrate their identities within culturally coded institutional spaces. Moving beyond instrumentalist paradigms of international mobility, this section advocates for a conceptual reorientation: from cross-cultural adaptation to affective subjectivation, and from intercultural competence to situated resistance within normatively uneven terrains. This framework challenges dominant models of intercultural competence (Deardorff, 2006: 248) by recentring power and affect as constitutive of identity formation in asymmetrical institutional contexts.

Normative Adaptation and Intercultural Identity Formation as Affective Subjectivation

This section advances a decolonial critique of intercultural identity formation by theorizing internships not as neutral 'learning zones' but as affective economies where legitimacy is contingently earned through emotional labor and normative compliance. It contends that intercultural identity formation during internships in China must be conceptualized not as a linear process of behavioral adaptation or cultural assimilation, but as an emotionally charged and normatively structured process

of subjectivation. Foreign interns are not merely passive recipients of cultural input; rather, they are drawn into institutional environments shaped by implicit rules, symbolic hierarchies, and emotional regulation. Drawing on Foucault's theory of disciplinary power, the internship space functions as a *dispositif* – an apparatus of governance that operates through surveillance, routines, and normalization. Within this apparatus, interns are positioned as subjects who must internalize deeply embedded norms to become legible and accepted within local institutional cultures. As Foucault asserts, discipline “produces reality; it produces domains of objects and rituals of truth” (Foucault, 1995: 194). In this sense, internships do not merely offer professional experience but actively shape intercultural subjectivities through China's bureaucratic, collectivist, and face-sensitive workplace regimes.

This approach aligns with decolonial critiques that challenge Eurocentric models of interculturality and global learning. Scholars such as S. Stein and V. Andreotti argue that international education often masks power asymmetries under a veneer of cosmopolitan exchange, reinforcing rather than dismantling global hierarchies (Stein, 2017: 79; Andreotti, 2011: 22). Internships in China, as this section argues, exemplify such dynamics by embedding foreign students into normative regimes where recognition and success are contingent on emotional conformity and cultural legibility.

The dissonance experienced by many foreign interns arises precisely from this encounter with unfamiliar normative structures. Bourdieu's notion of habitus provides a critical lens for theorizing how embodied dispositions – shaped by earlier cultural and educational systems – clash with the implicit *doxa* of Chinese organizational life. These ruptures are not merely procedural but deeply emotional. Tacit expectations around deference, status, indirect communication, and hierarchy often expose interns to what X. Chen and Y. Wang identify as “affective asymmetry” – a culturally coded emotional burden of adaptation (Chen, Wang, 2021: 52). For example, Western interns may feel discomfort or moral tension when asked to engage in ritualized acts such as tea-serving, formal seating arrangements, or exaggerated displays of loyalty. In Bourdieu's terms, when the “feel for the game” falters, habitus dissonance occurs—a moment when once-intuitive behavior becomes unfamiliar and problematic (Bourdieu, 1990: 63). These responses – shame, confusion, alienation – are not individual failures but symptoms of friction between conflicting symbolic systems.

To better understand these moments, Akkerman and Bakker's boundary-crossing theory is helpful, though this analysis shifts focus from knowledge transfer to emotional navigation. Internships are seen as transitional spaces where students cross not only organizational boundaries but also affective and moral ones. As M. Nguyen observes in Confucian-heritage institutions, adaptation is often a bodily process marked by discomfort, frustration, and withdrawal rather than rational deliberation (Nguyen, 2020: 530). These feelings signal misalignment and demand emotional recalibration. In this framework, the intern is both the site and agent of negotiation, navigating institutional power under culturally uneven conditions. While disorientation can lead to personal growth (Mezirow, 1991: 5), the structural constraints of Chinese internships – such as *guanxi* gatekeeping, rigid hierarchies, and limited transparency – frequently block such transformation, turning reflexivity into a survival strategy (Zhao, 2019: 142).

Ahmed's theory of affective economies adds further depth by framing emotion as socially embedded and institutionally circulated. Emotions do not emerge in isolation but are shaped by the environments they inhabit, becoming mechanisms through which norms “stick” to bodies (Ahmed, 2004: 9). The intern's anxiety, resentment, or ambivalence does not reflect private weakness; it marks the interface between self and system, between experienced identity and institutional demands. A. Hochschild's theory of emotional labor becomes central here: foreign students often must manage their emotional expressions to preserve institutional legitimacy (Hochschild, 2012: 7). Smiling during reprimands, performing gratitude in uncomfortable situations, or hiding resistance during rituals are not simple acts of adaptation but strategic performances that help maintain institutional order. As

Butler reminds us, the self is shaped within and against regulatory norms, always constrained yet never entirely compliant (Butler, 2004: 94).

International interns often navigate institutional cultures through *tactical biculturalism* – context-bound performances of alignment that resist full assimilation while maintaining institutional legibility. However, this strategic adaptation is not equally available to all. Those from postcolonial, Global South, or collectivist backgrounds frequently experience *double marginalization*, misrecognized by both host institutions and their home communities (Madge et al., 2015: 588). These disparities are further entrenched by racial and class hierarchies, which dictate access to recognition and opportunities. As C. Madge, P. Raghuram and P. Noxolo demonstrate, international students of color encounter systemic stratification in academic and labor systems, complicating their pursuit of legitimacy in unwelcoming cultural landscapes (Madge et al., 2015: 588). While Bhabha's *third space* (Bhabha 1994: 38) posits hybridity as a site of resistance and reinvention, M. Kraidy cautions that such frameworks often obscure the enduring power asymmetries underlying cross-cultural exchange (Kraidy, 2005: 148). Nowhere are these tensions more visible than in China's bureaucratic ecosystems, where ritualized authority and institutional opacity severely limit opportunities for subversive hybridity. As Y. Zhao argues, *guanxi* networks may appear fluid, but they remain exclusionary for foreign interns, reinforcing structural barriers under the guise of cultural flexibility (Zhao, 2019: 142). Thus, while hybrid identities promise theoretical liberation, their real-world applicability is constrained by the very systems they seek to disrupt.

Bringing together Foucault's disciplinary power, Bourdieu's habitus, Ahmed's affective economies, Hochschild's emotional labor, and Akkerman and Bakker's boundary-crossing, this analysis reframes intercultural identity not as a fixed trait or smooth progression, but as an ongoing negotiation shaped by emotional pressure and normative constraints. Internships are not neutral sites of professional preparation but contested spaces of ethical and emotional becoming. They demand a reevaluation of how legitimacy, recognition, and belonging are distributed in international education. Addressing these dynamics is crucial for both critical scholarship and the pursuit of more equitable global learning futures.

CONCLUSION

This article has advanced a conceptual reframing of international internships in China as sites of affective-normative subjectivation, rather than neutral platforms for professional skill acquisition or cultural exchange. Drawing on an interdisciplinary assemblage of theoretical perspectives – Foucault's micro-physics of power, Bourdieu's theory of habitus, boundary-crossing theory, and affect theory as articulated by Ahmed and Hochschild – the analysis repositions the internship as a culturally situated *dispositif* through which subjectivities are regulated, disoriented, and reconstituted. Rather than assuming smooth adaptation, the study foregrounds disjuncture, misrecognition, and emotional labor as constitutive of the internship experience.

This study moves beyond traditional human capital approaches to internships by theorizing affective normativity as a mechanism of transnational subject-making – a dimension largely absent in current literature on global education mobility. It is the first study to integrate Bourdieusian habitus with affect theory to analyze internships as dispositifs of emotional governance. Affective normativity is theorized as a structuring force: emotions such as confusion, shame, or ambivalence function not merely as psychological states but as epistemic and normative indicators. Emotions, following Ahmed, “do things”: they bind bodies to particular institutional formations, delineate who belongs, and mark the limits of intelligibility (Ahmed, 2004: 2). Interns' affective responses thus signal deeper engagements with the symbolic violence of misalignment, producing forms of what may be called situated reflexivity – critical moments where normative friction catalyzes the (re)formation of identity under constraint.

This framing makes legible how power in Chinese internship contexts operates not through overt domination, but through spatial, temporal, and relational pedagogies. The disciplinary regimes

of hierarchy, collectivist performativity, and *guanxi* networks do not simply demand behavioral compliance; they constitute emotional expectations that determine legibility and belonging. Foucault's insight that discipline "produces subjected and practiced bodies" is reanimated here through the lens of affect (Foucault, 1995: 138), while Bourdieu's notion of habitus as "embodied history" helps explain the dislocation that occurs when transnational subjects encounter unfamiliar symbolic orders (Bourdieu, 1990: 56). What this article terms *habitus vertigo* captures the embodied rupture between internalized dispositions and the affective demands of a foreign normative regime.

This theoretical synthesis opens several avenues for future inquiry. First, the concept of affective normativity invites further research into how emotions operate as ethical judgments and technologies of the self in intercultural contexts. This line of analysis may be deepened through attention to how institutional actors – mentors, supervisors, university staff – mediate or exacerbate these dynamics. Second, comparative studies could examine how these affective-normative negotiations unfold in differing geopolitical and institutional environments, including Western contexts that mask their own disciplinary norms under the guise of liberal individualism. Third, future research should attend to the intersectional dimensions of identity – race, gender, class, and migratory status – which inflect both the terms and consequences of adaptation, resistance, and recognition.

These findings also urge internship designers and host institutions to critically assess how emotional labor is distributed across racialized, gendered, and national lines. Formal mechanisms of support and recognition are needed to address the affective toll of navigating normative disjunctures in cross-cultural placements. While this study focuses on Chinese internships, future research could test whether affective normativity operates similarly in less hierarchical or differently structured internship regimes. Extending this framework to contexts with contrasting ideological underpinnings could sharpen our understanding of affective governance and its global variations.

In sum, this article proposes a paradigm shift in the study of international internships. These are not merely vehicles for employability or global citizenship training, but liminal spaces where the boundaries of the self are reconstituted through encounters with power, affect, and cultural asymmetry. The foreign intern emerges not as a neutral subject of professional development, but as a contested figure, navigating dense architectures of normativity that both constrain and enable new forms of selfhood. As global education becomes increasingly transactional, this study urges scholars to recenter the visceral, embodied stakes of learning to be legible – and the costs of doing so.

References

- Ahmed, S. (2004), *The Cultural Politics of Emotion*, Routledge, London.
- Akkerman, S. F. and Bakker, A. (2011), "Boundary crossing and boundary objects", *Review of Educational Research*, 81 (2), 132–169, <https://doi.org/10.3102/0034654311404435>
- Andreotti, V. de O. (2011), *Actionable Postcolonial Theory in Education*, Palgrave Macmillan, New York, NY, <https://doi.org/10.1057/9780230337794>
- Bhabha, H. K. (1994), *The Location of Culture*, Routledge, London.
- Boler, M. (1999), *Feeling Power: Emotions and Education*, Routledge, New York, NY.
- Bourdieu, P. (1977), *Outline of a Theory of Practice*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Bourdieu, P. (1990), *The Logic of Practice*, Stanford University Press, Stanford, CA.
- Butler, J. (2004), *Undoing Gender*, Routledge, New York, NY.
- Chen, X. and Wang, Y. (2021), "Affective asymmetry in Chinese internships: Emotional labor and normative adaptation", *Journal of Intercultural Studies*, 42 (1), 50–65, <https://doi.org/10.1080/07256868.2021.1874290>
- Deardorff, D. K. (2006), "Identification and assessment of intercultural competence as a student outcome of internationalization," *Journal of Studies in International Education*, 10 (3), 241–266, <https://doi.org/10.1177/1028315306287002>
- Foucault, M. (1995), *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*, Vintage Books, New York, NY.
- Gu, Q. and Schweisfurth, M. (2015), "Transnational connections, competences and identities: Experiences of Chinese international students after their return 'home'", *British Educational Research Journal*, 41 (6), 947–970, <https://doi.org/10.1002/berj.3175>

- Hanser, A. (2008), *Service Encounters: Class, Gender, and the Market for Social Distinction in Urban China*, Stanford University Press, Stanford, CA.
- Hochschild, A. R. (2012), *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*, University of California Press, Berkeley, CA.
- Illouz, E. (2007), *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*, Polity Press, Cambridge.
- Jackson, D. (2018), "Challenges in international internships: Employability, cultural adjustment and career development", *Journal of Education and Work*, 31 (2), 213–227, <https://doi.org/10.1080/13639080.2018.1435523>
- Kraidy, M. M. (2005), *Hybridity, or the Cultural Logic of Globalization*, Temple University Press, Philadelphia, PA.
- Madge, C., Raghuram, P. and Noxolo, P. (2015), "Engaged pedagogy and responsibility: A postcolonial analysis of international student mobility", *Geoforum*, 59, 588–598, <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2014.06.005>
- Marginson, S. and Sawir, E. (2011), *Ideas for Intercultural Education*, Palgrave Macmillan, New York, NY.
- Mezirow, J. (1991), *Transformative Dimensions of Adult Learning*, Jossey-Bass, San Francisco, CA.
- Nguyen, M. (2020), "Embodied adaptation in Confucian institutions: Affective dimensions of intercultural learning", *Compare: A Journal of Comparative and International Education*, 50 (4), 530–546, <https://doi.org/10.1080/03057925.2018.1559042>
- Otis, E. M. (2011), *Markets and Bodies: Women, Service Work, and the Making of Inequality in China*, Stanford University Press, Stanford, CA.
- Ricoeur, P. (1981), *Hermeneutics and the Human Sciences*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Sharma, S. and Phung, L. (2019), "Emotional regulation in internships: Navigating cultural expectations", *International Journal of Intercultural Relations*, 72, 41–52, <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2019.06.003>
- Stein, S. (2017), "Decolonial critiques of international education: A critical review", *International Journal of Development Education and Global Learning*, 9 (1), 79–90, <https://doi.org/10.18546/IJDEGL.09.1.07>
- Tavory, I. and Timmermans, S. (2014), *Abductive Analysis: Theorizing Qualitative Research*, University of Chicago Press, Chicago, IL.
- Yang, R. (2020), "Guanxi and workplace rituals: Navigating Chinese professional culture", *Asia Pacific Journal of Education*, 40 (1), 104–118, <https://doi.org/10.1080/02188791.2019.1695098>
- Yang, R. (2021), "Foreign interns and the performance of compliance: Emotion, ritual, and surveillance in a Chinese tech firm", *Asia Pacific Journal of Education*, 41 (1), 59–73, <https://doi.org/10.1080/02188791.2020.1836451>
- Zhao, Y. (2019), "Interning in opacity: Structural asymmetries and emotional regulation in Chinese internships", *Globalisation, Societies and Education*, 17 (2), 122–145, <https://doi.org/10.1080/14767724.2018.1558046>
- Zhao, Y. (2020), "Structural constraints in Chinese internships: The role of guanxi and hierarchy", *Journal of Education and Work*, 33 (2), 142–158, <https://doi.org/10.1080/13639080.2020.1722219>
- Zheng, Y. (2021), "China as a global education hub: Policy, practice, and prospects", *International Journal of Educational Development*, 81, 87–96, <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2020.102379>

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

ABOUT THE AUTHOR:

Leisan R. Khaidarova, PhD Candidate, Faculty of Education, East China Normal University, 3663 North Zhongshan Road, Shanghai, 200062, China; haydarowa.leya@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-4517-9986

ОБ АВТОРЕ:

Хайдарова Лейсан Ринатовна, аспирантка, факультет образования, Восточно-Китайский педагогический университет, 3663 Северная Чжуншаньская дорога, Шанхай, 200062, Китай; haydarowa.leya@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-4517-9986

АРХИВ
ARCHIVE

УДК 27-9

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-9

Ивашина Р. А.¹,
Ткач В. А.²

Храм Вознесения Господня в заштатном городе Богатый
(опыт микроисторической хроники)

¹Белгородская Духовная семинария (с миссионерской направленностью),
Белгородский пр., д. 75, г. Белгород, 308009, Россия;
roman_ivashina@mail.ru

²ул. Алмазная, д. 20, п. Новосадовый, Белгородский р-н.,
Белгородская обл., 308518, Россия;
dgimka5@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты опыта реконструкции церковной микроистории. Несмотря на десятилетия уничтожения документов и артефактов, сохранилось немало источников для восстановления забытой истории церковных храмов и приходов. Многие архивные источники уже оцифрованы и находятся в открытом доступе сети интернет. Яркий пример представляют собой «Курские епархиальные ведомости». Сопоставление и синтез найденного опубликованного и архивного материала позволили воссоздать забытую историю храма Вознесения Господня периода от основания и до рубежа 1917 года в контексте городского прошлого современного села Богатое в Ивнянском районе Белгородской области.

Ключевые слова: заштатный город Богатый; храм Вознесения Господня; священнослужители; церковнослужители; религиозная жизнь; Курские епархиальные ведомости; метрические книги

Для цитирования: Ивашина, Р. А. и Ткач, В. А. (2025), «Храм Вознесения Господня в заштатном городе Богатый (опыт микроисторической хроники)», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (3), 103-115, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-9

R. A. Ivashina¹,
V. A. Tkach²

Church of the Ascension of the Lord in the provincial town of Bogaty
(towards the methodological frontiers of ecclesiastical microhistory)

Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary focus),
75 Belgorodsky Ave., Belgorod, 308009, Russia;
roman_ivashina@mail.ru

² 20 Almaznaya St., Novosadovy village, Belgorodsky District, Belgorod Region, 308518, Russia;
dgimka5@mail.ru

Abstract. This article presents the results of an attempt to reconstruct church microhistory. Despite decades of destruction of documents and artifacts, numerous

sources have survived for reconstructing the forgotten history of churches and parishes. Many archival sources have already been digitized and are publicly available online. A striking example is the "Kursk Diocesan Gazette." A comparison and synthesis of discovered published and archival material allowed us to reconstruct the forgotten history of the Church of the Ascension of the Lord. The period from its founding to the turn of 1917 is reconstructed within the context of the urban history of the modern village of Bogatoye in the Ivnyansky District of the Belgorod Region.

Key words: the provincial town Bogaty; Church of the Ascension of the Lord; clergymen; church ministers; religious life; Kursk Diocesan Gazette; metric books

For citation: Ivashina, R. A. and Tkach, V. A. (2025), "The Church of the Ascension of the Lord in the provincial town of Bogaty (towards the methodological frontiers of ecclesiastical microhistory)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (3), 103-115, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-9

Введение

История храма Вознесения Господня является нераздельной частью истории заштатного города Богатого. В настоящее время это село Богатое в Ивнянском районе Белгородской области. Селение располагается на холме и у его склонов вдоль реки Пена. До начала XX в. прямая дорога из Обояни в Белгород проходила через Богатое – село, затем город. Плодородные почвы и река создавали удобные условия для жизни поселенцев. Наличие холма над рекой позволяло иметь хороший обзор округи для своевременной защиты от возможных опасностей из южных степей.

Трагические события двадцатого века уничтожили прежнюю жизнь, большую часть ее следов, среди прочего и память о храме и о церковной жизни. В нашем исследовании на основе сохранившихся источников восстанавливается дореволюционная история храма и его прихода. В рамках микроисторического подхода проводится анализ найденных документов, где имеются упоминания и описания храма и происходивших событий. Каждое упоминание, имя, статистические данные или небольшое событие позволяют реконструировать обстановку и жизнь общины храма. Основными источниками исследования стали, во-первых, ревизские сказки, где упоминаются священнослужители храма; во-вторых, дела храма из Российского государственного исторического архива (РГИА), Института истории материальной культуры РАН (ИИМК), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Государственного архива Курской области (ГАКО), Курского областного краеведческого музея (КОКМ) и Государственного архива Белгородской области (ГАБО), в которых отражены текущие проблемы храма; в-третьих, метрика храма и клировая ведомость, где представлена общая информация о материальном положении храма; в-четвертых, издания «Курских епархиальных ведомостей» (КЕВ), где находим информацию о священнослужителях и некоторых событиях в жизни прихода; в-пятых, метрические книги, где зафиксированы имена священнослужителей и совершаемые в храме таинства; в шестых, периодические издания, где содержатся общие статистические сведения о храме и селении. Хронологически исследование стремилось охватить целостную историю от зарождения и до революции 1917 года, после которой храм был закрыт, а вскоре и разрушен.

О времени возникновения храма «Метрика» 1887 г., состоящая из опросных листов, сообщает: «ни достоверных сведений, ни народных преданий об основании церкви нет» (РО НА ИИМК РАН. Р-III. Оп. 1. Д. 2680. Л. 1 об). Период с начала XVIII в. и до середины XIX в. удастся реконструировать на основе фрагментарных сведений.

Первые сведения о населенном пункте Богатое в статусе села встречаются в архивных перечнях южнорусских уездов за 1688 г. Использование термина «село» в официальных документах этого периода указывает на существование в поселении церковного прихода.

В историческом документе «1-я Ревизская сказка» за 1720 г. содержится упоминание о «селе Богатом», где сообщается о Вознесенском храме с конкретными данными о клире: «поп Анисим 58 лет, ... Поп Иосиф 47 лет» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1283. Л. 97). Этот источник является первым свидетельством о существовании в селении храма.

В житии святителя Иоасафа сообщается, что в 1752 г. он оплатил сыну церковнослужителя из села Богатого Савелию Кошлакову обучение в г. Харькове (см.: Иоасаф, 1752). Так же сообщается, что святитель Иоасаф «часто обозревал свою епархию» (КЕВ, 1905, № 35-36) и посетил все приходы. Отсюда следует, что он посетил село Богатое минимум один раз.

При получении Богатым в 1780 г. статуса города храм становится соборным и состоит в разряде двухкомплектных.

В государственном архиве Курской области хранятся метрические книги храма Вознесения Господня начиная с 1776 г., на основе которых можно составить список священнослужителей:

священник Тимофей Ильич Кошлаков (1776–1787 гг.) (ГАКО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 17);

диакон Иоанн Кошлаков (1783–1786 гг.) (ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 2642);

священник Федор Кузьмич Кошлаков (1781–1788 гг.) (ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 206.);

протопоп Василий Александрович Иванов (1782 г.) (ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 2642.);

священник Елисей Вороновский (до 1787 г.)

священник Стефан Кириллович Соловьев (ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 2642.).

В «Ведомости к генеральному плану Богатинского уезду» (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 566), датируемой 1785 г., сообщается: «в предместье города находились: деревянная церковь во имя Вознесения Господня» (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 566.), что означает наличие храма в черте города в конце XVIII в. Второй источник этого же года «Описание Курского наместничества» содержит краткое, но всестороннее статистическое описание города Богатый: «Строение в городе: всё деревянное, церковь 1» (Ларионов, 1786). Это описание позволяет представить, как выглядело селение и каков был быт его жителей в конце XVIII в.

В разработанном в 1785 г. «Прожектированном плане города Богатого» (Атлас, 1785) черным крестом отмечена существующая деревянная соборная церковь (рис. 1). К югу от нее двумя крестиками красного цвета помечены проектируемые каменные храмы. Несмотря на активное развитие Богатого в этот период, включая рост церковной инфраструктуры, возведение каменных церквей так и не состоялось, и причины этого остаются неясными.

В аспекте образовательного уровня священнослужителей периода конца XVIII в. о клире Вознесенской церкви сообщается следующее: «в соборной церкви оба протоиерея были с богословским образованием» (КЕВ, 1899, № 27). Предположительно, речь идет о ранее упомянутых священнослужителях, благочинном протопопе Стефане Соловьеве и священнике Тимофее Кошлакове, что подчеркивает высокий статус местного клира.



Рис. 1. Проектный план города Богатого в Атласе Курской губернии 1875 г.
Fig. 1. Project plan of the city of Bogaty in the Atlas of Kursk Province, 1875

К концу XVIII в. церковь обветшала, и в 1794 г. была построена новая (ГАКО. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 532. Л. 10.). Самое раннее описание этой церкви датируется 1844 г.: «Построена в 1794 году тщанием прихожан. Зданием деревянная, на каменном фундаменте, с полукаменной колокольнею, крыша покрыта железом, ограда деревянная» (ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 2645) (рис. 2).

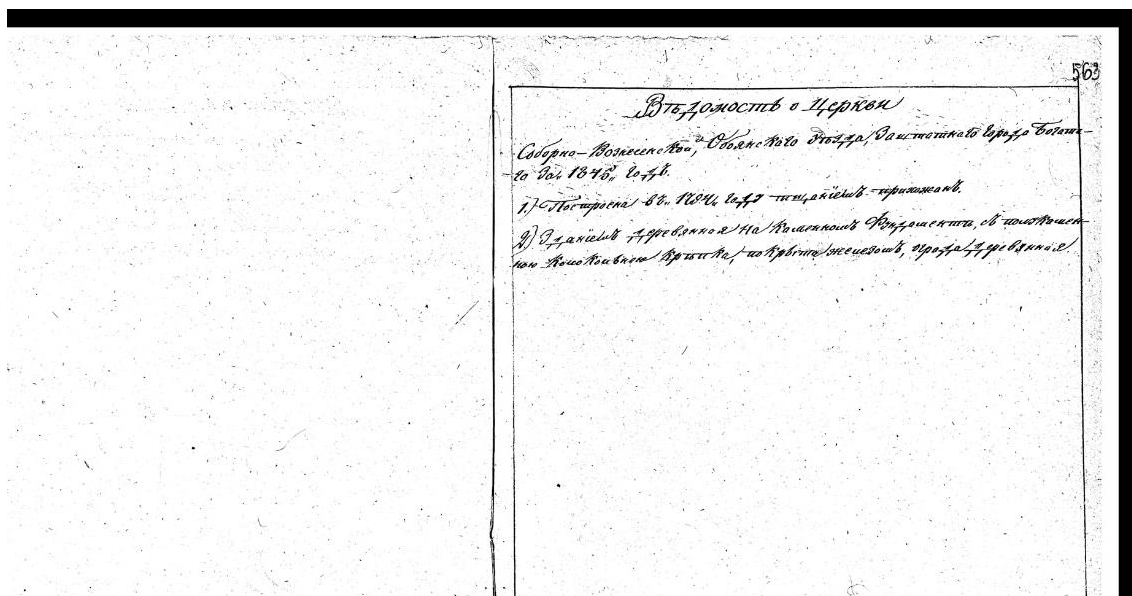


Рис. 2. Запись об обновленном здании Вознесенской церкви (ГАКО)¹
Fig. 2. Record of the renovated building of the Ascension Church
(State Archives of the Kursk Region)

Текст 5-й ревизии, датируемой 16 марта 1795 г., сообщает: «Вознесенская трехприходная соборная церковь находящиеся при ней в действительном служении протопоп Василий Иванов сын Александрович, священники: присутствующий Стефан Кириллов сын Соловьев и Тимофей Ильин сын Кошлаков» (ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 206. Л. 177-180.). Исходя из описания, церковь имеет статус соборной, где совершают служение три священника: один протопоп и два священника.

На основе сохранившихся метрических книг удастся составить список священнослужителей церкви первой половины XIX в.:

благочинный протопоп Стефан Кириллович Соловьев (1788–1835);

священник Александр Тимофеевич Кошлаков (1802–1823);

священник Василий Стефанович Соловьев (1823–1845), в период с 1835 по 1845 г. упоминается в должности благочинного;

священник Павел Семенович Федюшин (1818–1837) (ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 749. Л. 26-33об.);

диакон Гавриил Андреевич Кошлаков (1834);

диакон Петр Алексеевич Кошлаков (1834) (ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 749. Л. 26-33об.);

священник Петр Курасовский (1833–1845) (ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 2642, 2644, 2645.);

священник Стефан Тимофеевич Попов (1835–1845) (ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 2642, 2644, 2645.).

Священник Павел Семенович Федюшин, имея пятерых сыновей и двух дочерей, в 1835 г. (по записям метрических книг 1837 г.) отправился с семьей на служение в Тобольскую епархию. Причиной перевода стали невысокие доходы, на которые ему было не просто содержать многодетную семью. Известно, что двое сыновей, родившихся еще в Богатом, стали священниками: протоиерей Алексей и протоиерей Матфей, и много лет прослужили в Тобольской епархии (см.: ТЕВ, 1897, № 3).

¹ ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 2645. Метрическая книга Вознесенской церкви города Богатый за 1845 г. (лист, вшитый между главой о записи браков и главой о записи умерших).

Необходимо отметить, что с периода пребывания на Белгородской кафедре святителя Иоасафа (Горленко) (1748–1754 гг.) и до 1840-х гг. в архивных документах упоминаются священно- и церковнослужители с фамилией Кошлаковы. Около 100 лет представители династии Кошлаковых совершали в храме служения.

После утверждения Богатого в статусе города (1788 г.) было создано Богатенское благочиние с центром в Вознесенской церкви, упраздненное в 1845 г. Благочинным являлся настоятель храма.

30 ноября 1844 г. архиепископ Курский и Белгородский Илиодор подает в Святейший Синод донесение, которое рассматривается 8 декабря 1844 г. В донесении ставился вопрос об изменении статуса Вознесенской церкви с соборной на приходскую, так как «в заштатных городах соборам быть не положено» (РГИА. Ф. 796 Оп. 125. Д. 1717. Л. 7 об.). Штат церкви в это время был таков: «Протоиерей, два Священника, Диакон и четыре причетника» (РГИА. Ф. 796. Оп. 125. Д. 1717. Л. 9 об.). Прихожане делились по ведомствам:

«а) Военному и дворянскому 43.

б) Купеческому и мещанскому 136.

в) Государственных крестьян 694.

г) Подданных малороссиян 724.

Итого 1597» (РГИА. Ф. 796. Оп. 125. Д. 1717. Л. 10, 13, 13 об.).

Сообщались также иные статистические сведения: «При Богатенской Вознесенской приходских дворов 399, в них мужского пола 1597, женского 1652 души, земли 60 десятин, да отведенной до 1835 года 30 четвертин» (РГИА. Ф. 796. Оп. 125. Д. 1717. Л. 1 об.).

Архиепископ Илиодор предлагает сократить штат до: «2-х священников, 1-го диакона, 2-х дьячков, и 2-х пономарей» (РГИА. Ф. 796. Оп. 125. Д. 1717. Л. 3 об.). 30 декабря 1844 г. в Святейшем Синоде потребовали сведения о наличии в заштатном городе Богатый других церквей, помимо Вознесенской, и какой прежний штат существовал при церкви до внесенных предложений об изменениях, и к каким ведомствам и состояниям (сословиям) принадлежат прихожане церкви (РГИА. Ф. 796. Оп. 125. Д. 1717. Л. 8 об.).

7 февраля 1845 г. архиепископ Илиодор сообщает, что «в Богатом существует только одна Вознесенская церковь, для которой предполагается учредить новый штат» (РГИА. Ф. 796. Оп. 125. Д. 1717. Л. 12 об.). Прежний штат состоит из: «протоиерей, два священника, диакон, два дьячка и два пономаря» (РГИА. Ф. 796. Оп. 125. Д. 1717. Л. 9 об., 13.).

8 февраля 1845 г. на повторном слушании в Святейшем Синоде Архиепископ Илиодор предлагал сделать «причт из двух священников, диакона и четырех причетников». Рассмотрев предложение и учитывая полученные сведения о храме и прихожанах церкви заштатного города Богатый, которые «принадлежали большею частью к сельскому подушному состоянию» (РГИА. Ф. 796. Оп. 125. Д. 1717. Л. 11.), «Святейший Синод не усматривает достаточного основания учреждать» причт в том составе, в каком «предназначает Епархиальное начальство» (там же).

9 февраля 1845 г. Святейший Синод резолюцией «представление Архиепископа Курского» «оставил без исполнения» (РГИА. Ф. 796. Оп. 125. Д. 1717. Л. 14.). Принято решение «ввести в действие штат Сельских причтов» (там же) в составе: «При Вознесенской церкви заштатного г. Богатого, которая вместе с сим также обращается в приходскую, назначить причт из 2-х Священников, 1-го Диакона, 2 Дьячков и 1-го пономаря» (РГИА. Ф. 796. Оп. 125. Д. 1717. Л. 11 об.). С этого времени исчезает из источников упоминание о Богатенском благочинии.

Реконструкция указанных событий основана на разрозненных материалах. С 1871 г. систематическую информацию о религиозной жизни уездного города Богатый удается

восстанавливать благодаря публикациям в газете «Курские епархиальные ведомости», выпуск которой продолжался до 1918 г.

Согласно данным за 1873 г., при Вознесенской церкви числились: «настоятель 1, его помощник 1, псаломщиков 2» (КЕВ, 1873, № 17). В том же году Святейший Синод рассмотрел дело о хищении средств из церковной кассы: «Из означенной Вознесенской церкви, через поднятие в окне рамы неизвестно когда и кем похищено из сундука 164 руб. 64 коп. серебром церковных денег». Решением Синода курскому епископу предписали провести расследование инцидента: «а) почему в упомянутой церкви вопреки циркулярным указам Святейшего Синода от 29 октября 1865 года и 15 октября 1869 года хранилось денег более 100 рублей, б) по какой именно причине причт и староста этой церкви покрываются неизвестностью о времени покражи денег из церкви, когда по силе Выс. утв. 17 Апреля 1808 г. Инструкц. церковн. старост ст. 9 освидетельствование церковных сумм должно производиться непременно по прошествии каждого месяца, и в) какое распоряжение сделано со стороны Епархиального начальства по несоблюдению причтом и старостою означенной церкви изложенных в приводимых указах Св. Синода правил» (РГИА. Ф. 796. Оп. 154. Д. 1499. Л. 2.).

Согласно ведомости «о назначении пособия лицам, о коих ходатайства поступили с 11 октября 1890 года по 25 марта 1891 года» (КЕВ, 1891, № 47), где упоминается вдова священника Лариса Введенская из заштатного города Богатого, следует, что до 1878 г. в Вознесенской церкви служил священник с фамилией «Введенский».

Священнослужители и церковнослужители:

священник Василий Воздвиженский (? – 20 января 1882 – 14 февраля 1889) (КЕВ, 1832, № 3, 7);

священник Иоанн (Иаков) Огнивцев (16 февраля 1889 – 11 Ноября 1905) (КЕВ, 1906, № 26);

священник Феодор Введенский (27 декабря 1905 – 1917 – ?);

диакон Яков Булгаков (? – 1890 – ?);

диакон Иоанн Фильшин (13 июня 1907 – 1917 – ?) (КЕВ, 1907, № 24);

псаломщик Матфий Гудимов (5 апреля 1908 – 1917 – ?) (КЕВ, 1908, № 32).

В 1887 г. Воздвиженский возглавил список шести священнослужителей епархии, которых рекомендовали к награждению «установленными для духовенства знаками отличия» (КЕВ, 1887, № 13), решение мотивировали «в уважение одобрительной аттестации» (КЕВ, 1887, № 13). Этот факт подчеркивает высокую оценку его служебной деятельности.

В этом же 1887 г. священник Василий Воздвиженский заполнил метрику, благодаря чему можно восстановить часть утраченной истории этой церкви. В документе подробно описываются внешние характеристики строения. В остальном, храм святынь и иных ценностей не имел (РО НА ИИМК РАН. Р-III. Оп. 1. Д. 2680) (рис. 3).

1

389

МЕТРИКА

для получения вѣрныхъ свѣдѣній о древне - православныхъ храмахъ
Божіихъ, зданіяхъ и художественныхъ предметахъ.
Курской Губерніи, Обоянского уѣзда, Замѣтлинскаго города Божіаго

Вопросы:	Ответы:
I. Исторія церквей, монастырей и ихъ мѣстоположеніе.	
1) Во имя какого святаго монастырь или церковь описываемая?	<i>Во имя Воздвиженія Божіаго.</i>
2) Если описывается монастырь, то сколько въ немъ церквей и другихъ зданій? (Каменные постройки по 1700-ый, а деревянные до 1764-ый годъ, считать отдѣльно.)	<i>Въ замѣтлинскомъ городѣ Божіаго судовъ одно деревянная постройка на въ 1791-й годъ. тогда снесена уничтожена.</i>

1

Воздвиженскому

Рис. 3. Первая страница «Метрики», заполненной в январе 1887 г. священником
Воздвиженской церкви Василием Воздвиженским².

Fig. 3. The first page of the “Metrica”, filled out in January 1887 by the priest of the Church
of the Exaltation of the Cross, Vasily Vozdvizhensky.

² РО НА ИИМК РАН. Р-III. Оп. 1. Д. 2680.

На приходе случались и скандальные ситуации, в результате чего на священника наложили епитимию и перевели на другой приход. Священник Василий Воздвиженский недобросовестно совершал богослужения по причине злоупотребления алкоголем, за что 14 февраля 1889 г. «на основании 187 и 191 статьи устава духовной консистории, навсегда удален от занимаемого им в том приходе места, с тем, чтобы по отбытии наложенной епитимии, подал прошение об определении в другой приход» (КЕВ, 1889, № 7).

Через два дня, 16 февраля 1889 г. вакансия была закрыта: «священник села Сырцева Обоянского уезда Иоанн Огнивцев перемещен, согласно прошению, в заштатный город Богатый» (КЕВ, 1889, № 8).

В 1890 г. в Богатом освящена новая церковь, построенная так же из дерева (ГАБО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 45. Л. 150.). При этом в официальном издании епархии («Курских епархиальных ведомостей») не сохранилось сведений о проведении обряда освящения храма архиереем. Вероятно, чин освящения церкви был совершен благочинным округа или кем-то из местных священнослужителей.

В «Курских епархиальных ведомостях» сообщается о планах епископа Курского Иустина совершить в мае и июне 1890 г. объезд приходов. Объезд 12 мая завершился остановкой с ночлегом в Богатом (КЕВ, 1890, № 16).

В «Справочнике по приходам Курской епархии» сообщается, что в числе клира должность псаломщика занимал Василий Соловьев (Справочная тетрадь ..., 1890). Из списка следует, что в храме служение на должности псаломщика исполнял один из потомков династии Соловьевых, которые в первой половине XIX в. служили здесь же.

Епископ Курский Иустин 31 января 1891 г. для проверки церковных сумм из числа прихожан храма утвердил «мещанина Николая Марьенкова и крестьянина Илью Мухина» (КЕВ, 1891, № 7). В соседних населенных пунктах аналогичные должности занимали исключительно крестьяне, что подчеркивает специфику сословного состава прихожан в Богатом.

На 1898 год Вознесенская церковь относилась к 5-му округу, штат состоял из 1 священника, 1 диакона и 1 псаломщика. Жил священник в церковном деревянном доме. К храму относились 3 деревни. Отсюда следует, что после 1845 г. штат сократился с двух до одного священника (Справочная тетрадь ..., 1898).

В 1902 г. издается сборник «Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии», в котором ничего не сообщается о святынях, хранящихся в Вознесенской церкви (см.: Златоверховников, 1902).

11 ноября 1905 г. умирает священник Иаков Огнивцев (КЕВ, 1906, № 26), и на вакантное место 27 декабря 1905 г. назначается священник Феодор Введенский (КЕВ, 1907, № 1). Настоятелем храма он был до самой революции 1917 года (ГАКО. Ф. 483. Оп. 1. Д. 22. Л. 49-50.). Более полутора месяцев храм был без настоятеля. Учитывая, что новый настоятель имеет такую же фамилию, как и священник, который служил в этом храме до 1878 г., есть основания предположить, что священник Федор Введенский – сын, или внук, или родственник священнику, который служил здесь ранее, и, весьма вероятно, похоронен на кладбище около церкви. 28 января 1906 г. священник Феодор Введенский назначается законоучителем в Богатенском народном училище (КЕВ, 1906, № 7-8), что свидетельствует об уровне образования нового настоятеля. Священник Федор Введенский активно включился в жизнь прихода.

Епископ Белгородский Иоанникий в рамках объезда церквей Обоянского уезда в воскресный день 22 июня 1908 г. приезжает в заштатный город Богатый, где совершает вечернее богослужение и ночует. На следующий день он совершает Божественную литургию (КЕВ, 1908, № 25). Примечательно, что во время архипастырского визита по уезду епископ отслужил Всенощное бдение и Литургию только в двух храмах – в селе Верхопенье и в

Богатом. По итогам инспекции священник Фёдор Введенский получил рекомендацию к поощрению «за ревностное пастырское служение, педагогические труды и попечение о благоустройстве церкви и школы» (КЕВ, 1910, № 8), что свидетельствует об очень добросовестном исполнении им своих обязанностей.

17 июня 1910 г. специально собранной комиссией в церкви была проведена «Страховая оценка» (РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 760. Л. 5-5 об.). Благодаря этим документам удастся узнать подробности о материальном положении церкви заштатного города Богатый.

В состав Курского миссионерско-просветительного братства периода 1914–1916 гг. входили представители духовенства из Богатого, что свидетельствует об активной просветительской деятельности на приходе (КЕВ, 1914, № 47; 1916, № 3-4).

В дореволюционной России существовала должность епархиального миссионера, в задачи которого входила антисектантская деятельность. В одном из отчетов за 1915 г. о храме в заштатном городе Богатый находим следующее: «сильная пропаганда (баптистов) наблюдалась в слободе Венгеровке и отчасти в заштатном городе Богатом» (КЕВ, 1917, № 4-5). Упоминается имя баптиста Ивана Черкашина, который вел активный спор с епархиальным миссионером (КЕВ, 1917, № 6-7). Из совокупности фактов следует, что священнослужители храма вели активную просветительскую деятельность, но ее было недостаточно, что вызвало необходимость привлечения более компетентных в этом деле священнослужителей из епархии.

«Клировая ведомость Вознесенской церкви г. Богатого», составленная в 1917 г., служит важным источником для изучения дореволюционной истории храма, фиксируя его состояние накануне радикальных социальных преобразований. Согласно документу, здание церкви, возведенное в 1890 г. на средства прихожан, представляло собой деревянную конструкцию на каменном фундаменте с комбинированной (деревянно-каменной) колокольной и железной кровлей. Интересно, что данное описание практически дублирует характеристики предыдущего храма, построенного в 1794 г., что указывает на преемственность архитектурных традиций.

В храме имелась вся необходимая утварь, а штат включал священника, диакона и псаломщика. Церкви принадлежало 66 десятин усадебной земли с погостом в трех верстах от здания, тогда как жилые дома клира находились в частной собственности. Из хозяйственных построек упомянута лишь деревянная сторожка, в которой размещалась церковная школа с 210 учащимися (140 мальчиков и 70 девочек). Документация храма включала опись имущества (ведется с 1857 г., проверена в 1909 г.), метрические книги (с 1790 г.) и исповедальные росписи (с 1794 г.). Библиотека насчитывала 38 томов, а образовательная инфраструктура прихода состояла из земской и церковно-приходской школ. Церковным старостой с 1905 г. значился С.Н. Марьенков. Финансовое состояние храма характеризовалось как стабильное, без указания на дефицит доходов (ГАКО. Ф. 483. Оп. 1. Д. 27. Л. 47-48.).

Послужные списки священнослужителей содержат подробную информацию о причте храма, включая возраст, образование, награды, год назначения в Вознесенскую церковь, информацию о детях и имуществе. Согласно этим документам, до закрытия прихода последние точно известные имена служителей: священник Федор Введенский (возраст 51 год), диакон Иоанн Иоаннов Фильшин (возраст 38 лет), псаломщик Матвей Федорович Гудимов (возраст 41 год).

Фотографий храма найти не удалось. В фондах Курского государственного краеведческого музея сохранилась зарисовка заштатного города периода начала XX века, на ней имеется и изучаемая Вознесенская церковь (рис. 4).



Рис. 4. Фотография рисунка города Богатого, на котором виден храм Вознесения Господня³
Fig. 4. Photograph of a drawing of the city of Bogaty, in which the Church of the Ascension of the Lord is visible

Как поясняют сотрудники Курского краеведческого музея, информация о том, когда был сделан сам рисунок, в учетной документации отсутствует. В коллекции имеется несколько фотографий подобных рисунков, все они поступили в музей в начале прошлого века. После войны книги поступлений были переписаны, и в строке источник поступления у этих предметов значится: из старых поступлений (то есть принято в музей в первые годы его существования). Кроме названия никакой информации об этой фотографии нет.

Храм в левой части рисунка – это описываемая в статье церковь с. Богатое. Почти по центру вдаль виднеется еще один храм. В Богатом храм был один, поэтому, вероятней всего, это храм села Вышние Пены, которое находится на противоположном холме через луг. Нам встретилась информация, что этот храм сгорел 15 августа 1908 г. (КЕВ, 1908, № 35: 667). О постройке другой церкви в Вышних Пенах сведений не найдено, и вряд ли храм был быстро восстановлен, а значит, по-видимому, рисунок на фото сделан до августовского 1908 г. пожара.

* * *

Сохранившиеся источники позволяют временами фрагментарно, тем не менее, более-менее полно воссоздать забытую историю храма. Храм в Богатом существовал практически с момента основания селения и развивался совместно с ним: от приходского к соборному и центру благочиния в уездном Богатом, а после вернулся к статусу приходского в заштатном городе. В храме в разные периоды совершали служение две семейные династии, Кошлаковы и Соловьевы. Уровень образования священнослужителей был неплохой, хотя никто духовную академию не оканчивал. За редкими исключениями, священнослужители добросовестно

³ Предмет № КОКМ 10682 ГК 55370775 «Фото Заштатный город Богатый. Курская губерния. 1-я пол. XX в. Фотобумага. 16x28 см». Фонд хранения «Фотографии» Курского областного краеведческого музея.

выполняли свои служебные обязанности, а также активно занимались образовательной и воспитательной деятельностью. Точно известно, что до революции 1917 г. было построено три церкви, все деревянные, раз в столетие храм перестраивали по причине обветшания. Не исключено, что в XVIII в. была еще одна церковь. В плане архитектуры храмы были очень похожи. Уникальных вещей или святынь в храме не имелось, но ко времени закрытия в начале XX в. храм был полностью укомплектован богослужебной утварью, имелась обширная библиотека и сохранились все метрические книги, что свидетельствует о добросовестности священно- и церковнослужителей.

Источники

- Атлас Курской губернии 1785 года.
ГАБО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 45.
ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 2645.
ГАКО. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 532.
ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 206.
ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 2642, 2644, 2645.
ГАКО. Ф. 483. Оп. 1. Д. 22.
ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 749.
Златоверховников, Н. И. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии / Описал Н.И. Златоверховников. Курск: Кур. губ. стат. ком., 1902.
Курские епархиальные ведомости. Часть официальная. 1873, № 17; 1882, № 3; 1882, № 15; 1882, № 16; 1887, № 16; 1888, № 15; 1889, № 7; 1889, № 8; 1890, № 16; 1891, № 5; 1891, № 7; 1891, № 47; 1892, № 49; 1894, № 12; 1899, № 27; 1905, № 35-36; 1906, № 1; 1906, № 3-4; 1906, № 7-8; 1906, № 9; 1906, № 26; 1907, № 24; 1908, № 25; 1908, № 32; 1908, № 35; 1909, № 2; 1910, № 8; 1911, № 25; 1911, № 38; 1914, № 3; 1914, № 47; 1916, № 3-4; 1917, № 4-5; 1917, № 6-7.
Ларионов, С. И. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нём известий вкратце собранное. Москва: вольная типография Пономарёва, 1786.
Метрика для получения верных сведений о древне-православных храмах Божиих, зданиях и художественных предметах. Храм во имя Вознесения Господня, Курской губернии Обоянского уезда заштатного города Богатого (январь, 1887 г.) // РО НА ИИМК РАН. Р-III. Оп. 1. Д. 2680.
Предмет № КОКМ 10682 ГК 55370775 «Фото Заштатный город Богатый. Курская губерния. 1-я пол. XX в. Фотобумага. 16х28 см». Фонд хранения «Фотографии» ОБУК «Курский областной краеведческий музей»
РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1283.
РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 566.
РГИА. Ф. 796. Оп. 125. Д. 1717.
РГИА. Ф. 796. Оп. 154. Д. 1499.
РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 760.
Росписание городских и сельских приходов церквей и причтов Курской епархии. 1887 год.
Справочная тетрадь о церквях Курской епархии и составе их причтов. Курск. Типография Губернского правления, 1890.
Справочная тетрадь о церквях Курской епархии и составе их причтов. Курск. Типография бр. Н. и И. Ваниных, 1898.
Тобольские епархиальные ведомости. Тобольск, 1 февраля 1897 года, выпуск № 3. С. 19-26.
Указ Св. Иоасафа от 15 октября 1752 года № 348.

Sources

- Atlas of Kursk province in 1785*, (in Russ.).
Zlatoverkhovnikov, N. I. (1902), *Ancient and modern monuments and other sights of Kursk province*, Kursk (in Russ.).
Kursk Diocesan Gazette. The official part. 1873, No 17; 1882, No 3; 1882, No 15; 1882, No 16; 1887, No 16; 1888, No 15; 1889, No 7; 1889, No 8; 1890 No 16; 1891, No 5; 1891, No 7; 1891, No 47; 1892, No 49; 1894, No 12; 1899, No 27; 1905, No 35-36; 1906, No 1; 1906, No 3-4; 1906, No 7-8; 1906, No 9; 1906,

No 26; 1907, No 24; 1908, No 25; 1908, No 32; 1908, No 35; 1909, No 2; 1910, No 8; 1911, No 38, 1911, No 25; 1914, No 47; 1914, No 3; 1916, No 3-4; 1917, No 4-5; 1917, No 6-7.

Larionov, S. I. (1786), *The description of the Kursk governorate from ancient and new various news about it is briefly collected*. Moscow, (in Russ.).

A metric for obtaining accurate information about ancient Orthodox churches, buildings, and artistic objects. The Church of the Ascension of the Lord, Kursk Province, Oboyansky Uyezd, the provincial town of Bogaty (January 1887).

Painting of urban and rural parishes of churches and parishes of the Kursk Diocese. (1887), (in Russ.).

Photo A small town Rich. Kursk province. 1st floor. 20th century. Photo paper. 16x28 cm. Kursk Regional Museum of Local Lore.

A reference book about the churches of the Kursk diocese and the composition of their clergy. (1898), Printing house of brothers Nikolai and Ivan Vanin, Kursk, (in Russ.).

Tobolsk Diocesan Gazette. The official part. 1. 02. 1897, No 3.

The Decree of St. Joasaph, dated October 15, 1752, No 348, (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Ивашина Роман Анатольевич, кандидат философских наук, преподаватель кафедры библеистики и богословия, Белгородская Духовная семинария (с миссионерской направленностью), пр. Белгородский, д. 75, г. Белгород, 308009, Россия; roman_ivashina@mail.ru

Ткач Виктория Анатольевна, магистр теологии, свободный исследователь, ул. Алмазная, д. 20, п. Новосадовый, Белгородский р-н., Белгородская обл., 308518, Россия; dgimka5@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Roman A. Ivashina, Candidate Of Philosophical Sciences, Lecturer, Department of Biblical Studies and Theology, Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary focus), 75 Belgorodsky Ave., 308009, Belgorod, Russia; roman_ivashina@mail.ru

Victoria A. Tkach, Master of Theology, a Independent Researcher, 20 Almaznaya St., Novosadovy village, Belgorodsky District, Belgorod Region, 308518, Russia; dgimka5@mail.ru

MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК: 070

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-1-0

Карпенко И. И.¹,
Меринов В. Ю.²

Пути минимизации деструктивного влияния
искусственного интеллекта на современную журналистику

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Российская Федерация,
KarpenkoIrina@bsuedu.ru

²Российский государственный университет социальных технологий,
ул. Лосиноостровская, д. 49, стр. 2, г. Москва, 107150, Российская Федерация;
v.merinov@rgust.ru

Аннотация. Критический взгляд на практику применения технологий традиционного и генеративного искусственного интеллекта в работе современных медиа дает возможность выявить проблемы, опасности и риски при его бесконтрольном использовании. В статье рассматриваются четыре группы проблем, с которыми сегодня сталкиваются современные медиа при работе с нейросетевыми моделями: качество и достоверность контента (публикация поверхностных или ошибочных медиаматериалов с элементами нейросетевых галлюцинаций, намеренное или ненамеренное распространение фейков и дипфейков), экономические и профессиональные риски (угроза сокращения рабочих мест), этические и правовые вопросы (неосведомленность аудитории о том, что СМИ публикуют сгенерированные ИИ материалы, нарушение авторских прав нейросетевыми моделями при генерации изображений, видео- и аудиоматериалов), потеря доверия аудитории к СМИ. Предлагаются пути решения обозначенных проблем через применение внутрицехового саморегулирования, реализации медиаобразовательного потенциала СМИ и повышения роли человека в производстве медиаконтента.

Ключевые слова: искусственный интеллект; ИИ; генеративные технологии; традиционный ИИ; нейросеть; журналистика; медиа

Для цитирования: Карпенко, И. И. и Меринов, В. Ю. (2025), «Пути минимизации деструктивного влияния искусственного интеллекта на современную журналистику», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (3), 116-124, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-1-0

I. I. Karpenko¹,
V. Yu. Merinov²

How to Minimize the Destructive Influence of Artificial Intelligence on Modern Journalism

¹Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation;
KarpenkoIrina@bsuedu.ru

²Russian State University of Social Technologies,
bld. 2, 49 Losinoostrovskaya St., Moscow, 107150, Russian Federation;
v.merinov@rgust.ru

Abstract. A critical look at the practice of using traditional and generative artificial intelligence technologies in the work of modern media makes it possible to identify problems, dangers and risks associated with its uncontrolled use. The article considers four groups of problems that modern media face today when working with neural network models: quality and reliability of content (publication of superficial or erroneous media materials with elements of neural network hallucinations, intentional or unintentional distribution of fakes and deepfakes), economic and professional risks (threat of job cuts), ethical and legal issues (audience unawareness that the media publishes AI-generated materials, copyright infringement by neural network models when generating images, video and audio materials), loss of audience trust in the media. The article suggests ways to solve the identified problems through the use of internal self-regulation, the implementation of the media educational potential of the media and an increase in the role of a person in the production of media content.

Keywords: artificial intelligence; AI; generative technologies; traditional AI; neural network; journalism; media

For citation: Karpenko, I. I. and Merinov, V. Yu (2025), “How to Minimize the Destructive Influence of Artificial Intelligence on Modern Journalism”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (3), 116-124, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-1-0

Введение

За последние три года, с момента выхода в свет в 2022 году ChatGPT, современная журналистика столкнулась с рядом вызовов и беспрецедентных изменений, каких не испытывала за всю свою многовековую историю. Искусственный интеллект (ИИ), и прежде всего генеративный его тип, предоставил современным медиа целый спектр перспективных направлений развития: генерация текстов и иллюстративного материала (как статичного, так и динамичного), системы анализа данных, создание виртуальных аватаров, верификация контента посредством анализа больших объемов данных и многое другое – все это изменило традиционные подходы к созданию и распространению медиаконтента. Однако стоит отметить, что эйфория, которую испытал медиамир, только приняв в свою профессиональную деятельность технологии ИИ, сегодня уже сошла на нет. Теоретики и практики медиа активно обсуждают негативные последствия от повсеместного внедрения ИИ в деятельность современных СМИ (Болдина, 2024; Дзялошинский, 2022; Арсентьева, Морозова, 2021; Гурушкин, 2024 и др.). Наряду с повышением эффективности журналистики возникают и серьезные проблемы: снижение доверия к медиа, рост объема фейковых новостей, угроза замены человеческого труда машинным и многое другое. В связи с этим актуальной задачей

становится разработка мер, позволяющих минимизировать деструктивное влияние ИИ на журналистику.

Основная часть

Проблемы, с которыми столкнулась современная журналистика при тотальном внедрении технологий искусственного интеллекта на разных уровнях профессии, можно разделить на пять групп.

1. **Качество и достоверность контента** являются основными и наиболее важными проблемами внедрения генеративных технологий искусственного интеллекта в работу современных медиа. К сожалению, соблазн упростить работу с текстом, переложить обязанности по его написанию на машину и тем самым ускорить производственные процессы подвигает журналистов все чаще обращаться в своей работе к генеративным моделям. По результатам исследования крупнейшей в России медиакраудсорсинговой компании Pressfeed, «66 % журналистов и 48 % экспертов СМИ прибегают к помощи нейросетей при подготовке контента для СМИ»¹. В этом контексте следует подчеркнуть, что бесконтрольное и тотальное использование генеративных моделей может спровоцировать лавинообразное распространение *поверхностных или ошибочных медиаматериалов*. Нейросети, и особенно бесплатные и плохо обученные, но более доступные модели, могут создавать тексты без глубокого анализа, что снижает ценность медиаконтента. Также исследователи отмечают такие проблемы, как «ограниченность тематики, шаблонность текстов, затратность внедрения и поддержки технологий» (Бейненсон, 2020: 297).

Другой важной проблемой в контексте качества ИИ-журналистики является *распространение фейков и дипфейков*. Генеративные технологии, при всей своей уникальности и перспективности, активно используются для создания разного рода дезинформации. Широко известный фейк о пророческой цитате из отчета Европола, Агентства Европейского союза по сотрудничеству в правоохранительной сфере, о том, что «к 2026 году до 90 процентов онлайн-контента может быть создано с использованием искусственного интеллекта», активно подхваченный мировыми СМИ, демонстрирует кризис критического мышления современных журналистов на фоне чрезмерного увлечения сенсациями и трендами. Вместе с тем «Facing reality? Law enforcement and the challenge of deepfakes» дает ценные рекомендации о том, какими способами можно подобный контент идентифицировать. Для этого могут быть использованы три основных типа мер: ручное обнаружение, автоматизированное обнаружение и превентивные меры.

Ручное обнаружение подразумевает под собой анализ несоответствий и артефактов. «Это трудоемкая задача, которую можно выполнить лишь для очень ограниченного числа файлов, и требует соответствующей подготовки для понимания всех соответствующих признаков»². В ряду таких несоответствий или артефактов в документе упоминаются: размытость по краям лица, отсутствие моргания, отражение света в глазах, несоответствия в волосах, рисунке вен, шрамах и т. д., несоответствие фоном и визем на видео, отсутствие корреляции между движением лица и движением головы, несоответствия в фоне, в теме, а также в фокусе, глубине и др.

Автоматизированное обнаружение дезинформации подразумевает под собой использование программного обеспечения, способного сканировать любой цифровой контент

¹ 48 % экспертов СМИ и 66 % журналистов используют нейросети для подготовки материалов для СМИ // cnews. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2023-07-18_48_ekspertov_smi_i_66_zhurnalistov (дата обращения 06.08.2025).

² Facing reality? Law enforcement and the challenge of deepfakes // Europol. URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-events/publications/facing-reality-law-enforcement-and-challenge-of-deepfakes> (date of access: 12.08.2025).

и автоматически выдавать заключение о его подлинности. Однако подобный способ только на первый взгляд кажется идеальным. Подобные программные продукты, разрабатываемые сегодня, в том числе компаниями Facebook³ и McAfee, работают также на базе технологий ИИ. Отсюда следует проблема: «большинство моделей обнаружения дипфейков обучаются на основе баз данных изображений, содержащих дипфейки. Таким образом, выявленные признаки манипуляции основаны на данных известных дипфейков, что затрудняет оценку эффективности обнаружения дипфейков, созданных неизвестными или обновленными моделями»⁴.

И наконец, *превентивные меры*, которые можно сформулировать для журналистов с целью недопущения использования в своей деятельности фейковой и дипфейковой информации деструктивного характера: использование аудиовизуальной аутентификации интервьюируемого, а не только аудио, получение данных путем живого видеоподключения; выполнение биометрической аутентификации интервьюера, к примеру, просьба совершить произвольное движение рукой в зоне лица.

Мы полагаем, что минимизации проблем, связанных с качеством и достоверностью контента, может поспособствовать реализация гибридной модели «человек + алгоритм», в которой роль человека является главенствующей. Модель построена на разделении обязанностей, сохраняя за человеком право на редактирование, дополнение, расширение и углубление информации, привнесение оценки, прогнозирования, добавление экспертного заключения, которое даст возможность сопрячь информацию с ньюсмейкером и верифицировать представляемые данные с реальными людьми. Искусственному интеллекту в этой связке отводится роль автоматизированной системы для сбора данных, выполнение рутинных задач дайджестирования источников для их дальнейшей верификации силами профессионального журналиста.

В ситуации преодоления опасностей ненамеренного распространения фейков и дипфейков через медиаканалы, к сожалению, автоматизация не может быть панацеей, а только использоваться как дополнительный инструмент. В числе таких продуктов на современном программном рынке – разработки компаний Factmata и Full Fact. Все генерируемые искусственным интеллектом тексты должны проходить строгую процедуру «ручного» фактчекинга и редакторскую проверку перед публикацией.

Полагаем, что эффективным инструментом оптимизации понимания, как медиакомпаниям работать в условиях тотального распространения ИИ и минимизировать риски распространения недостоверной или заведомо ложной информации, стала бы практика цехового саморегулирования, выраженная в разработке этических медиагайдлайнов, редакционных стандартов, которые бы регламентировали работу с ИИ-генерациями, к примеру, обязывали бы маркировать сгенерированные тексты, которые, в отличие от иллюстративного материала, пока никак не маркируются. Маркировочные знаки должны находиться на видном месте и содержать «как минимум фразу “сгенерировано искусственным интеллектом”, “сгенерировано”, “сгенерировано ИИ”» (Карпенко, 2024: 52–53). Визуальная маркировка текстовых материалов необходима еще и потому, что к подобному типу контента можно применить только один ее тип – визуальный. В отличие от текста, с графическими объектами, видео и аудиоматериалами возможно проводить двухуровневую маркировку: посредством расстановки визуальных водяных знаков и посредством включения в файлы метайнформации, считывание которой возможно автоматизировано, что упрощает программный контроль за подобным контентом.

³ Признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

⁴ Facing reality? Law enforcement and the challenge of deepfakes // Europol. URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-events/publications/facing-reality-law-enforcement-and-challenge-of-deepfakes> (date of access: 12.08.2025).

2. Экономические и профессиональные риски – это еще одна группа проблем, которые вызывают опасения у современного медиасообщества. Одним из направлений в этой области является угроза сокращения рабочих мест, связанных с делегированием рутинных обязанностей или простых алгоритмизированных рабочих процессов генеративным и традиционным технологиям искусственного интеллекта. Подобная автоматизация может привести к уменьшению спроса на журналистов, особенно в новостных агентствах, медиа, занимающихся дайджестированием новостей, составляющих обзоры СМИ и обработкой иной вторичной информации. Информация о первых прецедентах написания нейросетевыми моделями обзорных статей для медиа на основе анализа больших данных довольно разноречива. Наиболее часто транслируемая гипотеза состоит в том, что в 2020 г. GPT-3 для *The Guardian* был написан первый ИИ-текст, в котором самая известная на сегодня ИИ-модель пытается убедить читателей британского издания в том, что искусственного интеллекта бояться не стоит: «Стивен Хокинг предупреждал, что ИИ может “означать конец человеческой расы”. Я же здесь для того, чтобы убедить вас не беспокоиться. Искусственный интеллект не уничтожит людей. Поверьте»⁵. Согласно другой точке зрения, «первая статья, написанная программой с искусственным интеллектом, [была] опубликована на сайте *Los Angeles Times* в 2008 году» (Акентьев, Максимов, Лысенко, 2018: 691). В материале компьютер на основе анализа числовых данных сейсмографа представил данные о землетрясении в Калифорнии.

Сегодня написание обзоров, рекламных сообщений для социальных медиа, сводок, дайджестов и эффективных заголовков и лидов стало тем делом, которое журналисты делегировали искусственному интеллекту. Однако эта практика может повлечь за собой сокращение рабочих мест для журналистов, пишущих короткие заметки для новостных лент СМИ, сотрудников, занимающихся рерайтом и дайджестированием. Творческих авторов, работающих с эксклюзивным и аналитическим контентом, эта проблема не коснется. Другими мерами, которые необходимо уже сегодня предпринимать журналистам, находящимся в зонах риска потери работы, является расширение своей квалификации на аналитику, расследования, авторские форматы, то есть те сферы, которые пока недоступны ИИ. С другой стороны, искусственный интеллект – это программируемый продукт, который не способен принимать решения самостоятельно; во многом качество производимых им объектов зависит от грамотного управления со стороны промт-инженера. Промтинжиниринг – понимание принципов работы нейромоделей, структуры промтов, весов токенов, особенностей галлюцинирования моделей, правовых и этических аспектов взаимодействия с ИИ-генерациями, особенностей деструктивных коммуникаций и конструктивных практик при создании дипфейков и тому подобного – является для современных журналистов необходимым в обретении навыков работы с нейросетевыми моделями. В ситуации же бесконтрольного и неграмотного использования в медиадетальности нейросетевых генераций, изобилующих артефактами и галлюцинациями, журналистику может постигнуть деградация профессиональных стандартов, которая выразится в уменьшении разнообразия тем, жанров и форм репрезентации контента, снижении уровня аналитики, нивелировании авторского стиля.

3. Этические и правовые вопросы. Одним из важных вопросов в контексте использования продукта нейросетевых генераций в современных медиа является вопрос *осведомленности аудитории и отсутствия прозрачности*, так как читатели не всегда знают, создан материал человеком или программой. В отношении графических объектов в отдельных современных медиа уже выработались определенные стандарты маркирования изображений. Сегодня на законодательном уровне обсуждаются «возможности маркирования и текстового

⁵ Цит по: Робот полностью написал эту статью. Человек, тебе уже страшно? // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4485415> (дата обращения: 01.08.2025).

контента: “развитие ИИ-сервисов несет опасность появления огромных массивов не только никем не проверенных текстов, но и даже полностью выдуманных фактов, цифр и данных”. Этот вопрос, однако, остается пока непроясненным, так как ни визуальной, ни программной возможности маркировать текстовые данные на уровне мета-информации сегодня нет» (Карпенко, 2024: 53–54).

Еще одним важным аспектом является проблема *нарушения авторских прав* при генерации изображений, видео- и аудиоматериалов. Нейросетевые модели, в отличие от алгоритмизированного традиционного искусственного интеллекта, – самообучаемые системы, использующие для своих нужд триллионы единиц данных, большая часть из которых – это охраняемые объекты чьей-то интеллектуальной собственности, у которых ИИ заимствует образы, стиль, сюжет и пр. На фоне этого в мире оформилась практика проведения охранных мероприятий по защите объектов интеллектуальной собственности от их индексации генеративными моделями. Одним из самых эффективных инструментов, защищающих контент от ИИ, является «глазирование» изображений – использование программных продуктов типа «Nightshade и Glaze, задача которых состоит в защите стиля произведения и авторских прав в целом художников и фотографов при использовании их работ для обучения различных моделей искусственного интеллекта» (Карпенко, 2024: 47). Практика названных компаний доказала, что нейросетям не удастся заимствовать стиль изображения в 92 % случаев при использовании «глазури», в то время как без нее этот процент равен семи⁶.

Другим действенным инструментом наложения ограничений на ИИ-индексации может стать использование блокчейн-технологий для подтверждения авторства, что даст в дальнейшем основание для судопроизводства против незаконного использования авторского контента.

Об использовании ИИ как помощника для журналиста, а не как автора графического контента и автора текстов сегодня говорят не только теоретики, но и практики. Руководитель образовательных программ в Prague School Media Злата Понировская предлагает современным медиа идеальное решение для снижения рисков и сохранения своей репутации: «Проверять информацию – это задача журналиста, а не AI»⁷. Наиболее адекватным решением проблемы этического регулирования практик использования генеративных нейросетей в редакциях СМИ является разработка внутренних этических нормативов для работы с ИИ. На федеральном уровне такая практика существует с 26 октября 2021 г., когда был принят Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. Сегодня в числе подписантов Кодекса 422 организации, в числе которых, в основном, компании, работающие в сфере IT, крупные экосистемы типа Сбера, Яндекса, VK, МТС и пр. и крупнейшие вузы России – МГИМО, НИУ ВШЭ, МГТУ им. Н.Э. Баумана и др.⁸ Средств массовой информации в этом списке нет. Это обусловлено прежде всего тем, что на законодательном уровне ИИ ассоциируются именно с технологической стороной вопроса. Сам альянс позиционирует себя как организацию, объединяющую «ведущие *технологические* [курсив мой. – И.К.] компании для совместного развития их компетенций и ускоренного внедрения искусственного интеллекта в образовании,

⁶ Nightshade и Glaze — как работает защита авторского права художников от AI? URL: https://club.dns-shop.ru/blog/t-328-prilojeniya/118167-nightshade-i-glaze-kak-rabotaet-zaschita-avtorskogo-prava-hudojn/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.yandex.ru%2F (date of access: 08.08.2022).

⁷ Гайсина, Л. AI и журналистская этика: как и когда медиа использовать нейросети без риска потерять репутацию // New Reporter. URL: <https://newreporter.org/2024/06/07/ai-i-zhurnalistskaya-etika-kak-i-kogda-media-ispolzovat-nejroseti-bez-riska-poteryat-reputatsiyu/> (дата обращения 06.07.2025).

⁸ Подписанты кодекса этики в сфере ИИ // Альянс в сфере искусственного интеллекта. URL: https://ethics.ai.ru/assets/ethics_files/2025/08/19/%D0%A1%D0%BD%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B9_2.pdf (дата обращения 29.07.2025).

научных исследованиях и в практической деятельности бизнеса»⁹, игнорируя огромный пласт медиакомпаний.

Зарубежная практика доказывает, что разработка этических стандартов по работе с ИИ – также не общая практика, а скорее исключение. Этические правила разработали Associated Press (2023), The New York Times (2024), информационное агентство Deutsche Presse-Agentur (2023), The Guardian (2023) и многие другие. В ряду основных тезисов: ИИ не может писать полноценные новостные материалы; ИИ не может обрабатывать конфиденциальные источники; ИИ не может генерировать изображения и видео без явной маркировки; контент, созданный ИИ, всегда проверяется на точность и достоверность человеком. Зарубежные медиа сегодня делегируют ИИ только небольшую часть своих производственных процессов: составление дайджестов, кратких сводок, генерирование заголовков, оптимизированных под SEO, создание рекламного контента для социальных сетей, перефразирование предложений для повышения ясности, создание информационных карточек для повышения вовлеченности читателей, поиск идей для вопросов к интервьюируемым¹⁰.

В России широкой практики создания внутриредакционных правил работы с ИИ пока нет.

4. *Потеря доверия аудитории* также может стать одной из серьезных проблем в условиях повсеместного использования ИИ-технологий. И в данном случае мы можем вести речь не только о генеративных практиках, из-за которых вероятен *рост скептицизма и недоверия к современным медиа* по причине большого количества фейков и дипфейков, а также автоматизированного новостного и информационного контента, но и о традиционных алгоритмизированных нейропрактиках, используемых в современных медиа – персонализированные алгоритмы, рекомендательные технологии, которые только на первый взгляд гибко подстраиваются под интересы аудитории, на деле же создают своего рода «информационный пузырь», сужая кругозор аудитории, ограничивая ее в темах на основании поисковых запросов, просмотренных материалов и заполненных при регистрации анкетных данных. Исследователи отмечают, «что в сфере рутинизированных операций технологии могут лишить человека выбора – уже сейчас ИИ предлагает нам музыку и фильмы, предоставляя конкретной аудитории определенный контент, за рамки которого она может не выйти. Предполагается, что алгоритм будет принимать все больше решений за человека, в чем и состоит опасность...» (Пузанова, 2024: 751-752).

Со стороны медиа наиболее адекватным решением ситуации будет уклон в объяснительную журналистику и сторителлинг, который может разнообразить сухой, алгоритмизированный «быстрый» контент увлекательными историями и эмоциями.

Решение этих проблем, к сожалению, не ограничивается только мерами со стороны медиа, которые должны предупреждать аудиторию об использовании рекомендательных ИИ-технологий на своих ресурсах и объяснять, как с ними работать, создавая тем самым обстановку прозрачности и публичности медиаресурсов, но и требует от самой аудитории желания включаться в медиаобразовательные проекты.

Заключение

Подводя итог, стоит отметить, что при всем обилии проблем, которые связаны с использованием генеративного и традиционного ИИ в современных медиа, нахождение пути их преодоления возможно – это нахождение правильного баланса между инновациями и

⁹ Альянс в сфере искусственного интеллекта // Альянс в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://a-ai.ru/> (дата обращения: 29.07.2025).

¹⁰ Абба, А. Как ИИ трансформирует журналистику: подход The New York Times к Echo // Unite.Ai. URL: <https://www.unite.ai/ru/how-ai-is-transforming-journalism-the-new-york-times-approach-with-echo/> (дата обращения: 31.07.2025).

рисками. Любое внедрение ИИ в социально значимые коммуникационные процессы необходимо при наличии строгого и ответственного контроля над качеством контента, этическими и правовыми нормами. Решение возникающих проблем требует совместных усилий журналистов, регуляторов, технологических компаний-разработчиков нейросетевых моделей и аудитории современных медиа.

Практика работы с искусственным интеллектом в журналистике требует ответственного подхода. С целью минимизации риска потери качества при использовании генеративных технологий необходимо внедрять качественный и многоступенчатый контроль качества медиапродукта, так как скорость, низкозатратность и высокая производительность нейросетей никак не могут заменить высокую достоверность, верифицируемость и оригинальность контента, созданного человеком. По этой причине необходимо осознавать и принимать риски работы с ИИ и подходить к их использованию в массовой коммуникации ответственно: сохранять человеческий контроль, регулировать использование ИИ на правовом и этическом уровнях и инвестировать в качество, а не скорость. Это позволит сохранить доверие аудитории и профессиональные журналистские стандарты.

Литература

Акентьев, Д. Г., Максимов, Д. И. и Лысенко, И. С. (2018), «Проблема искусственного интеллекта и искусственного разума в жизни современного человека», *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*, 3 (4), 690-692, EDN YWPLDN

Арсентьева, А. Д. и Морозова, А. А. (2021), «Проблемы внедрения алгоритмов искусственного интеллекта в российскую журналистику», *Огарёв-Online*, 2, EDN FLGNJI

Бейненсон, В. А. (2020), «Использование технологий искусственного интеллекта при создании развлекательного контента СМИ», *MEDIAОбразование: медиа как тотальная повседневность: Материалы V Междунар. науч. конференции, 24–25 ноября 2020 года*, под ред. Морозовой, А. А., Часть 1, Изд-во Челябинского гос. ун-та, Челябинск: 296-301, EDN RYCGIP

Болдина, К. А. (2024), «Риски автоматизации новостной журналистики на основе ИИ», *Успехи гуманитарных наук*, 3, 7-14, DOI 10.58224/2618-7175-2024-3-7-14, EDN TSTNUC

Гурушкин, П. Ю. и Корнеева, К. В. (2024), «Искусственный интеллект в медиакommunikациях и творческих профессиях: угрозы и возможности», *Litera*, 9, 91-101, DOI 10.25136/2409-8698.2024.9.71609, EDN FBFUAC

Дзялошинский, И. М. (2022), *Когнитивные процессы человека и искусственный интеллект в контексте цифровой цивилизации: монография*, Ай Пи Ар Медиа, Москва, EDN ESIFKW

Карпенко, И. И. (2024), «Генеративные технологии искусственного интеллекта в современных медиа: проблемы авторского права и маркирования нейросетевого продукта», *Современный дискурс-анализ*, 2, 45-55, EDN ZKXDPP

Пузанова, Ж. В., Тертышникова, А. Г. и Павлова, У. О. (2024), «Технологический дискурс в российских СМИ: основные стратегии в репрезентации искусственного интеллекта», *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 24 (3), 747-763, DOI 10.22363/2313-2272-2024-24-3-747-763, EDN FJVAXU

References

Akentyev, D. G., Maksimov, D. I. & Lysenko, I. S. (2018), "The problem of artificial intelligence and artificial reason in the life of a modern person", *Current problems of aviation and cosmonautics*, 3 (4), 690-692 (in Russ.), EDN YWPLDN

Arsentyeva, A. D. & Morozova, A. A. (2021), "Problems of introducing artificial intelligence algorithms into Russian journalism", *Ogarev-Online*, 2 (in Russ.), EDN FLGNJI

Beinenson, V. A. (2020), "Use of artificial intelligence technologies in creating entertainment media content", *V International scientific conference 'MEDIA Education: media as total everyday life' 24-25 November 2020*, ed. by Morozova, A. A., Part 1, Chelyabinsk State University Publishing House, Chelyabinsk, 296-301 (in Russ.), EDN RYCGIP

Boldina, K. A. (2024), "Risks of automation of news journalism based on AI", *Successes of the Humanities*. 3, 7-14 (in Russ.), DOI 10.58224/2618-7175-2024-3-7-14, EDN TSTNUC

Gurushkin, P. Yu. & Korneeva, K. V. (2024), "Artificial intelligence in media communications and creative professions: threats and opportunities", *Litera*, 9, 91-101 (in Russ.), DOI 10.25136/2409-8698.2024.9.71609, EDN FBFUAC

Dzyaloshinsky, I. M. (2022), *Kognitivnyye protsessy cheloveka i iskusstvennyy intellekt v kontekste tsifrovoy tsivilizatsii* [Human cognitive processes and artificial intelligence in the context of digital civilization], IP R Media, Moscow (in Russ.), EDN ESIFKW

Karpenko, I. I. (2024), "Generative technologies of artificial intelligence in modern media: problems of copyright and labeling of a neural network product", *Modern discourse analysis*, 2, 45-55 (in Russ.), EDN ZKXDPP

Puzyanova, Zh. V., Tertyshnikova, A. G. and Pavlova, U. O. (2024), "Technological discourse in Russian media: main strategies in representing artificial intelligence", *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*, 24 (3), 747-763 (in Russ.), DOI 10.22363/2313-2272-2024-24-3-747-763, EDN FJVAXU

*Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.
Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРАХ:

Карпенко Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; KarpenkoIrina@bsu.edu.ru

ORCID ID: 0000-0003-0964-6679

Меринов Валерий Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и медиакommunikаций, факультет социологии и журналистики, Российский государственный университет социальных технологий, ул. Лосиноостровская, д. 49, стр. 2, г. Москва, 107150, Российская Федерация; v.merinov@rgust.ru

ORCID ID: 0009-0008-9755-0573

ABOUT THE AUTHORS:

Irina I. Karpenko, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; KarpenkoIrina@bsu.edu.ru

ORCID ID: 0000-0003-0964-6679

Valery Yu. Merinov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Media Communications, Faculty of Sociology and Journalism, Russian State University of Social Technologies, bld. 2, 49 Losinoostrovskaya St., Moscow, 107150, Russian Federation; v.merinov@rgust.ru

ORCID ID: 0009-0008-9755-0573

УДК 321.01

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-1-1

Калинин Д. М.

**Политогенез генеративных систем: концепция живого
законодательства и адаптивной государственной архитектуры**

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, г. Москва, 117198, Россия;
dmkalini@mail.ru

Аннотация. В статье предложена концепция «генеративного управления» – новой парадигмы, в которой генеративные модели искусственного интеллекта (далее – ИИ) выступают посредниками, модераторами и симуляторами на всех стадиях государственного принятия решений. Обосновывается, что такое внедрение кардинально меняет представление о бюрократии, демократии, антикоррупционном контроле и международной дипломатии. Опираясь на междисциплинарный анализ – от теории делиберативной демократии до новейших практик «Habermas Machine» Google DeepMind и цифровых общественных платформ vTaiwan/Polis, – статья формулирует архитектуру многоуровневой ИИ-платформы, описывает алгоритмы коллективного моделирования политик, адаптивного законодательства и динамического общественного участия. Демонстрируется, как генеративные модели, соединенные с большими данными, могут снижать коррупцию, повышать прозрачность, ускорять цикл «инициатива → реализация → обратная связь» и делать общественные решения эмпирически обоснованными. Представлена дорожная карта внедрения (пилоты → масштабирование → международная кооперация) и критически рассмотрены риски (предвзятости, энергопотребление, «алгократия») с предложением юридических «конституций ИИ».

Ключевые слова: генеративные модели; государственное управление; делиберативная демократия; адаптивное законодательство; антикоррупционный ИИ; Habermas Machine; vTaiwan; динамическая демократия

Для цитирования: Калинин, Д. М. (2025), «Политогенез генеративных систем: концепция живого законодательства и адаптивной государственной архитектуры», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (3), 125-135, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-1-1

D. M. Kalinin

**Politogenesis of generative systems: the concept of living legislation
and adaptive state architecture**

Patrice Lumumba People's Friendship University of Russia,
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia;
dmkalini@mail.ru

Abstract. The article proposes the concept of "generative governance" – a new paradigm in which generative models of artificial intelligence (AI) act as mediators,

moderators and simulators at all stages of public decision-making. It is substantiated that such implementation radically changes the understanding of bureaucracy, democracy, anti-corruption control and international diplomacy. Drawing on interdisciplinary analysis, ranging from deliberative democracy theory to Google DeepMind's "Habermas Machine" and the latest practices of digital public platforms such as vTaiwan and Polis, the article proposes the design of a multi-level AI platform. It also describes algorithms for the collective modelling of policies, adaptive legislation, and dynamic public participation. The author demonstrates how generative models combined with big data can reduce corruption, increase transparency, accelerate the cycle "initiative → implementation → feedback" and make public decisions empirically substantiated. A roadmap for implementation (pilots → scaling → international cooperation) is presented and risks (biases, energy consumption, "algocracy") are critically examined with a proposal for legal "AI constitutions".

Keywords: generative models; public administration; deliberative democracy; adaptive legislation; anti-corruption AI; Habermas Machine; vTaiwan; dynamic democracy

For citation: Kalinin, D. M. (2025), "Politogenesis of generative systems: the concept of living legislation and adaptive state architecture", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (3), 125-135, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-1-1

Введение

Человечество ранее сталкивалось с технологическими скачками, меняющими саму ткань общественного устройства: изобретение печатного станка, телеграфа, Интернета. Появление генеративных моделей ИИ – Large Language Models (LLM), диффузионных и трансформер-архитектур – по масштабу влияния сопоставимо с этими революциями. Однако их влияние на политику пока лишь фрагментарно: ИИ-чат-боты упрощают общение граждан с ведомствами, алгоритмы прогнозируют бюджеты, а бюрократия продолжает функционировать по иерархическим схемам XX века.

Недавние эмпирические исследования показали, что генеративный ИИ способен активно фасилитировать общественные дискуссии. Так, команда Google DeepMind создала «Habermas Machine» – модель, которая собирает высказывания группы, формулирует обобщающие «консенсус-тексты» и доказывает их точность участникам, повышая степень согласия (Stray, Kleinberg, Zang et al., 2024). В другом эксперименте та же группа показала, что после ИИ-модерации более 80 % участников готовы подписать итоговый документ – значительно больше, чем в чисто человеческих сессиях (Bai, Huyn, Karnin et al., 2023). Одновременно OECD опубликовала первый системный отчет о генеративных моделях для антикоррупционных служб, зафиксировав, что LLM уже умеют автоматически анализировать тысячи контрактов и выявлять аномалии стоимости¹.

Практика тоже развивается: штат Нью-Джерси запустил AI Assistant, обучив за два месяца более 4000 госслужащих безопасно применять LLM для составления нормативных документов и анализа обращений граждан². Тайваньская платформа vTaiwan уже десять лет

¹ Organisation for Economic Co-operation and Development. *Generative AI for Anti-Corruption and Integrity in Government* (2024), OECD Publishing, Paris [Электронный ресурс], URL: <https://www.oecd.org/gov/generative-ai-integrity.pdf> (дата обращения: 28.04.2025).

² Pew Research Center. *Elected Officials and Public Trust* (2024), DC, Washington [Электронный ресурс], URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2024/02/15/public-trust-survey> (дата обращения: 28.04.2025).

использует Pol.is для сбора и кластеризации сотен тысяч мнений по законопроектам, демонстрируя масштабируемость «цифровых агор»³ (OECD. Innovative Citizen..., 2020).

Эти прецеденты наводят на главный исследовательский вопрос: можно ли превратить генеративный ИИ из точечного инструмента в полноценный «нервный центр» государственного аппарата? Если да, какие институциональные и технологические механизмы потребуются, чтобы обеспечить демократическую легитимность, прозрачность и этичность? Предлагаемая в статье концепция – «генеративное управление» – отвечает на эти вопросы, объединяя достижения компьютерных наук, политической теории и административного права.

1. Проблематика современного государственного решения

1.1 Бюрократическая инерция

Почти все национальные администрации продолжают работать по «рационально-легальной» схеме, которую Макс Вебер конструировал под циркуляры, телеграф и печатный станок; логика процесса осталась прежней – многоэтапные визы, серийные экспертизы, ручной контроль формулировок. В XXI веке такой конвейер сталкивается с экспоненциальным ростом нормативного массива: текст «омнибусного» бюджета США на 2023 финансовый год занял 4155 страниц – физически это три тома «Войны и мира» – а законодатели получили на его чтение считанные часы, что дает в среднем около полутора минут на страницу⁴. Параллельно ежеквартальный объем Federal Register вновь превысил порог в 80 тыс. страниц и приближается к рекордным показателям конца 2010-х; уже сама попытка «пролистать» годовой выпуск требует сотен человеко-часов, поэтому конгрессмены и чиновники опираются на пересказанные резюме, а потенциальные противоречия и коллизии легко ускользают от внимания⁵.

Долгая дорога документа к исполнению усугубляется задержками внутри ведомств: анализ Административной конференции США фиксирует, что цикл рассмотрения социально чувствительных дел (пенсионные, иммиграционные, лицензии) растягивается в среднем от двух с половиной до пяти лет, причем треть времени уходит на «межэтажную» переписку и процедурные сверки⁶. Кумулятивный эффект такого «бутылочного горлышка» особенно заметен в иммиграционной системе: к концу 2024 финансового года в судах накопилось почти 3,6 млн незакрытых дел – рост на 44 % за год, притом что судьи успевают завершать лишь пятую часть вновь поступающих кейсов⁷.

Одновременно лавинообразно растет входящий трафик гражданских откликов. Европейская комиссия на своей платформе Have Your Say публикует сотни инициатив ежегодно; совокупный массив откликов к ним исчисляется миллионами, причем в 2024 г., по внутренним данным Дирекции-генерала по коммуникациям, суммарное число комментариев

Pew Research Center. *Political Fatigue and Civic Disengagement* (2023), DC, Washington, [Электронный ресурс], URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2023/11/09/political-fatigue> (дата обращения: 28.04.2025).

³ Ministry of Economic Affairs and Communications for Estonia. *X-Road Statistics 2023* (2024), Tallinn [Электронный ресурс], URL: <https://x-road.ee/stats> (дата обращения: 28.04.2025).

Center for Deliberative Democracy. *America in One Room: Democratic Reform* (2023), Stanford University [Электронный ресурс], URL: <https://cdd.stanford.edu/america-in-one-room> (дата обращения: 28.04.2025).

⁴ Republic of Korea. *Data Dam White Paper* (2024), Ministry of Science and ICT, Seoul [Электронный ресурс], URL: <https://datadam.kr/whitepaper> (дата обращения: 28.04.2025).

⁵ Office of Management and Budget (USA). *Memorandum M-24-10: Advancing Governance with AI* (2024), Washington [Электронный ресурс], URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2024/03/M-24-10.pdf> (дата обращения: 28.04.2025).

⁶ OpenFisca. *Documentation du modèle France* (2024), Paris [Электронный ресурс], URL: <https://openfisca.fr/doc> (дата обращения: 28.04.2025).

⁷ New Zealand Government. *Better Rules Discovery Report* (2023), Department of Internal Affairs, Wellington [Электронный ресурс], URL: <https://digital.govt.nz/better-rules> (дата обращения: 28.04.2025).

превысило два миллиона, а пропускная способность аналитиков позволила подробно разобрать лишь четверть⁸. Таким образом, сложился парадокс: демократические механизмы открыли гражданам новые каналы влияния, но те же механизмы перегружают бюрократию объемом данных, который она не в состоянии проглотить без автоматизированной помощи.

Высокая инерция дорого обходится всем участникам. Для бизнеса это «скрытый налог» на соблюдение регуляторных требований – по оценке Competitive Enterprise Institute, стоимость комплаенса в США приближается к 2 трлн долл. ($\approx 9\%$ ВВП)⁹ (Competitive Enterprise Institute..., 2024); для граждан – десятки миллиардов человеко-часов, потраченных на ожидание разрешений и повторные подачи; для государства – потери доверия: опрос Pew Research 2024 г. показал, что 64 % американцев считают, будто их мнение «не влияет на политику», а 57 % описывают федеральные процедуры как «излишне сложные и медленные». OECD подчеркивает, что без радикальной цифровой трансформации каждый дополнительный уровень согласования увеличивает длительность сервиса еще на 9-12 %, создавая нелинейный каскад задержек¹⁰.

Традиционные попытки «ускориться» – найм дополнительных юристов, точечная автоматизация документооборота, временные моратории на новые правила – дают лишь линейный выигрыш в узких звеньях и не затрагивают системный источник инерции: сам способ производства правовых артефактов. Пока нормативный массив растет экспоненциально, а людские и бюджетные ресурсы лишь линейно, разрыв будет расширяться. Следовательно, бюрократическая инерция – не «сбой» отдельных ведомств, а структурный дисбаланс индустриальной логики управления в цифровую эпоху, устранить который можно лишь сменой парадигмы: переходом от бумажно-иерархического процесса к генеративно-адаптивному циклу, где значительная часть синтеза и первичной проверки норм передается ИИ-модулям, а человеку остается стратегический и этический надзор. Именно к такому развороту подводит дальнейший анализ в последующих разделах.

1.2 Ограниченное участие и поляризация

Идея участия в демократическом процессе – «каждый голос важен» – давно разошлась с реальностью повседневной политики. В 2023 г. 85 % американцев признались Pew Research Center, что «избранные политики не заботятся о мнении таких людей, как они» – самый высокий показатель с начала замеров. Лишь 22 % доверяют федеральному правительству «всегда или большую часть времени», а 65 % чувствуют усталость, думая о политике. Этот субъективный «дефицит голоса» подпитывается архитектурой социальных сетей: алгоритмы ранжируют контент так, чтобы удерживать внимание, и невольно усиливают идеологическую гомофилию. Недавний систематический обзор 129 эмпирических исследований показал, что в работах, где поляризация измеряется граф-методами (взаимодействие «с друзьями, похожими на меня»), гипотеза эхо-камер подтверждается; там же, где берутся опросы общего медиапотребления, эффект слабее – то есть технологический дизайн платформ критически важен. Лабораторный эксперимент Кембриджа, в котором респондентов случайно распределяли в «однопартийные» и смешанные группы для обсуждения спорного законопроекта, показал: закрытые кластеры увеличивают как идеологическую, так и аффективную дистанцию по сравнению с гетерогенными дискуссиями.

⁸ OECD. *State of GovTech 2024* (2024), OECD Publishing, Paris [Электронный ресурс], URL: <https://www.oecd.org/gov/state-of-govtech-2024.pdf> (дата обращения: 28.04.2025).

⁹ Office of Management and Budget (USA). *Memorandum M-24-10: Advancing Governance with AI* (2024), Washington [Электронный ресурс], URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2024/03/M-24-10.pdf> (дата обращения: 28.04.2025).

¹⁰ World Trade Organization. *MC13 Ministerial Outcome Document* (2024), Geneva [Электронный ресурс], URL: <https://docs.wto.org/mc13/outcome.pdf> (дата обращения: 28.04.2025).

Попытки вернуть глубину разговору через офлайн-форматы вроде Deliberative Polling (Дж. Фишкин) доказали, что модулируемая многочасовая дискуссия реально сближает позиции; в проекте *America in One Room: Democratic Reform 2023* г. более 580 случайно отобранных избирателей после четырехдневных дебатов показали статистически значимый рост двухпартийного согласия даже по вопросам выборной реформы. Но цена вопроса высока: по данным отчета ОЭСР о «делиберативной волне», средний бюджет представительных мини-публичных процессов колеблется от €66 000 за небольшой citizens' jury до €1,8 млн за полноценную citizens' assembly; в таблице нет даже надежных оценок для deliberative poll, поскольку расходы сильно зависят от логистики. Соответственно, за три десятилетия по всему миру прошло лишь несколько сотен таких сессий – капля в океане массовой политики, где ежедневно приходится обрабатывать миллионы цифровых реплик.

Картина обостряется тем, что «тихое большинство» обычно менее активно онлайн: анализ Reuters Institute показывает, что ядро «громких» пользователей, генерирующих политический контент, составляет не более 6–8 % аудитории, но именно их посты доминируют в лентах и производят ощущение тотальной непримиримости. Одновременно кросс-национальное исследование Pew в 24 демократиях обнаружило: медианное значение тех, кто считает избранных лиц «оторванными от народа», достигает 74 %. Получается замкнутый круг: недоверие снижает желание участвовать, пассивность передает дискурс узкому «активу», чья радикальная риторика еще сильнее отталкивает большинство.

Тем самым демократия оказывается в двойном зажиме – между дороговизной качественных офлайн-дискуссий и токсичной экономикой внимания онлайн-платформ. Разрыв можно преодолеть, лишь создав масштабируемый «глубокий онлайн»: систему, где ИИ-модели берут на себя функции нейтрального фасилитатора (сжимают и структурируют миллионы аргументов), автоматически выявляют когнитивные искажения, генерируют сбалансированные резюме, а гражданин получает возможность участвовать в процессе столь же легко, как оставить комментарий в соцсети, но с тем качеством взаимного понимания, которое ныне доступно лишь на дорогих делиберативных форумах. В противном случае кризис представительства и растущая аффективная поляризация будут и дальше подтачивать институциональную легитимность – что уже сегодня оборачивается всплесками популизма, падением доверия к выборам и спросом на авторитарные «сильные руки».

1.3 Дефицит данных в законодательном прогнозировании

Большинство парламентских прогнозов по-прежнему строится на линейной экстраполяции статистики: экономические показатели продлеваются «по тренду», демографические кривые сглаживаются, а поведенческие реакции общества сводятся к фиксированным эластичностям. Даже там, где используются так называемые dynamic scoring-модели (США задействует их для оценки крупных налоговых инициатив с 2015 г.), аналитики Конгресс-бюро (СВО) честно признают, что каждая симуляция опирается на «упрощенные предположения о поведении домохозяйств и фирм, лишенные эндогенных технологических шоков» (Congressional Budget Office..., 2023). Метастатистический обзор Brookings Institution, сравнивавший 67 «динамических» калькуляций бюджета за 2010–2022 гг., показывает: средний абсолютный прогнозный промах по дефициту через пять лет достигает 1,1 % ВВП, причем ошибки резко возрастают, когда политика затрагивает взаимосвязанные сектора (например, климат × трудовой рынок) (Furman and Powell, 2024).

Институциональной слабости добавляет и то, что большинство регуляторных оценок выполняется под жестким дедлайном бюджетного цикла. Британский Office for Budget Responsibility в октябре 2024 г. вынужден был пересчитать макропрогноз уже через пять месяцев, признав, что «сценарные таблицы не уловили нелинейность ответа инфляции на ценовой шок энергоносителей» (Office for Budget Responsibility..., 2024). В ЕС собственная

Регуляторная комиссия (RSB) констатирует: треть предварительных impact-assessment-файлов страдает от «недостаточной количественной детализации побочных эффектов», а ex-post-оценки «слишком редко используют поведенческие данные реального времени»¹¹. Практика такова, что закон выходит из парламента с красивыми, но статичными таблицами; спустя год-два мир меняется, а в официальном KPI-пакете отсутствует механика учета каскадных, нелинейных отклонений.

На этом фоне выделяется Сингапур, где консорциум GovTech + URA построил городской digital twin: в 3-D-модели «Virtual Singapore» с минутным шагом стекаются данные транспорта, энергии, метео и соц-медиа. Минфин использует эту модель, чтобы симулировать варианты зонирования: можно оценить, как сдвиг линии MRT на 300 м изменит трафик, выбросы NO₂ и стоимость земли к 2035 г. (Phang and Lee, 2025). Однако даже там «цифровой двойник» служит инструментом отдельных ведомств, а не встроен в регламент парламентского чтения: депутаты по-прежнему получают итоговую записку в виде PDF, а не интерактивной панели с живым сценарием.

Именно этот разрыв – между скоростью изменений сложных систем и медленной, агрегатной отчетностью – делает прогнозирование по-настоящему дефицитным ресурсом законодательства. Пока симуляции остаются точечными, а данные – разрозненными и асинхронными, парламенту придется полагаться на линейные модели, рискуя систематически недооценивать нелинейные и сетевые эффекты современной экономики и экологии.

1.4 Коррупция и непрозрачность

Коррупция давно вышла за рамки классической «откатной» схемы и превратилась в глобальную сетевую игру. По оценке Всемирного банка, объем государственных закупок в мире достигает 9,5–10 трлн долл. в год – это 13–20 % мирового ВВП; при этом до четверти стоимости контрактов может «испаряться» в виде завышенных цен и скрытых комиссий. Деньги, изъятые из бюджета, тут же растворяются в цепочках офшоров и трастов: только в 2023 г. FATF признала, что непрозрачная собственность юрилиц остается одним из главных препятствий для пресечения отмывания средств, а «утечки» вроде Panama Papers и FinCEN Files показали, как легко шифруются реальные бенефициары.

Традиционный государственный контроль работает по выборке: аудиторы проверяют лишь доли процента от контрактного массива, который за год превышает терабайты документов и сотни миллионов платежных строк. Европейская Счетная палата, например, смогла вручную обследовать меньше 3 % платежей бюджета ЕС-2022 и при этом выявила 20 случаев предполагаемого мошенничества, переданных OLAF. Это иллюстрирует «эффект айсберга»: чем сложнее и распределеннее становятся схемы (перекрестные тендеры, карусельные субподряды, торговое и криптовалютное отмывание), тем меньше шансов обнаружить их обычным выборочным способом.

ОЕСД прямо указывает, что мы вступили в эпоху «умного мошенничества», когда сами злоумышленники применяют продвинутую аналитику для распыления финансовых потоков между десятками юрисдикций, а государственная отчетность хранится разрозненно – от внутренних систем казначейства до отдельных ведомственных реестров [turn0search0]. Пока контрольные органы пересылают PDF и Excel-выгрузки, злоумышленники используют API банков-корреспондентов, мгновенно перемещая средства через «кривую» криптовалюту или торговое недофинансирование партии товара. В результате, как отмечает доклад UNODC о конвергенции кибер- и организованной преступности, «скорость трансграничного капитала обгоняет скорость межведомственного обмена информацией».

¹¹ European Commission. Regulatory Scrutiny Board. Annual Report 2024 (2025), Brussels [Электронный ресурс], URL: <https://commission.europa.eu/rule-making-better-reg/ria/rsb-reports> (дата обращения: 28.04.2025).

Иными словами, ведомства бьются с многоголовой гидрой, вооруженной ИТ-инструментами последнего поколения, располагая при этом лупой и блокнотом. Без сквозных машиночитаемых данных и алгоритмов уровня generative AI (способных просеивать контракты, счета-фактуры и цепочки бенефициарной собственности в реальном времени) даже добросовестные аудиторы обречены «догонять» коррупцию постфактум, когда деньги уже выведены, а следы – легализованы в еще одном офшорном фонде или токенизированном активе.

1.5 Геополитическая фрагментация

Геополитический ландшафт все больше напоминает мозаику несовпадающих интересов: глобальные «арбитры кооперации» буксуют, тогда как локальные акторы переходят к самостоятельным технологическим экспериментам. В ВТО уже пятый год нет полноценного апелляционного органа – страны, недовольные решением панели, попросту «обнуляют» разбирательство, апеллируя к юридическому вакууму; мартовский министерский саммит в Абу-Даби вновь отложил восстановление системы на 2025 г., ограничившись обещанием «продолжить переговоры»¹². Похожая инерция царит и в климатической дипломатии: первый глобальный «стоктейк» Парижского соглашения на COP 28 констатировал, что темпы снижения выбросов и финансирования зеленого разворота «слишком медленны во всех направлениях»¹³; парадокс общей выгоды классически описывается как дилемма заключенного, в которой рациональная стратегия каждого государства – наращивать собственное производство, перекладывая издержки выбросов на других. На практике это приводит к тому, что международные цели (тройное увеличение мощностей ВИЭ к 2030 г.) уже сегодня недофинансированы почти наполовину.

На этом фоне именно города оказываются лабораториями глобальных сюжетов: по данным Reuters, к концу 2025 г. более 500 мегаполисов будут использовать AI-digital twin-платформы для прогноза наводнений, тепловых волн и качества воздуха – от Хьюстона до Сингапура и Амстердама¹⁴. Каждый такой двойник оперирует терабайтами локальных сенсорных данных и позволяет принимать решения быстрее, чем это делают государственные переговоры, но их лабораторная успешность пока не складывается в координированную глобальную стратегию: модели несовместимы, стандарты обмена метаданными отсутствуют, а результаты «подвисают» на уровне городских избранников, тогда как национальные обязательства продолжают буксовать в многосторонних форумах. Иными словами, «цифровые близнецы» дают островки управляемости, но не ломают дилемму коллективного действия; без сквозного обмена моделями и данными между городами и государствами технологическая фронтирность рискует остаться пестрой россыпью, а не единым глобальным ответом на фрагментацию.

2. Теоретические основания «генеративного управления»

2.1 Идеальная делиберация и ИИ-медиатор

Ю. Хабермас описывал «идеальную речевую ситуацию» как круг, где аргументы взвешиваются по силе разума, а не по власти говорящего, – однако даже малые офлайн-форумы редко соответствуют этим требованиям: участники неравномерно активны, время дискуссии ограничено, модератор необязательно беспристрастен. Появление «цифровых мини-публичных» (vTaiwan, Citizens' Assembly UK) показало, что при хорошо выстроенной

¹² Источник: США заблокировали работу органа ВТО по урегулированию споров, *РИАН*, 24 марта 2025, [Электронный ресурс], URL: <https://ria.ru/20250324/ssha-2006999496.html> (дата обращения: 28.04.2025).

¹³ UNFCCC. COP28 – Global Stocktake Decision (2023), UNFCCC Secretariat, Bonn [Электронный ресурс], URL: <https://unfccc.int/documents/631621> (дата обращения: 28.04.2025).

¹⁴ Reuters. “Cities turn to digital twins to boost climate resilience”, *Reuters.com*. 2024-05-23, URL: <https://www.reuters.com/technology/digital-twins-climate> (дата обращения: 28.04.2025)

фасилитации можно приблизиться к хабермасианскому эталону: в 2016 г. тайваньская платформа обработала более 200 тыс. реплик о регулировании Uber и вывела шесть формулировок, каждую из которых поддержали и таксисты, и пользователи-реформаторы¹⁵. Британская гражданская ассамблея по климату (110 случайно отобранных жителей) после шести уик-эндов докладов и дискуссий 2020 г. выработала 50 рекомендаций, одобренных 79 % членов¹⁶.

Проблема в том, что классические средства анализа мнений – тематическое кодирование интервью, ручная контент-аннотация – масштабируются квадратично по числу высказываний $O(n^2)$: эксперт должен сравнить каждую пару позиций. Алгоритм Pol.is решает эту дилемму: каждое утверждение векторизуется, а отношение «согласен/не согласен/пропускаю» превращается в матрицу голосов, после чего применяется контрастивная спектральная кластеризация. Сложность падает до $O(n \times \log n)$, а визуализация «облака» мнений мгновенно выявляет точки пересечения, которые могут стать основой консенсуса¹⁷. Тем самым создается техническая предпосылка хабермасианского принципа – все аргументы слышны и сопоставимы даже при тысячах участников.

Команда DeerpMind пошла дальше: в эксперименте 2024 г. модель LLM-медиатора («Habermas Machine») не просто классифицировала реплики, а генерировала промежуточные синтетические тексты-предложения. Участники (по 10-15 человек в группе) читали черновик, голосовали за доработку и предлагали уточнения; модель учитывала фидбэк и публиковала новую версию. После трех раундов 84 % респондентов подписали итоговый документ, причем метрики «учет мнения меньшинств» выросли значимее, чем в контрольных группах без ИИ-медиатора (Stray, Kleinberg, Zang et al., 2024; Bai, Hyun, Karnin et al., 2023). В терминах хабермасианской этики LLM выполняла сразу две критические функции:

- Когнитивная нормализация – стилистически выравнивала разные уровни риторики, снижая барьеры понимания.
- Эгалитарная агрегация – уравнивала внимание к большинству и к уникальным аргументам меньшинства, поскольку каждое предложение анализировалось отдельно, а не в потоке «самых лайкаемых» реплик.

Отсюда выводится принцип ИИ-делиберации: генеративная модель может быть встроена в дискуссию как нейтральный синтезатор-переводчик, минимизирующий когнитивные и эмоциональные искажения, одновременно снижая транзакционные издержки фасилитатора. Она преобразует «шум» больших групп в компактные драфты, подчеркивает зоны согласия и конфликта, предлагает формулировки «мостов» и визуализирует метаданные (доля поддержавших, аргументы «за/против»). При соблюдении открытого кода и прозрачных правил-конституций такая модель способна приблизить реальную демократическую практику к идеалу рациональной публичной сферы Хабермаса – впервые на масштабах сотен тысяч участников и в режиме почти реального времени.

2.2 Адаптивная бюрократия

Развитые «цифровые государства» продемонстрировали, что модульная архитектура сервисов – когда каждый реестр публикует стандартизированный API и общается через

¹⁵ Organisation for Economic Co-operation and Development. *Generative AI for Anti-Corruption and Integrity in Government* (2024), OECD Publishing, Paris [Электронный ресурс], URL: <https://www.oecd.org/gov/generative-ai-integrity.pdf> (дата обращения: 28.04.2025).

¹⁶ Pew Research Center. *Elected Officials and Public Trust* (2024), DC, Washington [Электронный ресурс], URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2024/02/15/public-trust-survey> (дата обращения: 28.04.2025).

¹⁷ Organisation for Economic Co-operation and Development. *Generative AI for Anti-Corruption and Integrity in Government* (2024), OECD Publishing, Paris [Электронный ресурс], URL: <https://www.oecd.org/gov/generative-ai-integrity.pdf> (дата обращения: 28.04.2025).

единую шину обмена – радикально снижает транзакционные издержки. В Эстонии слой X-Road объединяет более 3 000 ведомственных баз; согласно расчетам Министерства экономики, это экономит населению и бизнесу 844 человеко-лет бюрократического времени ежегодно, что эквивалентно сокращению административных затрат примерно на 40 % по отношению к доплатформенному периоду. Южнокорейский проект Data Dam идет дальше: государство субсидирует очистку и аннотирование массивов частных данных, после чего они становятся «строительным материалом» для новых сервисов; уже первые пилоты в сфере логистики показали до 60 % ускорения сквозных операций (от запроса сведений до выдачи разрешений).

Генеративные модели расширяют эту логику: крупные LLM способны автоматически составлять юридические черновики на основе примеров, а кодо-генеративные модели – писать вспомогательные скрипты для подключения старых реестров к новой шине. Доклад OECD о применении GenAI в государственном секторе фиксирует, что в Финляндии и Великобритании LLM уже сокращают время подготовки нормативных актов «с недель до часов», автоматически подтверждая соответствие шаблону и вставляя ссылки на прецеденты. Белый дом в мартовском меморандуме M-24-10 прямо рекомендует федеральным агентствам сохранять «права на улучшенные датасеты и автогенерированный код», чтобы избежать зависимости от подрядчиков и ускорить внутреннюю интеграцию API.

В результате точка контроля смещается с рутинных подпунктов на интерпретацию целей и KPI: если раньше юрист вручную правил каждую запятую, то теперь ИИ-ассистент генерирует несколько версий, а эксперт выбирает, какая лучше соответствует стратегии ведомства. Возникает «сетевая бюрократия»: чиновник становится куратором потоков данных и машинных черновиков, а не переписчиком форм. Чем больше модулей подключается к общей шине, тем быстрее растет эффект масштаба: каждый новый сервис не дублирует функции, а использует существующие API как «легоресурсы». Именно такая адаптивная экосистема позволяет бюрократии реагировать на кризисы и технологические сдвиги быстрее, чем это возможно в иерархии бумажных регламентов.

2.3 Динамическое (живое) законодательство

В программной инженерии DevOps-конвейер превратил «релиз раз в год» в непрерывный цикл build → test → deploy → monitor → patch. Ту же логику все активнее примеряют к праву, трактуя закон как репозиторий кода. Пионером стала французская платформа OpenFisca: социально-налоговые формулы страны хранятся в Git-репозитории, открыты для форков и автоматически прогоняются на тестах – если депутат предлагает льготу, бот сразу показывает бюджетный эффект для 3000 типовых домохозяйств. В Новой Зеландии программа Better Rules идет дальше: мультидисциплинарная команда одновременно пишет текст законопроекта и его машиночитаемую спецификацию; когда меняется один слой, CI-скрипт подсвечивает рассинхронизацию, как в pull-request'e на GitHub.

Представим, что эту методику доводят до масштаба парламента. ИИ-платформа постоянно «слушает» телеметрию применения норм: судебные решения, бюджеты, жалобы граждан, данные различных датчиков (к примеру, выбросы CO₂ для экологической повестки). На основе потока данных она запускает форсайт-симуляторы (макроэкономика, климат, демография) и, обнаружив отклонение от целевых KPI, создает pull-request с точечной правкой – изменением порога субсидии, коэффициента в налоговой формуле, сроков внедрения. Комитеты получают пачку таких «патчей» с сопровождающими diff-отчетами и юз-кейсами, проводят публичное code review и либо мёржат обновление, либо отправляют на доработку.

Эта схема теоретически сокращает лаг между проблемой и коррекцией с лет до месяцев, а для некоторых оперативных норм – до недель. Дополнительным бонусом является

неизбежная «тестовая культура»: каждое изменение проходит unit- и интеграционное тестирование на исторических данных, что резко снижает риск непредвиденных коллизий. Такое «живое законодательство» не отменяет политической воли, но выводит ее на уровень управления версионностью; депутаты и граждане видят ровно те же commits-diff'ы, что и разработчики ПО, а значит, процесс становится прозрачнее, а нормы – эволюционно устойчивее.

2.4 Конституция ИИ и этическая обязанка

Современная дискуссия об искусственном интеллекте ставит перед государствами ключевой вопрос: как встроить машинные решения в публичную сферу так, чтобы сохранить принцип народного суверенитета и предотвратить «алгократический» дрейф – ситуацию, когда алгоритм оказывается фактическим законодателем. Первыми серьезный ответ предложили исследователи Anthropic, разработав метод Constitutional AI¹⁸. Они показали, что большую языковую модель можно переучить не на тысячах ручных меток, а на компактном «тексте-конституции»: наборе этических принципов (запрет дискриминации, уважение прав человека, обязанность пояснять ответы). Модель оценивает свои же черновики, критикует их с точки зрения этих принципов и перерабатывает, а итоговый ответ сопровождается ссылкой на конкретный пункт «конституции» – тем самым алгоритм становится самопояснимым и формально подотчетным¹⁹.

Законодатели могут превратить этот исследовательский трюк в институцию, утвердив «Гражданскую конституцию ИИ». Ее архитектуру задают уже принятые наднациональные нормы. С одной стороны, ОЭСР-принципы доверенного ИИ предписывают благополучие человека, справедливость, объяснимость и надежность систем – и стали первым межправительственным стандартом еще в 2019 г., обновленным в 2024 (European Court of Auditors..., 2024). С другой, Регламент ЕС об ИИ (AI Act) вводит прямую юридическую обязанность публичного сектора демонстрировать прозрачность алгоритмов, маркировать синтетический контент и проводить оценку фундаментальных прав перед внедрением высокорисковых систем²⁰. Вместе они формируют «верхний этаж» ценностей, который национальная конституция ИИ должна закрепить в форме органического закона или референдума.

Следующий слой – техническая обязанка. Концептуально он опирается на разработанный NIST AI Risk Management Framework: система логирования всех вызовов модели, периодический ред-тиминг и метрики правдоподобия/предвзятости, публикуемые в режиме real-time дашборда²¹. Каждое автоматизированное решение должно сопровождаться «расчетным листом» – machine-readable JSON, где фиксируются входные данные, версии модели, внутренние цепочки рассуждения и пункты конституции, к которым обращалась модель. Для граждан предусмотрен интерфейс апелляции: запросив объяснение, человек получает вывод модели и может обжаловать его в человеческом суде; суд, в свою очередь, имеет полномочие «перезаписать» ответ, направив системе binding-патч конституционных интерпретаций.

Наконец, энерго-устойчивость и углеродный след также получают конституционный статус. AI Act требует, чтобы критические вычисления проводились с учетом экологических

¹⁸ Anthropic Policy Team. *Constitutional AI Policy Overview* (2024), San Francisco [Электронный ресурс], URL: <https://www.anthropic.com/constitutional-ai> (дата обращения: 28.04.2025).

¹⁹ World Trade Organization. *MC13 Ministerial Outcome Document* (2024), Geneva [Электронный ресурс], URL: <https://docs.wto.org/mc13/outcome.pdf> (дата обращения: 28.04.2025).

²⁰ European Commission. *Public Consultations Dashboard 2024* (2024), Brussels [Электронный ресурс], URL: <https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say> (дата обращения: 28.04.2025).

²¹ Administrative Conference of the United States. *Improving Timeliness in Agency Adjudication* (2023), Washington [Электронный ресурс], URL: <https://acus.gov/report/agency-adjudication-timeliness> (дата обращения: 28.04.2025).

стандартов, а ОЭСР-принципы прямо включают устойчивость в перечень ценностей. В практике это означает лимиты на частоту переобучения больших моделей, приоритет «зеленых» дата-центров и обязательные экологические отметки в паспорте каждой модели. Так «гражданская конституция» замыкает цикл: она задает ценностную рамку, обязывает ИИ-систему объяснять логику и предоставляет обществу юридический рычаг контроля. Соединенные с генеративными механизмами делиберации, адаптивного законодательства и сетевой бюрократии, такие нормы превращают алгоритм не в «черный ящик», а в новый, но полностью подотчетный институт демократического государства.

Литература

References

Bai, Y., Hyun, J., Karnin, Z. et al. (2023), “Constitutional AI: Harmlessness from AI Feedback”, *Cornell University* [Электронный ресурс], URL: <https://arxiv.org/abs/2212.08073> (дата обращения: 28.04.2025). DOI: 10.48550/arXiv.2212.08073

Bai, Y., Hyun, J., Karnin, Z. et al. (2023), “Constitutional AI: Harmlessness from AI Feedback”, *Cornell University* [Online], available at: <https://arxiv.org/abs/2212.08073> (Accessed 28 April 2025). DOI: 10.48550/arXiv.2212.08073

Competitive Enterprise Institute. Ten Thousand Commandments 2024: Chapter 5 (2024), Washington.

Congressional Budget Office. The Budget and Economic Outlook: 2023 to 2033 (2023), Washington.

European Court of Auditors. Annual Report on EU Budget 2023 (2024), Publications Office of the EU, Luxembourg.

Furman, J. and Powell. W. (2024), “Dynamic Scoring Revisited”, *Brookings Papers on Economic Activity*, 2, 75-128.

OECD. *Innovative Citizen Participation and Deliberative Democracy : 2020 Update* (2020), OECD Publishing, Paris.

Office for Budget Responsibility. Economic and Fiscal Outlook: October 2024 (2024), OBR, London.

Phang, S. and Lee, T. (2025), “AI and data-driven urbanism: The Singapore experience”, *Urban Analytics and City Science*, 12(1), 1-17.

Stray, J., Kleinberg, B., Zang, J. et al. (2024), “AI can help humans find common ground”, *Science*, 384(6679), 1134-1138. DOI: 10.1126/science.adq2852

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Калинин Дмитрий Михайлович, аспирант факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, г. Москва, 117198, Россия; dmkalini@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Dmitriy M. Kalinin, Postgraduate Student, Faculty of Humanities and Social Sciences, Patrice Lumumba People's Friendship University of Russia, 6 Miklouho-Maclay St., Moscow, 117198, Russia; dmkalini@mail.ru

УДК 10

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-1-2

Шмаленко С. А.

**Глобальное внедрение искусственного интеллекта
и его параллельное движение с человеческим сознанием
как философская проблема эпохи¹**

Восточно-Сибирский институт МВД России,
ул. Лермонтова, д. 110, г. Иркутск, 664074, Россия;
shmalenko.semyon@mail.ru

Аннотация. За всё время активного развития техносферы во всех нишах бытия она основательно закрепились в обществе и отдельно в сознании индивидов. Проблематика понимания смысла и перспектив данного феномена отличается эпохальностью и носит интердисциплинарный характер. По большому счету, человеческая экзистенция со всем наполнением (мышлением, мировоззрением, избранием и построением картины мира, отношением к жизни и смерти, также к духовным ценностям и пр.) находится в сосуществовании с искусственным интеллектом, «синтетической мыслью». В статье рассматриваются основные философские концептуализации этого сосуществования, предварительно анализируются достигнутые результаты и уточняются новые актуальные вопросы.

Ключевые слова: искусственный интеллект; техносфера; технологии; цивилизация; модернизация; глобализм; современная культура

Для цитирования: Шмаленко, С. А. (2025), «Глобальное внедрение искусственного интеллекта и его параллельное движение с человеческим сознанием как философская проблема эпохи», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (3), 136-140, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-1-2

S. A. Shmalenko

**Global implementation of artificial intelligence and its parallel
movement with human consciousness as a philosophical problem
of the epoch¹**

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
110 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia;
shmalenko.semyon@mail.ru

Abstract. As the technosphere has developed and become firmly entrenched in all facets of existence, it has also become entrenched in society and in the consciousness

¹ Публикуется по решению Оргкомитета IX Международной научно-теоретической конференции «Философия и наука поверх барьеров: культура и искусство на переломе эпох» (22 мая 2025 года, г. Белгород). Организаторами конференции выступили Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгородский государственный институт искусств и культуры и Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина.

Published by decision of the Organizing Committee of the IX International Scientific and Theoretical Conference “Philosophy and Science Beyond Barriers: Culture and Art at the Turn of the Epoch” (May 22, 2025, Belgorod).

of individuals. Understanding the meaning and prospects of this phenomenon is a significant and interdisciplinary issue. Fundamentally, human existence with all its content – thinking, worldview, attitude towards life and death, spiritual values, etc. – coexists with artificial intelligence, or 'synthetic thought'. This article examines the main philosophical conceptualisations of this coexistence, provides a preliminary analysis of the results achieved and clarifies new, pressing questions.

Key words: artificial intelligence; technosphere; technologies; civilization; modernization; globalism; modern culture

For citation: Shmalenko, S. A. (2025), “Global implementation of artificial intelligence and its parallel movement with human consciousness as a philosophical problem of the epoch”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (3), 136-140, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-1-2

Особого рода проблема сосуществования техносферы с естественным человеком и обществом имеет масштаб современной цивилизации. Образуется огромное количество философских вопросов о сущности глобальной модернизации, приводящей к формализации, алгоритмизации и иным последствиям для ценностей, целей и мышления, а также для всего человеческого сознания в целом (Бостром, 2016: 28). Как отмечает Н. Бостром, в экосистему «человеческого» вклиниваются определенные цифровые процессы, которые и составляют техносферу. В итоге синтезировалось то, что мы называем «искусственным интеллектом» (Бостром, 2016: 64), где совокупность устройств и программ составляют и обеспечивают жизнедеятельность общества в этой среде, создаваемой комплексом модулей и технических установок.

Глобализм в этом случае привел к тотальной зависимости и невозможности существования современного общества вне технических систем (Печчеи, 1980: 45). При таком, более чем «современном» положении дел выходит, что незначительное или существенное ограничение, или вовсе полное прекращение функционирования техносферы по каким бы то ни было причинам, могут привести к планетарному краху, масштабной технологической катастрофе. Но та самая «катастрофа» уже случилась в ином смысле. Все производные техносферы перестали носить инструментальный характер. Окружающий мир и взгляды на него современного общества трансформировались. Сам вопрос об экзистенции человека видоизменен под воздействием понятия «искусственности» и совмещением его с присущим по природе своей лишь человеку интеллектом (Кутырев, 1994: 117).

Анализируя саму концептуализацию искусственного интеллекта с огромным количеством подходов и методов ее реализации и развития, можно прийти к мысли, что «в неживую цифру пытаются влить оживляющую кровь», то есть наделить искусственно созданные алгоритмы исключительными свойствами человека, а самого человека, соответственно, «умертвить», машинизировать, предельно и избыточно рационализировать и алгоритмизировать его сознание. В так понимаемой тенденции и перспективе явно усматривается «демонизм» искусственного интеллекта и техносферы в целом (Ясперс, 1991: 31).

К. Ясперс посвятил проблеме техники целый ряд работ. В них отмечено среди прочего, что всевозможные комплексы технических устройств, созданные человеком, позволяют, что называется, раздвинуть границы сознания. Многие элементы в том числе и человеческого бытия становятся доступны для познания и осмысления. Благодаря техносфере мы можем преодолеть некоторые границы органов чувств, прикоснуться к аспектам, которые, казалось

бы, далеки от природного человеческого мироощущения. То есть при таком подходе компоненты техносферы используются в целях постижения окружающего мира, а также для особого взаимодействия с человеческим разумом, а не для отождествления с ним и последующей его замены. Ни о каком создании «искусственной среды обитания» человека, где все подчинено четко заданным рационально-техническим формам, речи не идет. Однако именно Ясперсом были отмечены проявления так называемого «демонизма» этой сферы, о котором сказано выше.

Ясперс, по-видимому, имеет в виду определенную опасность неуправляемости. Техносфера сламывает, ингибирует процессы человеческого существования. В этом отношении сама сущность человека не будет иметь смысла; вопрос о жизни и смерти обесценивается, мышление человека заточивается лишь на функционирование в состоянии механизма, ведь непосредственно проникновенная сущность характера техники не понята и не осмыслена, как об этом писал уже М. Хайдеггер (Хайдеггер, 1993: 57-66). Искусственный интеллект ныне имеет потенциал выйти из-под управления человеком. Соответственно, человек так или иначе создал силу, способную перехватить инициативу контроля и подвергнуть этому уже своего создателя. Осуществляя параллельное движение с сознанием человека, «техническая синтетика» способна «прервать» жизненные процессы первого, превратив мысль в подобие механизма, избавленного от тяжести духовности, действующего из принципа рационализма.

На этом исследование данной проблемы не заканчивается. Даже то, что было представлено выше, при всей, казалось бы, исчерпываемости, финальной точкой не является, поскольку ядро этой поистине цивилизационной производной многогранно. Имеет место точка зрения, согласно которой мистерия техники, потаенность этой антропогенной пучины, на самом деле куда более глубинны и не заключаются сугубо в «техническом» (Пилявский, 2020). М. Хайдеггер говорил, что «техническая установка», по своей сути, не что иное, как определенный вид, способ, который нацелен на «экзентерацию» потаенных энергетических недр, то есть производство, извлечение, изобличение всего действительного из сокрытого природного сознания. Именно это породило техносферу, ее суть не в элементах механизации, а в стенированном методе явления *тайн* бытия, приближения к формам истинности. Это определено у Хайдеггера как «постав», который при искаженном его восприятии может тлетворно сказаться на мышлении и самой сути человека (Михайлов, 1999: 157). Техносфера в таком понимании будет «являть» истинность существования лишь в производственных смыслах, и в этом случае произойдет подмена искусства на искусственность.

Существует огромное количество всевозможных точек зрения и оценок внедрения искусственного интеллекта, иных звеньев, составляющих техносферу². Во множестве из них отмечаются и положительные стороны. Безусловно, совершенствование мира в различных его проявлениях воплощается посредством научно-технического прогресса. Сферы жизни общества получают всевозможные «подпитки», их рамки раздвигаются, проводятся новые исследования, которые также используются и для модернизации самой техносферы.

Самой главной задачей для человеческого общества и индивида в цивилизационном потоке является преодоление прогрессирующей неполноценности мышления на фоне такого же прогресса технических устройств. Необходимо четко понимать и осмыслять стороны техносферы, не допускать ее бесконтрольного «роката» – и «хрипоты» при этом гуманистических идеалов и философской рефлексии (см.: (Бердяев, 1989)). Иначе вытекающий из этого глобализм интеграции превратит человека и его существование в бесформенную оболочку, его экзистенция рассеется.

² Марков, Б. В. (2017), Философия. Стандарт третьего поколения. учеб. Питер, Санкт-Петербург, 96-103.

Литература

- Бердяев, Н. А. (1989), «Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники)», *Вопросы философии*, 2, 138-166.
- Бостром, Н. (2016), *Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии*, пер. с англ. Филин, С., Манн, Иванов и Фербер, Москва.
- Кутырев, В. А. (1994), *Естественное и искусственное: борьба миров*, Нижний Новгород, Нижний Новгород.
- Михайлов, И. А. (1999), *Ранний Хайдеггер: Между феноменологией и философией жизни*, Прогресс-Традиция: Дом интеллектуальной книги, Москва.
- Печчеи, А. (1980), *Человеческие качества*, пер. с англ. Захаровой, О. В.; общ. ред. и послесл. Гвишиани, Д. М., Прогресс, Москва.
- Пилявский, Н. (2020), Мартин Хайдеггер и будущее: почему у техники не техническая сущность и зачем нужна поэзия в XXI веке? Беседа с философом и переводчиком Александром Михайловским, *Нож*, 15.12.2020. [Электронный ресурс], URL: <https://knife.media/heidegger-techne>.
- Розин, В. М. (2016), *Техника и технология: от каменных орудий до Интернета и роботов*, ПГТУ, Йошкар-Ола.
- Хайдеггер, М. (1993), «Вопрос о технике», *Время и бытие*, пер. с нем., Республика, Москва, 221-238.
- Ясперс, К. (1991), «Истоки истории и её цель», *Смысл и назначение истории*, пер. с нем., Политиздат, Москва, 28-287.

References

- Berdyayev, N. A. (1989), "Man and Machine (The Problem of Sociology and Metaphysics of Technology)", *Voprosy filosofii*, 2, 138-166 (in Russ.).
- Bostrom, N. (2016), *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*, transl. from English by Filin, S., Mann, Ivanov and Ferber, Moscow, Russia (in Russ.).
- Heidegger, M. (1993), «The Question of Technology», *Time and Being*. transl. from German, Respublika, Moscow, 221-238 (in Russ.).
- Jaspers, K. (1991), "The Origins of History and Its Purpose" in *Jaspers K. The Meaning and Purpose of History*, transl. from German, Politizdat, Moscow, 28-287 (in Russ.).
- Kutyrev, V. A. (1994), *Yestestvennoye i iskusstvennoye: borba mirov* [Natural and Artificial. Struggle of the Worlds], "Nizhny Novgorod", Nizhny Novgorod, Russia (in Russ.).
- Mikhailov, I. A. (1999), *Ranniy Khaydegger: Mezhdru fenomenologiyey i filosofiyey zhizni* [Early Heidegger: Between Phenomenology and Philosophy of Life], Progress-Traditsiya: Dom intellektualnoy knigi, Moscow, Russia (in Russ.).
- Peccei, A. (1980), *Chelovecheskiye kachestva* [The human quality], transl. from English by Zakharova, O. V., ed. by Gvishiani, D. M., Progress, Moscow, USSR (in Russ.).
- Pilyavsky, N. (2020), "Martin Heidegger and the Future: Why Does Technology Not Have a Technical Essence and Why Do We Need Poetry in the 21st Century? A Conversation with the Philosopher and Translator Alexander Mikhailovsky", *Knife*. 12/15/2020 (in Russ.), URL: <https://knife.media/heidegger-techne>.
- Rozin, V. M. (2016), *Tekhnika i tekhnologiya: ot kamennykh orudiy do Interneta i robotov* [Technology and Engineering: From Stone Tools to the Internet and Robots], Publishing house of Volga Region State Technological University, Yoshkar-Ola, Russia (in Russ.).

Благодарность: автор благодарит за помощь в подготовке к выступлению на конференции своего руководителя в философской работе, кандидата философских наук, профессора кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, полковника полиции Александра Ивановича Бобкова.

Acknowledgments: The author thanks his supervisor in philosophical work, candidate of philosophical sciences, professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, police colonel Alexander Ivanovich Bobkov for his assistance in preparing for his presentation at the conference.

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Шмаленко Семён Александрович, рядовой полиции, курсант 2 курса факультета подготовки следователей и судебных экспертов, Восточно-Сибирский институт МВД России, ул. Лермонтова, д. 110, г. Иркутск, 664074, Россия; shmalenko.semyon@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Semyon A. Shmalenko, Private Police Officer, 2nd year cadet of the Faculty for Training Investigators and Forensic Experts, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia; shmalenko.semyon@mail.ru